

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2021

ТОМ 6 №3

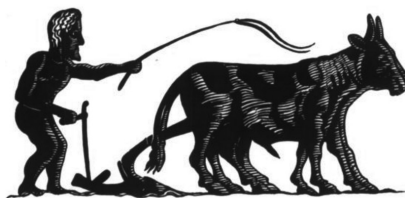
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сангконгхоу, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р.М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е.С. Никулина; Корректор И.Е. Кроль;
дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Крестьянский мальчик и корова». Б.Д. Григорьев. 1935.
Частная коллекция.

Содержание

Теория

- Ткаченко А.А., Смирнова А.А., Смирнов И.П.* Опыт географической классификации сельских районов Тверской области 6
- Штейнберг И.Е.* Метод «длинного стола» на этапе исследования «в поле» 19

История

- Кузнецов И.А.* Столыпинская аграрная реформа и производительность сельского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века 42
- Гонина Н.В., Павлюкевич Р.В.* Колхозные рынки Красноярска в 1955 — 1966 годах 79

Современность

- Аверкиева К.В.* Постсоветская трансформация лесных посёлков на севере Нечерноземья 90
- Савоскул М.С., Алексеев А.И.* Траектории трансформации одной неперспективной деревни (на примере деревни Кузрезка Терского района Мурманской области) 111
- Еремин С.В.* Неравенство в образовании на селе 124

Интервью с исследователем

- Кондрашин В.В., Никулин А.М.* «Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!» 135

Рецензии

- Бабашкин В.В.* Об оседлости и «обоседлении» 172
- Троцук И. В.* Вопросы без ответов, или Еще одно «измерение» российской сельской дифференциации 180

Научная жизнь

- Fitzé E.* International conference “Alexander Chayanov: Differentiation and integration of economics and politics, science and art” 191
- Овчинцева Л.А.* Земельный вопрос в Индии и в России 196
- Пугачева М.Г.* Биополитика и солидарность между городом и селом 201

Russian peasant studies

Vol. 6. 2021. No 3

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V.A. Il'nykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chan Jin, Sangkonghou University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R.M. Nureev, HSE
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J.A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Tkachenko A.A., Smirnova A.A., Smirnov I.P.* A geographical classification of rural areas in the Tver Region 6
Shteinberg I.E. The ‘long table’ method at the field stage of the research 19

HISTORY

- Kuznetsov I.A.* Stolypin agrarian reform and agricultural productivity of European Russia in the late 19th — early 20th century 42
Gonina N.V., Pavlyukevich R.V. Collective-farm markets of Krasnoyarsk in 1955 — 1966. 79

THE PRESENT TIME

- Averkina K.V.* Post-Soviet transformation of forest settlements in the north of the Non-Black Earth Region. 90
Savoskul M.S., Alekseev A.I. Trajectories of transformation of one unpromising village (on the example of the village Kuzreka in the Tersk district of the Murmansk Region) 111
Eremin S.V. Educational inequality in rural areas 124

INTERVIEW

- Kondrashin V.V., Nikulin A.M.* “If you are engaged in scientific research, you must have courage!” 135

REVIEWS

- Babashkin V.V.* On sedentariness and ‘settling’ 172
Trotsuk I. V. Questions without answers, or one more ‘dimension’ of the Russian rural differentiation. 180

SCIENTIFIC LIFE

- Fitzé E.* International conference “Alexander Chayanov: Differentiation and integration of economics and politics, science and art” 191
Ovchintseva L.A. Land question in India and Russia 196
Pugacheva M.G. Biopolitics and solidarity of urban and rural areas 201

Опыт географической классификации сельских районов Тверской области¹

А. А. Ткаченко, А. А. Смирнова, И. П. Смирнов

Александр Андреевич Ткаченко, доктор географических наук, профессор факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. 170021 Тверь, ул. П. Прошина, 3, корп. 2. E-mail: at_tver@mail.ru

Александра Андреевна Смирнова, кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. 170021 Тверь, ул. П. Прошина, 3, корп. 2. E-mail: Fomkina.aa@tversu.ru

Илья Петрович Смирнов, кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. 170021 Тверь, ул. П. Прошина, 3, корп. 2. E-mail: Smirnov.ip@tversu.ru

Аннотация. В статье анализируется понятие «сельская местность». Высказана мысль о некорректности рассмотрения сельской местности в разрезе административно-территориальных единиц. Предложено паллиативное понятие «сельский район» и представлен опыт классификации сельских районов Тверской области. Классификация базируется на трех основных признаках: каркасность территории, функции территории, развитость сети сельских населенных пунктов. Дополнительным признаком служит рекреационный потенциал. По сочетанию основных признаков выделено 11 вариантов (классов) сельских районов. Показано распределение площади и сельского населения области по типологическим группам районов.

Ключевые слова: сельская местность, сельский район, классификация, каркасность, функции территории, сельское расселение, рекреационный потенциал

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-6-18

Формирование отечественной географии сельской местности как особой комплексной географической дисциплины справедливо связывают с программной статьей С. А. Ковалева «Изучение сельской местности в экономической и социальной географии», опубликованной в 1980 году в сборнике «Вопросы географии» (Ковалев, 1980). Но впервые эта тема в нашу географическую науку пришла, видимо, благодаря книге французского географа Пьера Жоржа «Сельская местность: Очерки географии сельского хозяйства стран мира», русский перевод которой был выпущен Издательством иностранной литературы еще в 1959 году (Жорж, 1959).

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 21-17-00112

П. Жорж считал синонимами словосочетания «сельская местность» и «сельский ландшафт» (Жорж, 1959: 15). Название первой главы книги — «Сельская местность — результат деятельности человека в ее многообразных проявлениях» — говорит о том, в каком ключе автор рассматривает свой объект. И хотя значительная часть сельского населения многих стран давно не связана с сельским хозяйством, сельская местность, по его словам, есть результат воздействия сельского хозяйства на природную среду. Принципиальное значение для формирования понятия «сельская местность» имеет следующее положение: «...существуют некоторые зачаточные формы сельского хозяйства, которые не способны породить сельскую местность, или сельский ландшафт. К таким формам относится кочевое скотоводство, протекающее в рамках первобытной среды естественных пастбищ» (Там же). Аналогично он считал, что и подсечное земледелие, постоянно передвигающееся с места на место, не формирует сельскую местность (Там же: 16).

Без постоянных населенных пунктов и постоянного населения сельской местности нет, незаселенные пространства таковой не являются. Определение сельской местности может быть следующим: внегородское пространство с постоянным населением.

Сельская местность состоит из населенных пунктов, дорог, сельскохозяйственных и иных угодий (используемых или заброшенных), а также природных объектов как площадного (лесные и болотные массивы, небольшие озера), так и линейного (реки и ручьи, овраги) характера. Сельская местность представляет собой сочетание, комплекс, ансамбль природных объектов, населенных пунктов, дорог, угодий. Взаиморасположение, чередование этих элементов определяет территориальную структуру сельской местности (Ткаченко, 1987). Сельская местность — это культурный ландшафт (Саушкин, 1946; Родоман, 2011).

Сельская местность исключительно разнообразна. Сочетание ее природных, исторических, экономических, демографических, позиционных и других характеристик порождает большое количество вариантов, независимо от того, где и какая по размеру территория рассматривается. При исследованиях на самых разных уровнях, которые часто называют «масштабами», будь то вся Россия, ее крупные части типа географических районов, регионы областного уровня и их части, вплоть до низовых районов и более мелких территорий, выделяются многочисленные «типы сельской местности». Ниже будет показано, что использование этого термина не всегда корректно.

В общем виде, согласно Большому энциклопедическому словарю (1991: 797), местность — это часть территории, характеризующаяся общностью каких-либо признаков (природных, исторических или других). В ландшафтоведении под местностью понимают либо группу однотипных урочищ, либо повторяющееся сочетание разнотипных урочищ (Исаченко, 1974: 108). Повторяемость территориальных элементов — основной признак местности. Местность — типическое

сочетание элементов. Типообразующими признаками, при данном понимании сельской местности, являются взаиморасположение всех перечисленных выше элементов и количественное (площадное) соотношение хозяйственных угодий разных типов и природных объектов.

Для сельской местности, как и любой другой, характерна физиономичность, то есть визуальная узнаваемость и различимость. Свообразие сельской местности определяется сочетанием ее природной основы, измененной в результате хозяйственной деятельности многих поколений жителей, и наложенной на нее центр-периферийной структуры. Исходя из этого, любой регион областного ранга, любой низовой район и даже территория любого бывшего колхоза или совхоза, как и территория сельсовета или муниципального сельского поселения, однородными (за очень редкими исключениями) быть не могут.

Сельские местности существуют в собственных границах, выделять их можно либо «снизу», объединяя сходные участки земной поверхности, либо «сверху» — путем разделения изучаемой территории на однородные части. Понятно, что и в том, и в другом случае полученные выделы не будут привязаны к официальным границам административно-территориальных или муниципальных единиц. Соседствующие между собой части разных административно-территориальных единиц, как правило, образуют однотипную местность, а в пределах одной территориальной единицы обычно бывают представлены разные варианты сельской местности.

При географическом изучении сельской местности внимание исследователей обычно бывает сосредоточено либо на составе населения, либо на условиях (значительно реже — образе) его жизни, либо на сельском хозяйстве (например, Алексеев, 1990; Нефедова, 2003, 2013). Сама местность («местность как таковая»), местность как культурный ландшафт практически не изучается.

Единицами рассмотрения в данной статье служат *низовые районы* Тверской области. До недавнего времени они именовались муниципальными (еще ранее — административными) районами. В настоящее время часть из них являются городскими округами, другие — муниципальными округами, остальные сохраняют статус муниципальных районов. Поскольку процесс смены статуса не завершен, мы не приводим данных о количестве территориальных единиц, имеющих тот или иной статус (вопрос о целесообразности смены статуса территорий здесь не рассматривается). Все эти территориальные единицы, не зависимо от их официального наименования, для удобства называются в статье низовыми районами.

Во главе большинства низовых районов стоят города или поселки городского типа. В Тверской области только Лесной район возглавляется сельским населенным пунктом — селом Лесное. Некоторые из городов (Тверь и три из числа наиболее крупных городов области — Кимры, Ржев, Торжок), являясь центрами районов, юридически в состав этих районов не входят. Район в таком

случае подобен всаднику без головы, а город — дырке от бублика. Данный нюанс мы оставляем без внимания — нас интересует сельская составляющая районов, поэтому и города, и поселки городского типа сами по себе нами не рассматриваются, но полностью из анализа не исключаются, так как для существования сельской территории не безразлично, что является ее центром. Немногочисленные в Тверской области пгт без районных функций тоже важны для сельской местности в качестве элементов ее опорного каркаса². Слово сочетание «сельский район» подчеркивает, что нас интересует только сельская (без городов и пгт) часть низового района.

Сельский район — категория собирательная, он понимается как пространственно не расчлененное, внутренне однородное территориальное образование. Однородность его, разумеется, условна. Такой подход представляет собой заведомо упрощенный взгляд на сельскую составляющую территории низового района. Использование термина «сельский район» связано с тем, что сельскую местность в принципе нельзя рассматривать в каких-либо официальных границах. Концепт «сельский район» — это своего рода паллиатив, сконструированный для рассмотрения сельской местности в официальных границах.

Параметры «сельского района», при предлагаемом его понимании, отражают некоторое обобщение свойств (и описывающих эти свойства характеристик) сельских местностей в пределах низового района. Речь, конечно, идет не о нахождении каких-то средних значений, а о выделении наиболее существенных свойств, характеризующих (репрезентирующих) сельскую составляющую низового района.

Классификация сельских районов Тверской области проводилась экспертным путем, без использования каких-либо количественных данных, и опирается на знания авторов, накопленные в результате многолетних исследований своего региона. Предлагаемая классификация отражает современное (2020–2021 годы) состояние сельской местности и не претендует на отражение процессов ее эволюции или трансформации. Сельские районы оценивались (описывались) следующими основными признаками: каркасность территории, ее функции, развитость сельского расселения. В качестве дополнительного признака использовался рекреационный потенциал.

Под *каркасностью* понималось нахождение в поле влияния крупных центров и значимых транспортных магистралей. Последние принимались в расчет только в тех случаях, когда они оказывают влияние на значительную часть территории района. Учи-

2. Имеется в виду опорный каркас территории — одно из важнейших понятий отечественной социально-экономической географии. Каркас состоит из основных населенных пунктов и важнейших транспортных путей территории. Он обеспечивает ее внутреннюю связность и одновременно — выход во внешний мир.

тывалось положение района по отношению к областному центру, к Москве, а также значимость центра района для окружающей территории. Каркасность соединяет в себе транспортно-географическое и метрополитенское (относительно важнейших центров) положение района. Различались три варианта: прикаркасные, срединные и глубинные районы. Функциональная принадлежность определялась наличием действующих предприятий. В соответствии с этим выделены три группы районов: сельскохозяйственные (аграрные), несельскохозяйственные, без выраженных функций. Район считался сельскохозяйственным при наличии крупных предприятий аграрной сферы. В несельскохозяйственных районах ведущую роль в сельской местности играют лесная промышленность, деревообработка, добыча строительных материалов, рекреация. В районах третьей группы какая-либо специализация сельской местности не просматривается. Развитость сельского расселения оценивалась по наличию крупных сельских центров расселения и общей густоте сети сельских населенных пунктов (СНП). По этому параметру было выделено два варианта сельских районов: с развитой и неразвитой сетью сельских населенных пунктов. Рекреационный потенциал подразумевает наличие привлекательных природных объектов, многочисленных дач, предприятий сферы отдыха. Выделялись районы, обладающие существенным рекреационным потенциалом.

При классификации был использован способ последовательного (поэтапного) деления всей совокупности районов по выбранным признакам. Главным и, соответственно, первым признаком считалась каркасность. К числу прикаркасных отнесено 14 районов, к числу срединных — 10, глубинных — 12 (рис. 1). Прикаркасные районы образуют большую по площади компактную группу. Особое место в области занимает возглавляемый Тверью и находящийся под ее непосредственным влиянием Калининский район. Окружающие его районы частично входят в состав Тверской агломерации, а Конаковский — и Московской. Через шесть районов в центральной части области проходит полимагистраль Москва — Санкт-Петербург. Калязинский, Кимрский и Зубцовский районы отнесены к этому классу в связи с близостью к Московской агломерации. Вместе с Конаковским они составляют «Тверское Подмосковье». К этому же классу отнесен Бежецкий район, расположенный вдали от федеральных трасс. Его прикаркасность связана с тем, что Бежецк — ярко выраженный межрайонный центр северо-восточной части области. По этой же причине прикаркасным признан Ржевский район, возглавляемый вторым по людности городом области. К глубинным отнесены удаленные от центра области, других важных городов и крупных дорог районы (Андреапольский, Бельский, Весьегонский и др.). К срединным — районы, занимающие промежуточное положение между прикаркасными и глубинными.

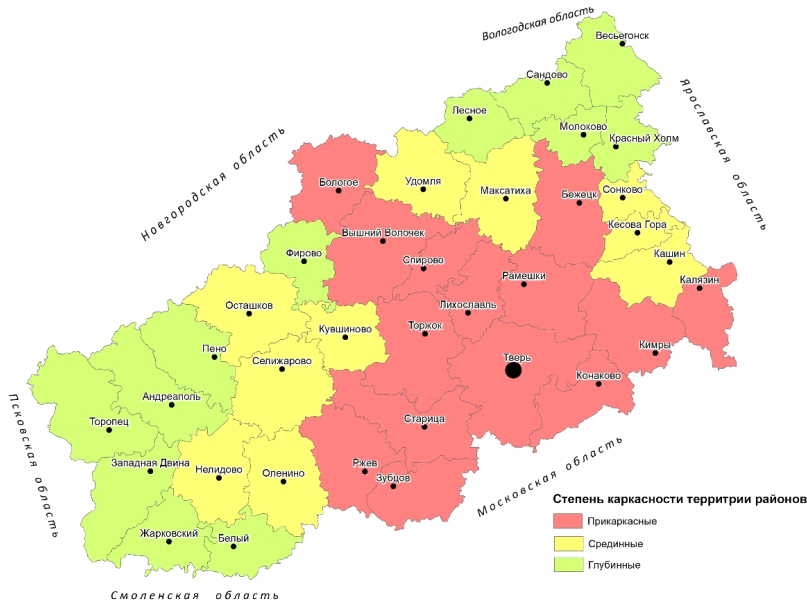

Рис. 1. Каркасность сельских районов Тверской области

На втором этапе районы делились по функциям территории. К числу сельскохозяйственных отнесено 12 районов, несельскохозяйственную специализацию имеют 13 районов, остальные 11 признаны районами без выраженных функций (рис. 2). Аграрными считались районы, на территории которых работают крупные сельскохозяйственные предприятия — Конаковский, Ржевский (группа компаний «Агропромкомплектация»), Калининский («Заволжский мясокомбинат»), Бежецкий, Сонковский (АПК «Коралл»), Старицкий («Саначино-агро») и др. В эту же группу включены так называемые «старопахотные» районы, до недавнего времени выделявшиеся высокой распаханностью территории — Кашинский, Зубцовский, Торжокский и др. Среди несельскохозяйственных преобладают районы, специализирующиеся на заготовке и переработке леса. Как правило, здесь либо в сельской местности, либо в районном центре работают деревообрабатывающие предприятия. Осташковский район включен в эту группу благодаря хорошо выраженной рекреационной функции.

На третьем этапе рассматривалось сельское расселение. Более половины (21) отнесены к районам с развитой сетью СНП, остальные 15 — к районам с неразвитой сетью (рис. 3). В Тверской области одним из важнейших факторов устойчивости сети СНП являются транспортные условия. В группу с развитой сетью СНП вошли также примосковские районы и районы на востоке региона, где густая сеть СНП сохранилась с того времени, когда они отличались развитым сельским хозяйством.

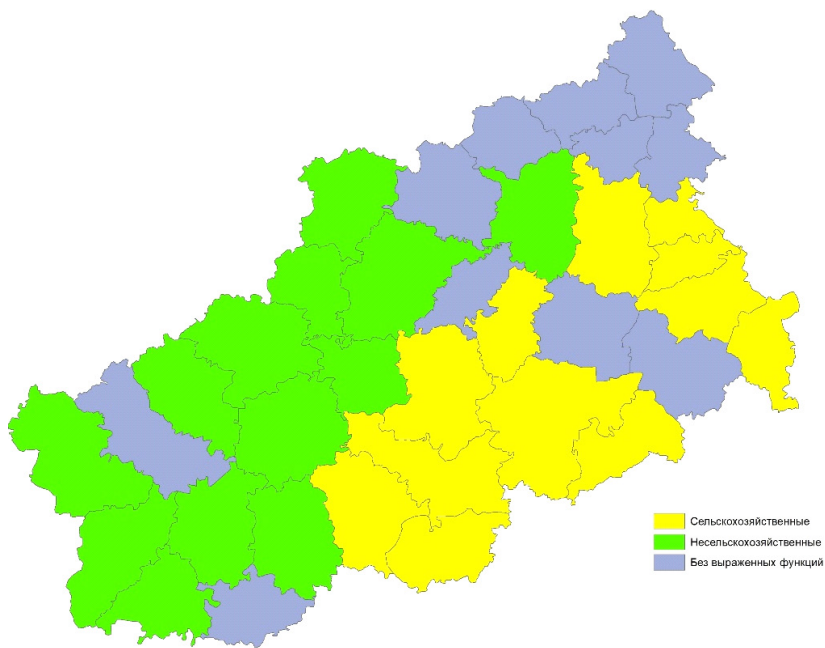

Рис. 2. Функции сельских районов Тверской области

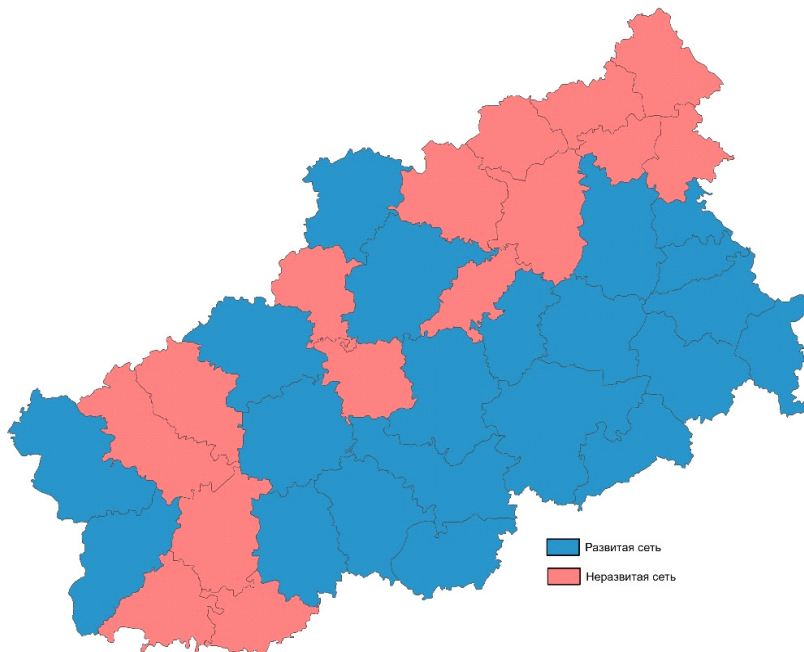

Рис. 3. Развитость сети сельских населенных пунктов в сельских районах Тверской области

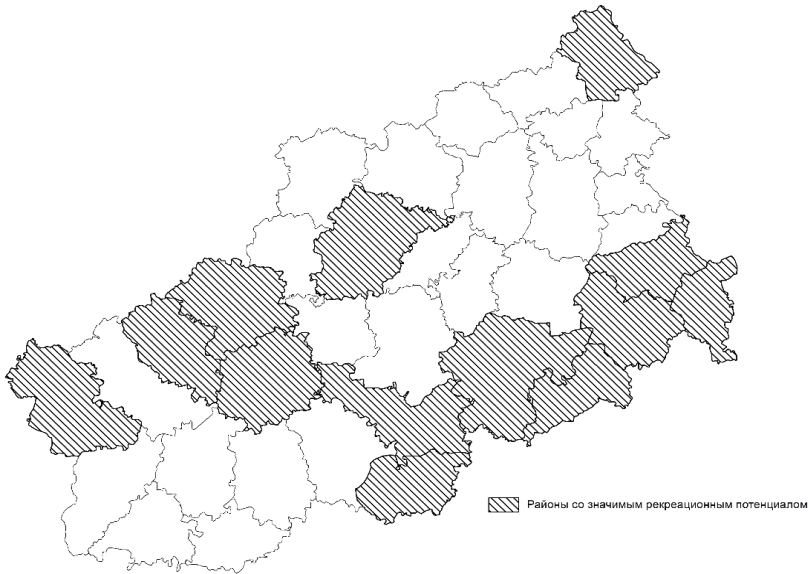

Рис. 4. Рекреационный потенциал сельских районов Тверской области

По дополнительному признаку — наличию рекреационного потенциала — выделены 13 районов (рис. 4). К этой группе в основном отнесены районы, располагающие крупными водными объектами, таким как Волга (ниже Твери — каскад волжских водохранилищ), Селигер и Верхневолжские озера, Вышневолоцкое водохранилище. Привлекательны для рекреантов притоки Волги: Тьма, Тверца, Медведица, Кашинка и др. Хорошо развитую гидрографическую сеть имеет Торопецкий район. Помимо водных объектов учитывалось наличие в сельской местности районов значимых мест размещения туристов. Например, в Торопецком районе вдали от районного центра расположился один из самых посещаемых экоотелей Центральной России «Времена года». В сельской местности Кашинского района находятся два крупных объекта — загородный комплекс «Медведица Art Village» и оздоровительный комплекс «Тетьково». В приволжских и приселигерских районах имеется большое количество разнообразных средств размещения. Калининский район является местом отдыха многих жителей Твери, в примосковских районах сосредоточены дачи москвичей. В летний период сельское население здесь увеличивается в несколько раз.

Наличие рекреационного потенциала, как правило, не определяет специализацию района. О хорошо выраженной рекреационной функции можно говорить только в отношении Осташковского, Калининского, Конаковского, Калязинского и Кашинского районов, причем лишь в Осташковском эта функция является основной. Чаще она присутствует как дополнительная в аграрных или несельскохозяйственных районах, а в некоторых случаях рекреационный потенциал отмечен и в районах без выраженных функций.

Таблица 1. Классификация сельских районов Тверской области по трем признакам

Каркасность	Функции территории и развитость сети СНП*						Число районов
	Сельскохозяйственные		Несельскохозяйственные		Без выраженных функций		
	1	2	1	2	1	2	
Прикаркасные	Бежецкий, Зубцовский, Калининский, Калазинский, Конаковский, Лихославльский, Ржевский, Старицкий, Торжокский		Вышневолоцкий, Бологовский		Кимрский, Рамешковский	Спировский	14
Срединные	Кашинский, Кесовогорский, Сонковский		Оленинский, Осташковский, Селижаровский	Кувшиновский, Максатихинский, Нелидовский		Удомельский	10
Глубинные			Западнодвинский, Торопецкий	Жарковский, Перновский, Фировский		Андреапольский, Бельский, Весьегонский, Краснохолмский, Лесной, Молоковский, Сандовский	12
Число районов	12	13	11	36			

* Цифрами обозначены районы: 1 — с развитой сетью СНП; 2 — с неразвитой сетью СНП

Сочетание трех основных признаков дает 11 вариантов, или классов, сельских районов (табл. 1, рис. 5). Самый многочисленный (9 единиц) — прикаркасные сельскохозяйственные районы — все они имеют развитую сеть СНП. Второй по численности класс — глубинные районы без выраженных функций и с неразвитой сетью СНП (7 единиц). Таким образом, наиболее наполненными являются крайние, состоящие из наиболее и наименее освоенных районов, классы. К остальным девяти классам принадлежат 20 районов. Наполненность всех этих классов невелика — от 1 до 3 единиц.

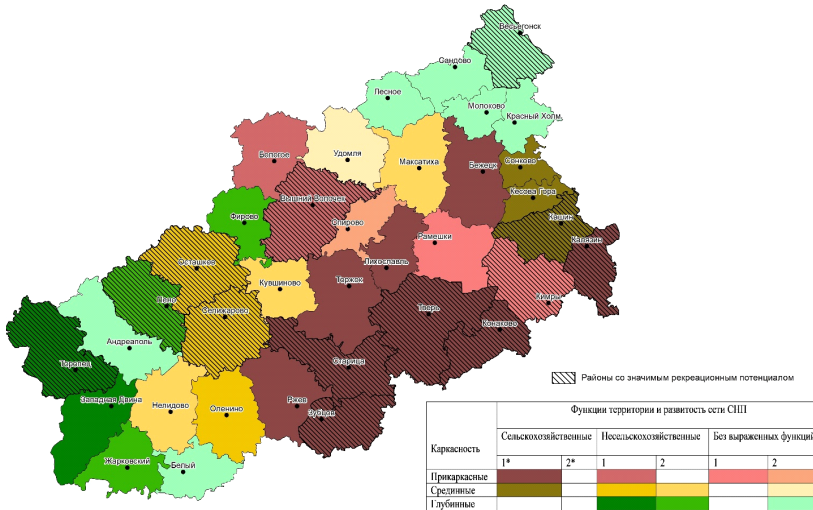

Рис. 5. Классификация сельских районов Тверской области

* * *

На рисунках 1 и 5 хорошо просматривается основная черта территориальной структуры Тверской области. В центральной части прикаркасные районы образуют неоднократно описанный «Тверской треугольник» — наиболее освоенную часть территории области, ограниченную воображаемыми линиями Ржев — Вышний Волочек — Кимры. Ядро треугольника составляет возглавляемая Тверью группа сельскохозяйственных районов с развитой сетью СНП, основание совпадает с границей Тверской и Московской областей. В данном случае треугольник несколько расширен за счет Бологовского и Калязинского районов. Единственный прикаркасный район вне этого треугольника — Бежецкий. К треугольнику примыкают срединные районы, а далее к северо-востоку и юго-западу от него расположены глубинные части области с преобладанием районов без выраженных функций и неразвитой сетью СНП.

Кратко рассмотрим сочетание различных признаков. Прикаркасные районы имеют наиболее развитое сельское хозяйство. Для 9 из 14 районов этой группы характерна аграрная специализация. И всего 3 сельскохозяйственных района не являются прикаркасными. При этом все прикаркасные районы имеют развитую сеть СНП.

В группе срединных преобладают районы с несельскохозяйственными функциями (6 из 10) и развитой сетью СНП (тоже 6 из 10).

Среди глубинных нет районов с аграрными функциями. Более половины (7 из 12) отнесены к числу районов без выраженных функций, остальные 5 — к имеющим несельскохозяйственные функции. Абсолютное большинство глубинных районов (10 из 12) имеют неразвитую сеть СНП.

Для всех районов с аграрной функцией характерна развитая сеть СНП. Среди районов с несельскохозяйственными функциями 8 имеют развитую и 6 — неразвитую сеть СНП. И, наконец, абсолютное большинство районов без выраженных функций (9 из 11) имеют неразвитую сеть СНП. Прикаркасными среди этих районов являются всего три.

Из сказанного можно заключить, что использованные для классификации признаки в определенной мере соответствуют друг другу. Прикаркасные районы в основном имеют аграрную специализацию и развитую сеть СНП. Глубинные районы, наоборот, в большинстве своем не имеют выраженных функций, а сеть СНП в них не развита. Для срединных районов характерны промежуточные значения. Однако говорить о полной корреляции признаков, конечно, нельзя.

Естественно предположить, что каркасность и специализация районов отражаются на размещении сельского населения. В таблице 2 приведены данные о площади и численности сельского населения по группам районов, выделенным в соответствии с этими признаками. При обеих группировках более половины сельского населения приходится на первые группы — соответственно, прикаркасные и сельскохозяйственные районы. В обоих случаях доля группы в населении существенно выше, чем в площади. Последние группы (соответственно, глубинные и районы без выраженных функций), наоборот, отличаются пониженной концентрацией населения. Их доля в численности сельского населения значительно меньше, чем доля в площади. На девять прикаркасных сельскохозяйственных районов приходится 28% площади и 49% сельского населения, а на семь глубинных районов без выраженных функций — 21% площади и только 12% сельского населения.

Представляется, что полученная классификация довольно полно улавливает основные черты дифференциации сельских территорий Тверской области и может быть использована при прогнозировании и при разработке программ развития сельских районов.

Таблица 2. Доля групп районов в общей площади и суммарной численности сельского населения Тверской области, %

Группы районов	Площадь	Численность сельского населения
Прикаркасные	42,9	66,4
Срединные	27,1	20,2
Глубинные	30,0	13,4
Всего	100,0	100,0
Сельскохозяйственные	32,9	54,4
Несельскохозяйственные	40,6	26,5
Без выраженных функций	26,5	19,1
Всего	100,0	100,0

*А. А. Ткаченко,
А. А. Смирнова,
И. П. Смирнов*
Опыт географической классификации сельских районов Тверской области

Библиография

- Алексеев А. И.* (1990). Многоликая деревня (население и территория). М.
- Жорж П.* (1959). Сельская местность: Очерки географии сельского хозяйства стран мира / Перев. с франц. М.
- Исаченко А. Г.* (1974). Местность // БСЭ. 3-е изд. М. Т. 16.
- Ковалев С. А.* (1980). Изучение сельской местности в экономической и социальной географии // Вопросы географии. № 115. Экономическая и социальная география. М. С. 172–184. [Перепечатано в: Ковалев С. А. Избранные труды. Смоленск, 2003].
- Местность (1991) // Большой энциклопедический словарь. М. Т. 1.
- Нефедова Т. Г.* (2003). Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.
- Нефедова Т. Г.* (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.
- Родоман Б. Б.* (2011). Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения // Международный журнал исследований культуры. № 4. С. 47–53.
- Саушкин Ю. Г.* (1946). Культурный ландшафт // Вопросы географии. № 1. С. 97–106. [Перепечатано в: Саушкин Ю. Г. Избранные труды. Смоленск, 2001].
- Ткаченко А. А.* (1987). Территориальная структура сельской местности в системе управления аграрным сектором // Проблемы управления социально-территориальным развитием аграрного сектора. Барнаул. С. 24–27.

A geographical classification of rural areas in the Tver Region

Alexander A. Tkachenko, DSc (Geography), Professor, Faculty of Geography and Geocology, Tver State University. 170021 Tver, P. Proshina St., 3, bldg. 2.
E-mail: at_tver@mail.ru

Alexandra A. Smirnova, PhD (Geography), Associate Professor, Faculty of Geography and Geocology, Tver State University. 170021 Tver, P. Proshina St., 3, bldg. 2.
E-mail: Fomkina.aa@tversu.ru

Ilya P. Smirnov, PhD (Geography), Associate Professor, Faculty of Geography and Geocology, Tver State University. 170021 Tver, P. Proshina St., 3, bldg. 2.
E-mail: Smirnov.ip@tversu.ru

Abstract. The authors consider the term 'rural areas' and believe that such territories should not be defined as administrative-territorial units. The article presents another interpretation of 'rural areas' on the example of classification developed for the Tver Region. This classification is based on three features: the type of territory, its functions, and the development of rural settlements network; recreational potential can be an additional criterion. The combination of these features allowed the authors to identify 11 types of rural areas and to describe the distribution of territories and rural population of the Tver Region by typological groups.

Key words: rural area, rural district, classification, type, function, rural settlement, recreational potential

References

- Alekseev A. I. (1990) *Mnogolikaja derevnja (naselenie i territorija)* [Many-Faced Village (Population and Territory)], Moscow.
- Isachenko A. G. (1974) Mestnost [Locality]. *BSE*. Moscow, vol. 16.
- Kovalev S. A. (1980) Izuchenie selskoj mestnosti v ekonomicheskoj i sotsialnoj geografii [The study of rural areas in economic and social geography]. *Voprosy geografii. Ekonomicheskaja i sotsialnaja geografija*, no 115, pp. 172–184.
- Mestnost [Locality] (1991) *Bolshoj Entsiklopedichesky Slovar*, Moscow, vol. 1.
- Nefedova T. G. (2003) *Selskaja Rossija na pereputie: geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays], Moscow.
- Nefedova T. G. (2013) *Desjat aktualnyh voprosov o selskoj Rossii: Otvety geografa* [Ten Topical Questions about Rural Russia: Answers of the Geographer], Moscow.
- Rodoman B. B. (2011) Traditsionny kulturny landshaft: osnovnye problemy tipologii, rajonirovaniya i voobrazhenija [Traditional cultural landscape: Key issues of the typology, regionalization and imagination]. *Mezhdunarodny zhurnal issledovanij kultury*, no 4, pp. 47–53.
- Saushkin Ju. G. (1946) Kulturny landshaft [Cultural landscape]. *Voprosy geografii*, no 1, pp. 97–106.
- Tkachenko A. A. (1987) Territorialnaja struktura selskoj mestnosti v sisteme upravlenija agrarnym sektorom [Territorial structure of rural areas in the agrarian sector management]. *Problemy upravlenija sotsialno-territorialnym razvitiem agrarnogo sektora*, Barnaul, pp. 24–27.
- Zhorzh P. (1959) *Selskaja mestnost: Oчерki geografii selskogo hozjajstva stran mira* [Rural Areas: Essays on Agricultural Geography of the World], Moscow.

Метод «длинного стола» на этапе исследования «в поле»

И. Е. Штейнберг

Илья Ефимович Штейнберг, кандидат философских наук, доцент Московского государственного психолого-педагогического университета, руководитель «Школы-студии исследователя-качественника». 127051 Москва, ул. Сретенка, 29. E-mail: ilya.shteynberg@gmail.com

Аннотация. В статье приведены фрагменты из готовящейся к печати монографии автора «Метод «длинного стола» в полевых качественных социологических исследованиях». Сам метод возник в ходе многолетнего междисциплинарного исследования российского села, которое проводилось под руководством проф. Теодора Шанина в 1990-1995 годах. Одним из направлений его дальнейшего развития стала «Школа-студия исследователя-качественника», которая существует уже около двадцати лет. Монография, по сути, описывает методологию, методики и опыт по организации рабочих групп исследователей и их подготовки для проведения полевых качественных исследований полного цикла, от замысла до публикации. Включенные в статью фрагменты текста книги посвящены таким актуальным темам проведения полевого социологического исследования методом глубинного интервью, как «Тандемное интервью и «длинный стол»; «Групповой полевой дневник. Зачем его вести?»; «Сколько времени должно продолжаться глубинное интервью?» и «Кризис понимания» и теоретическая рамка исследования». Особенностью их содержания, кроме описания конкретных методических подходов с многочисленными примерами из исследовательской практики, является включение в текст отрывков из записей работы ведущего и участников по методу «длинного стола» в школе-студии с целью дать читателю представление об исследовательской культуре, как основных принципов и ценностей научного поиска истины, атмосферы взаимной интеллектуальной и эмоциональной поддержки участников исследовательских проектов, заложенной в этот метод Теодором Шаниным.

Ключевые слова: качественные методы, метод «длинного стола», школа-студия исследователя качественника, тандемное интервью, тайминг глубинного интервью, групповой полевой дневник, «кризис понимания», стадии психологического состояния исследователя.

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-19-41

Итак, работа над замыслом исследования подошла к концу. Члены рабочей группы пришли к консенсусу относительно ключевых понятий изучаемой темы, поработали над навыками нахождения общего языка. Были определены цели и задачи, проведено транспонирование ТЗ для поиска первичных данных, сформулированы и проверены ключевые исследовательские вопросы, проговорены доповые гипотезы, найдена логическая схема для выборки, об-

думаны вход в поле и примерная структура интервью. Начинается следующий этап работы «длинного стола».

По мере погружения исследователей в процесс сбора первичных данных проявляются психологические состояния, соответствующие выделенным нами фазам цикла полевого исследования: «полевой шок», «кризис понимания», «адаптация и ассимиляция с полем».

Переход к этапу «в поле» сопровождается настроениями, которые за «длинным столом» получили названия «кураж» и «мандраж». Они подробно описаны во второй главе, но следует отметить, что главная роль в их коррекции отведена ведущему. Ему предстоит охладить кураж участников, считающих, что информанты тепло встретят их, будут радостно отвечать на вопросы и охотно сотрудничать. С другой стороны, ведущему нужно будет поддержать тех, кто испытывает мандраж, связанный с сомнениями в своей готовности к встрече с информантами, сложностью или сенситивностью вопросов, проблемами доступа и пр.

Из записи ДС:

Ведущий: На этой неделе у нас запланирован выход в поле, есть договоренность на пять экспертных интервью. Надо распределить, кто куда пойдет, проверить еще раз свою готовность к встрече с экспертами. Есть ли вопросы?

Участник 1: Для меня это первый раз. Я бы хотела пойти вместе с кем-то из более опытных, чтобы посмотреть, как это делать.

У.2: Можно я не пойду к эксперту Н.? Я слышала, что он неохотно дает интервью и что в общении не очень приятный [человек]. Так говорят.

У.3: А меня беспокоит, что я никогда не была в ПНИ, вообще никогда не имела дело с людьми с таким диагнозом. Просто боюсь, что ничего не получится.

У.4: Не надо бояться. Это же интересно, получить такой опыт. Главное, что они не отказались от интервью, а там все сложится. Надо просто взять себя в руки и ничего не бояться.

У.3: Вам легко говорить «взять себя в руки», вы опытный. Как представляю, какой я буду выглядеть в глазах эксперта, так и в руки себя брать противно.

В.: Ваши опасения понятны. Экспертные интервью — это действительно непросто, даже для исследователей с опытом. Но у меня для вас две хорошие новости. Во-первых, вы пойдете по знакомству, то есть эксперт знает, о чем будут вопросы, он согласен и ждет вас. Знакомство для входа в поле тем хороше, что вопросы безопасности информанта адресуются не вам, а знакомому. Потом мы точно знаем, что он сказал эксперту о наших целях, уговорив его на встречу. В конце концов, мы уже столько сделали для преодоления полевой застенчивости, что это не может не дать результатов. А во-вторых, вы пойдете

не одна, а в тандеме с более опытным интервьюером. Вот с У.4 и пойдете? Вы согласны?

Перед началом работы «в поле» важно, чтобы участники не только проговорили свое состояние на старте, поделились сомнениями и опасениями, но и получили необходимую интеллектуальную и эмоциональную поддержку от коллег и ведущего. Здесь можно вернуться к методическим вопросам — например, входу «в поле», прояснению компетенции интервьюера, переформулированию вопросов для информанта.

Тандемное интервью и «длинный стол»

Из записи ДС:

Ведущий: Завтра будем брать глубинные интервью в тандеме. Мы это часто практикуем: те, у кого мало опыта, идут с более опытным интервьюером. Так легче научиться.

Участник 1: А если у меня вообще нет никакого опыта?

В.: Ничего страшного, тандем в этом случае отличный вариант. Это как на тандемном велосипеде: тот, кто сидит позади, просто крутит педали, желательно, синхронно, а ездить на велосипеде может вообще не уметь.

У.2: Значит, если у меня есть опыт, то новичок будет просто сидеть и смотреть, как я провожу интервью? Ничего не делать? Разве это тандем?

В.: Ну почему просто сидеть. Нет, я же сказал, он тоже будет «крутить педали». Вот об этом хочу поговорить.

У.2: А можно сделать так, чтобы я только рулил, а он крутил педали?

В.: Интересная идея: велосипедный тандем с одними педалями, и они у того, кто сидит позади. В этом что-то есть, надо подумать.

Тандемное интервью для «длинного стола» — важная форма приобретения специфических и неспецифических навыков полевой работы. При недостатке опыта интервьюирование в паре значительно облегчает получение и фиксацию первичных данных, и формирование необходимых навыков. Обычно при составлении тандема стараются сделать так, чтобы более опытный интервьюер шел на интервью вместе с новичком¹. В этих случаях продуктивность

1. Случается, что в паре работают два новичка, но продуктивность такого тандема значительно ниже, особенно в отношении анализа ошибок, которые неопытные интервьюеры могут просто не заметить. Есть нюансы и тандеме двух опытных интервьюеров: не всегда получается соблюдать договоренность, кто ведущий, а кто ведомый.

усвоения навыков в тандеме можно объяснить существующими нейropsихологическими теориями. Среди них наибольшей популярностью пользуется теория «зеркальных нейронов», которые обеспечивают механизмы подражания и имитации в поведении индивида для адаптации к данной среде. Если тандемное интервью построено грамотно, то его преимущества кажутся очевидными: более тщательная подготовка, более грамотное проведение, а также шанс обсудить полученные результаты сразу после окончания разговора, когда еще свежи впечатления.

Рассмотрим возможности, которые предоставляет тандемное интервью, подробнее.

До начала работы:

- Совместно с напарником уточнить и проговорить план интервью, возможные варианты его сценария от представления до ключевых вопросов по теме исследования.
- Определить роли участников тандема: кто будет основным, кто выступит в роли «второго номера». Обсудить, нужна ли смена ролей по различным причинам, связанным с длительностью интервью, сенситивностью вопросов, личностными особенностями интервьюеров (стилем проведения, степенью «полевой застенчивости», наблюдательностью, аналитичностью), которые могут как способствовать, так и создавать трудности при общении с респондентом. Например, некоторым сложно начать разговор с незнакомым собеседником, а кто-то слишком эмоционально реагирует на ответы информанта, слишком увлекается комментариями, своими рассуждениями и пр. Для таких интервьюеров с «особенностями» лучше выбрать в тандеме роль «второго номера», пока эти недостатки не будут преодолены опытом.

В ходе интервью:

- Вовремя поправить напарника («покрыть его недостаток») при формулировках вопросов, уточнении ответов, невнимательности к реакции информанта на вопросы и пр.
- Видеть себя со стороны с помощью второго интервьюера и вовремя корректировать свое поведение в поле.
- Распределить нагрузку, связанную с многозадачностью роли интервьюера — одновременно слушать, наблюдать, записывать, задавать вопросы, не пропустить важное для исследования в ответе собеседника, придерживаться намеченного плана беседы.
- Сделать интервью более похожим на естественную беседу, а не на формальную исследовательскую процедуру «вопрос-ответ»².
- Оказывать друг другу эмоциональную поддержку.

2. По мнению Анны Турчик, «наличие второго интервьюера в ситуации тандемного интервью уменьшает институциональность текущего взаимодействия и приближает его к порядку повседневной коммуникации» <https://www.dissercat.com/content/konversatsionnyi-analiz-rechevo-go-vzaimodeistviya-v-situatsii-issledovatel'skogo-intervyu>.

- Дать возможность для передышки, чтобы снять усталость и напряжение при длительных, перегруженных информативно или эмоционально интервью, при обстоятельствах, в которых есть необходимость в мерах физической или психологической безопасности интервьюера.

После интервью:

- Более точно восстановить запись интервью при технических помехах (некачественная запись, поломка диктофона, отказ информанта от записи разговора).

- Снизить субъективизм в интерпретации ответов информанта.
- Улучшить надежность полученных данных за счет сравнения восприятия ответов информанта и выводов.

- Повысить рефлексивность за счет сравнения рефлексий напарников.

Однако все эти возможности могут остаться нереализованными. Более того, при несоблюдении определенных правил проведения тандемного интервью оно может превратиться в перекрестный допрос, когда респондент не понимает, кому отвечать. Это происходит, если второй интервьюер начинает указывать на противоречия или факты, которые не заметил первый. Или, наоборот, если второй интервьюер все время молчит, иногда что-то записывает, тем самым также создавая неестественную для беседы ситуацию.

Из интервью с сельским жителем:

Респондент: А чего это девушка все время молчит? Ей что, неинтересно, о чем мы говорим?

И.: Нет-нет, ей интересно, молчит, чтобы не мешать — а то пришли вдвоем, завалили вопросами. У нее тоже есть вопросы, она потом задаст. А это вас напрягает как-то?

Р.: Ну не то чтобы напрягает. Но это, как на приеме у врача. Он смотрит, спрашивает, а медсестра сидит, молчит, бу-мажки перебирает.

Бывает противоположная ситуация, когда второй интервьюер очень активен, не дослушав ответа собеседника на вопрос первого, задает свой, причем на другую тему. Это, конечно, больше похоже на обыденный разговор и бывает необходимо для переключения интервьюируемого на другой вопрос гайда, но все же такие повороты темы должны быть обоснованы.

Перечисленные выше возможности тандемного интервью и приведенные примеры позволили сформулировать определенные правила, соблюдение которых должно помочь избежать грубых ошибок при проведении тандемного интервью:

До интервью:

- Проговорить с напарником план предстоящего интервью с учетом конкретного контекста (места, времени, особенностей информанта и специфики темы исследования).

- Распределить роли «первого» и «второго номера» или очередности в смене ролей по ходу беседы.

- Договориться о блоках вопросов, которые представляют особый интерес для каждого из участников тандема, которые они будут задавать по очереди как основные или дополнительные.

- Договориться о «сигналах SOS», в случаях, когда возникла заминка, связанная с нештатной ситуацией в интервью (неадекватная реакция на представление или вопрос; неожиданный ответ, ломающий первоначальный план, когда непонятно, о чем спрашивать дальше; появление третьего лица, которое надо увести, и т.п.). Важно подчеркнуть, что эти сигналы могут идти не только от «первого номера», но и от «второго», когда он видит ошибки партнера (отклонение от темы, увлечение личными воспоминаниями, явное оценивание собеседника, излишнее эмоциональное присоединение, нравоучения, непонимание ответа и пр.). Наконец, сигнал поступает при элементарной физической или эмоциональной усталости, потере концентрации внимания и интереса к собеседнику.

В процессе интервью:

- По возможности придерживаться вышеперечисленных договоренностей.

- Расположиться во время интервью так, чтобы иметь возможность видеть своего партнера — например, рядом с ним или в угловой позиции по отношению к информанту и напарнику³.

- Делать пометки в полевых записях об особенностях поведения напарника, которые нуждаются в коррекции.

- Находясь в роли «первого номера», помнить, что напарник — это важный ресурс для успешного проведения интервью, и его стоит держать в поле своего внимания так же, как и информанта, чтобы не пропустить сигналы как одобрения и поддержки, так и SOS.

- Находясь в роли «ведомого», не нужно сдерживать свое желание вмешаться в разговор репликами, мимикой и жестами, важно только следить, чтобы они были уместны и естественны, как в обыденном разговоре трех собеседников, проявляющих заинтересованное участие в беседе. Позиции «свидетеля» или стороннего «наблюдателя», как неоднократно было замечено, могут вызвать непредсказуемые реакции со стороны интервьюируемого, ухудшить обстановку доверия и безопасности.

После интервью:

- Хорошо бы сразу после интервью обменяться впечатлениями и записать их на диктофон. Так поступают многие опытные полевики. Это, как правило, дает ценный материал для процедуры анализа данных. Полезно спросить друг друга, что нового узнали

3. Бывали случаи, когда напарник садился за спиной интервьюера или в отдалении, «чтобы наблюдать со стороны». Такое положение второго интервьюера не способствует созданию доверительной обстановки во время беседы.

от этого информанта для задач исследования, что показалось неожиданным в ответах, как работали в ходе интервью с ним наши вопросы, был ли он заинтересован в теме, о чем не говорил прямо, а старался дать понять (какие были метасообщения).

- Можно оценить друг друга и тандем в целом на предмет достоинств и недостатков при беседе с информантом.

- Для повышения надежности полученных данных можно также дать оценку достоверности полученной информации с опорой на факты, которые проявились в интервью. Например, уточнить, что прозвучало как факт, важный для ответа на ключевые вопросы исследования.

- Проговорить новые идеи, которые возникли после этого интервью, или факты, которые нужно проверить, опираясь на другие источники.

Нестандартные ситуации

В литературе по качественным методам упоминают тандемные интервью как сравнительно малораспространенный вариант, что вполне объяснимо с точки зрения ресурсов полевого исследования. Но в принципе говорить о тандемных интервью как об эксклюзиве, думаю, было бы неправильно — тандемы в интервью встречаются довольно часто, даже если не считать учебные мероприятия.

Тем не менее есть действительно нестандартные ситуации, о которых хочется поговорить отдельно.

«Тридемное интервью»

Редко, но все же случается, что интервью становится групповым: в нем участвуют три, а иногда и большее количество интервьюеров. Такое может произойти, когда «проводники» неточно поняли просьбу найти информантов и собрали их вместе «на встречу с социологами». Иногда подобная ситуация складывается спонтанно — например, если договоренность об интервью сорвалась и свободный интервьюер присоединился к тандему.

Здесь сложно говорить о каких-либо правилах, отличающихся от правил ведения тандемного интервью, кроме повышенного риска превратить беседу в перекрестный допрос. Но хочется отметить несколько моментов, которые, возможно, помогут тем, кто окажется в подобной ситуации:

- Если информант — публичный человек и привык участвовать в совещаниях и прочих групповых мероприятиях, то «тридемность» интервью незначительно скажется на его содержании.

- Есть ряд чувствительных для информантов тем, которые лучше обсуждать с глазу на глаз, а не в обществе одного или нескольких напарников интервьюера.

- Если «третий номер» занял позицию безмолвного наблюдателя, то он выпадает из поля внимания информанта, который восприни-

мает его как еще одно «пишущее устройство». Но если третий участвует в интервью репликами и вопросами, то он становится участником дискуссии.

• Третий участник может сыграть положительную роль «переключателя» темы интервью. Замечено, что если до того молчавший третий интервьюер вступает в разговор с новым вопросом, не являющимся продолжением беседы, то он воспринимается более позитивно — как «свидетель», у которого накопились интересующие его вопросы.

Интервью в тандеме с заказчиком

Ситуацию, в которой вторым номером в тандеме оказался заказчик исследования, можно назвать экстраординарной и крайне нежелательной, но изредка такое случается. Обычно заказчику интересен не процесс, а результат. (Как-то один из моих заказчиков усомнился, что я смогу получить из интервью с экспертами достоверную информацию, и я предложил ему пойти вместе со мной и проверить на месте. В ответ он поинтересовался, стал бы я, купив собаку, сам за нее лаять?) Это бывает, когда заказчик, например, хочет лично убедиться в компетентности интервьюера или проявляет любопытство по отношению к самому процессу интервьюирования, так как у него есть подозрения, что люди, отвечая на вопросы социологов, либо врут, либо не знают ответов и не имеют представления том, как на самом деле обстоят дела.

Как правило, дело ограничивается одним-двумя интервью, но был случай, когда заказчику стало настолько интересно, что с его участием пришлось провести около десятка интервью с экспертами. Вначале я воспринимал это как серьезную помеху, поскольку договоренность не вмешиваться в мою работу он ни разу не выполнил, вступая в ожесточенные споры с собеседниками, оценивая их бизнес-решения и попутно объясняя им, как надо вести дела. То есть он делал все, что, как я считал, делать в интервью категорически нельзя. Но обстоятельства вынуждали смириться, и когда я убедился, что избавиться от него мне не удастся, неожиданно для себя обнаружил, что от этого есть и определенная польза.

Во-первых, заказчик как эксперт в данной теме задавал специфические вопросы, которые были важны для исследования, но мне бы в голову не пришли. Во-вторых, свойственный ему провокативный стиль разговора эмоционально заводил собеседников, и они начинали приводить примеры или мнения, которые такие эксперты обычно держат при себе. В-третьих, стало более понятно, что нужно заказчику от этих интервью. В-четвертых, возникли новые гипотезы, опирающиеся на часто неожиданную интерпретацию заказчиком ответов собеседника. В-пятых, сложилось представление, как будет оцениваться наш отчет, на что заказчик будет обращать особое внимание.

Поэтому, попав в такую историю, не впадайте в уныние и не воспринимайте заказчика как досадную помеху — стоит рассмотреть

это обстоятельство как возможность совершенствования вопросника для интервью, анализа результатов и структуры отчета.

Для этого достаточно договориться, что вы будете жестко прерывать дискуссию и споры с информантом, когда это необходимо в интересах нашего общего дела. Вторым условием, о котором надо договориться заранее, будет запись на диктофон его впечатлений и выводов сразу после интервью.

Некоторые коллеги предлагают повысить стоимость интервью в зависимости от степени вмешательства заказчика в процесс.

И. Е. Штейнберг
Метод «длинного стола» на этапе исследования «в поле»

Групповой полевой дневник. Зачем его вести?

Самый тупой карандаш лучше, чем самая острая память.

Знакомство с групповым полевым дневником за «длинным столом» начинается с более общего вопроса: «Зачем вообще вести полевой дневник, когда есть диктофон?» Еще не так давно этот вопрос не возникал, так как звукозаписывающая техника была несовершенна, относительно громоздка, требовала пленки, батареек, микрофона и контроля за записью. Сегодня, при обилии разнообразных гаджетов и возможности вести качественные записи офлайн и онлайн, может показаться, что полевой дневник — это ненужная трата времени и сил интервьюера.

Опытного полевого исследователя всегда видно по доведенной до автоматизма привычке делать записи по ходу интервью и в процессе обсуждения этапов исследования в рабочей группе. Инерция традиции ведения полевых дневников классиками социологических исследований, вероятно, пресекает пока самую постановку вопросов о том, нужно ли вести полевой дневник, что там обязательно должно быть и пр. В наше представление о «каноне» полевого исследователя почти всегда включен его личный архив, где видное место занимают «полевые дневники ученого». Например, вдова Б. Малиновского опубликовала его полевые записи исследований населения островов Тихого океана, из которых мы узнаем не только, что делал исследователь в поле, но и что он при этом думал и чувствовал.

Поэтому, когда идет речь о ведении полевого дневника во время интервью, у аудитории социологов возражений обычно не возникает, но и прочная установка делать записи по ходу полевого исследования тоже появляется далеко не у всех. Особенно это заметно, когда начинающие полевые исследователи узнают, что эти записи нужно делать перед проведением интервью, в ходе интервьюирования и после него.

Создается впечатление, что сегодня, когда мы технически лучше оснащены, чем наши коллеги 15–20 лет назад (не говоря уже о времени Малиновского), полевые записи по ходу интервью либо

ведутся редко, либо не становятся частью протокола исследования, и об их существовании знает только сам ученый.

Об этом можно судить по литературе, где авторы иногда указывают, что свои примеры взяли из полевых записей. Читатель может только догадываться, что это за документ: то ли это краткие «заметки на полях», то ли подробное описание событий, чувств и мыслей исследователя и пр. Мы знаем, что полевые дневники могут быть похожи на объемные тетради с рисунками и схемами, а могут по структуре напоминать «девичий альбом», особенно если у исследователя был опыт ведения личного дневника, которому поверялись мысли и чувства. Сегодня участие в социальных сетях также дает образцы личных записей. Но несмотря на то что канона полевого дневника не существует и исследователи могут делать записи по своему усмотрению, упоминания о полевых дневниках встречаются очень редко, и сами дневники нечасто рассматриваются в качестве «данных» исследования⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что многие исследователи считают полевой дневник не столь обязательным инструментом полевого исследования, как, например, транскрипт диктофонной записи или дневник наблюдений, тематический вопросник (гид), протокол встречи группы и т.п.

Из записи ДС:

Ведущий: Хочу спросить, кто из вас ведет полевые дневники?

Участник 1: До интервью и после не веду. В процессе иногда делаю пометки, но не знаю, можно ли это назвать полевым дневником.

У.2: Не вижу необходимости. Надо будет — записи всегда под рукой.

У.3: Если проведешь пять интервью, то уже не до записей, устаете.

У.4: У меня был хороший опыт. Крупный проект, полевых исследователей больше 10. Мы писали руководителю проекта после каждого интервью свои впечатления о том, что получилось, что нового узнали. Это не полевой дневник, конечно, но его самая важная часть, мне кажется. Если бы была более четкая структура для описания впечатлений, примерный формат, может, было бы продуктивней.

В.: Значит, из восьми присутствующих, только четверо ведут записи по ходу интервью, а один делает после.

4. Например, в недавно вышедшей монографии причинами трудностей ведения полевых дневников называют недостаток способностей к самоорганизации, усталость после рабочего дня, необходимость делать записи в этот же или на следующий день, так как новые интервью и наблюдения могут стереть важные детали предыдущего сбора данных. *Ваньке А. В., Полушкина Е. В., Стрельникова А. В.* (2020). Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Итак, зачем вести полевой дневник, например, по ходу интервью, когда есть хороший диктофон и надежная видеокамера? Возможно, сегодня это «лишняя опция» в инструментарии исследователя, и усилия, потраченные на овладение искусством одновременно задавать вопросы, слушать ответы и вести запись интервью вручную, вызывают сомнения в их необходимости.

Обобщая итоги многочисленных дискуссий по этому вопросу как опытных «полевиков», так и тех, кто находится в начале пути за нашими «длинными столами», мы можем разделить все соображения на этот счет на три кластера.

Полевой дневник нужен:

1. *Для более полной и надежной фиксации всех исследовательских процедур (для протокола исследования)*

Исследовательское интервью отличается от обычной беседы наличием протокола. Это запись самой беседы в виде аудио- или видеоматериала и транскрипт интервью (подробная расшифровка записей). Кроме этого, в протокол заносятся факты, которые не содержит запись беседы. Это фиксация общего контекста интервью.

Например, описание внешности респондента, благоприятной или неблагоприятной обстановки интервью (респондент спешил, был расстроен, озабочен, не заинтересован, боялся сказать лишнее). Где, когда происходила запись интервью. Присутствовали ли третьи лица и т.п. Каким образом был получен «доступ к телу», известна ли была позиция респондента по данному вопросу до начала интервью и т.д.

Даже если велась видеозапись интервью, она не может охватить весь его контекст: как правило, камера работает избирательно, а исследователь видит гораздо больше.

В некоторых случаях полевые записи на бумаге необходимы — например, если респондент отказывается от записи на диктофон или камеру. Как-то довелось брать интервью у наркодилера. Меня практически обыскали на предмет наличия звукозаписывающих устройств. Но, к моему удивлению, он не препятствовал ведению записей в блокноте и даже не посмотрел, что я там записываю. Вполне вероятны ситуации отказа техники или низкое качество записи из-за постороннего шума или тихой/невнятной речи респондента.

2. *Для создания доверительной и безопасной обстановки беседы*

• В некоторых культурах и субкультурах не принято при разговоре смотреть в глаза собеседнику, это считается бестактным. Постоянное или частое разглядывание респондента может его смущать (в частности, это касается людей с особенностями внешности), мешать сосредоточиться на мыслях и чувствах.

Эту функцию полевого дневника мы называем «эффектом икебаны». Существует представление, что в японской культуре не принято постоянно поддерживать контакт глазами, поэтому собеседники, обсуждая значимые для себя темы, смотрят не друг на друга, а на икебану. Схожая ситуация возникает, когда два незнакомых

попутчика в поезде, сидя друг напротив друга и беседуя на разные темы, чаще смотрят в окно, чем на своего собеседника. В данном случае «икебаной» служит полевой дневник. Интервьюер записывает, контакт глазами может быть эпизодическим, собеседник, если это его волнует, не беспокоится по поводу того, что его рассматривают.

Полевой дневник не раз выручал меня, когда собеседнику не нравилось, как я себя веду во время беседы. Например, довелось брать интервью у участников боевых действий в первой чеченской компании, я чувствовал напряжение и раздражение с их стороны, причины которых не понимал. Пока один из них резко не высказался: «Чего ты меня все время разглядываешь, я тебе не обезьяна в цирке!» По истечении нескольких недель я поймал себя на том, что веду себя с ними, как врач на приеме, который заполняет историю болезни и на пациента смотрит только по необходимости. Конфликтов больше не случалось.

- Ведение записей показывает внимание интервьюера к содержанию беседы, делает речь информанта более внятной и замедленной — он говорит так, чтобы за ним успевали записывать. Кроме того, для многих респондентов это подтверждение компетентности исследователя (традиционные атрибуты полевой работы — записи, протоколы).

- Исследователь имеет возможность при ведении записей прояснить свой вопрос или ответ респондента рисунком, схемой или другими способами визуализации.

- С помощью полевых записей можно управлять темпом беседы — например, замедлить его, если возникнет такая необходимость. Отложив записи, можно показать переход к другой теме, подчеркнуть неформальный характер беседы (не для протокола) или дать понять, что «ждал чего-то другого», «ответ очень удивил, даже записывать перестал» и т.п.

3. *Для самого исследователя как многофункциональный инструмент для развития рефлексии и анализа первичных данных*

- С помощью полевых записей исследователь может эффективно развивать методическую рефлексию. В выдержках из полевых дневников некоторых авторов встречаются размышления о том, почему не работает та или иная методика, почему «не пришел респондент» и другие формы «разбора полетов».

Например, после анализа транскрипта своего интервью с клиентами банка один из участников «длинного стола», который занимается продажами финансовых услуг в банке, отметил в своем дневнике, что вместо выяснения потребностей клиента и его способа оценки доверия и надежности банков, через короткое время перешел к «продажам» услуг своего банка, разъясняя их преимущества, пытаясь вызвать интерес к ним, хотя в цели и задачи исследования это не входило. Также он сделал пометку, что был предупрежден о возможности «скатывания» в привычное русло бытовой беседы

или профессионального общения, будь то продажи, консультирование, обучение, дознание и пр., но все равно не смог удержаться. Следующая запись была о том, что в следующем интервью проявление приемов беседы «продажника» удалось взять под контроль. Таким образом можно отследить формирование нового навыка.

- Полевой дневник способен помочь естественным образом переключить тему разговора на уточнение ответа на прошлый вопрос. Например, всегда можно сказать: «Подождите, я в начале разговора записал, что вы говорили о..., а сейчас я услышал... Хочу уточнить...»

- В полевой дневник можно записать вопрос, который важно не забыть задать.

- Полевой дневник служит инструментом анализа первичных данных. Некоторые исследователи по своим полевым записям могут провести первичную кодировку и классификацию данных, выделить наиболее важные части интервью, интерпретации ответов и пр. Для этого в дневнике делают короткие отметки или упоминают момент аудио- или видеозаписи, чтобы потом было легче ее найти в транскрипте или при прослушивании (например, «важный факт миграции», 43-я мин). Фиксация идей или гипотез по ходу интервью или сразу после него может очень пригодиться на этапе «после поля».

- Важная функция полевого дневника — профилактика «полевого шока», «исследовательского кризиса» и «профессионального выгорания». Записи о своих переживаниях, состояниях усталости, разочарования, депрессии помогают их проработать, снизить остроту эмоций, лучше осознать причины возникновения этих мыслей и чувств. Например, когда мне пришлось в течение восьми месяцев собирать устные истории свидетелей раскулачивания в селах Поволжья, в полевом дневнике появилась запись о том, как возникли усталость и эмоциональное отупение от страшных рассказов очевидцев голодных смертей, казней, разорения крестьянских дворов, и как эти рассказы не отпускают, застревают в памяти, появляются во сне. Фраза из дневника, что «я, как каторжник ядро, волочу за собой чужую память», отражала состояние автора дневника, близкое к эмоциональному выгоранию.

Структура группового полевого дневника

Всегда записывайте все данные. Такие записи — свидетельство, что вы работаете⁵.

Групповой полевой дневник представляет собой формализованный протокол встречи участников «длинного стола» на этапе в поле. Он

5. Правило Финейгла (2002) // 4048 законов жизни. В 2 т. / Сост. Кондрашов А. П. М.: Рипол Классик. С.199.

предназначен для выполнения двух основных задач на этом этапе исследования:

- Обеспечение посильной сопоставимости данных, получаемых группой исследователей, работающих с разными информантами.
- Проведение методической и аналитической триангуляции хода полевого исследования, так как в качественном исследовании сбор информации и ее анализ начинаются непосредственно «в поле».

Эти задачи решаются с помощью включения в полевые дневники участников рабочей группы обязательных вопросов, на которые нужно будет ответить во время групповой встречи. Вопросы участниками ДС обговариваются заранее и содержат основные данные, важные для оценки достоверности и надежности результатов интервью или наблюдений.

Надо отметить, что формат группового полевого дневника прочно связан с целями и задачами конкретного исследования и спецификой используемых методов сбора данных. В связи с этим он может в значительной степени меняться и включать в себя разный набор элементов — то есть он не является неизменным и стандартизированным. Однако за время работы методом «длинного стола» сложился перечень пунктов группового дневника, которые обязательно входят почти во все протоколы встреч рабочей группы на этапе «в поле».

Базовые пункты группового полевого дневника:

- Дата, время и вид интервью (глубинное, свободное, экспертное, в тандеме).
- Описание информанта; в какое «окно» выборки его можно поместить и почему.
- Контекст интервью, который мог повлиять на ответы информанта (как был получен контакт с респондентом, где проходила беседа, был ли информант настроен на интервью, присутствие посторонних и пр.). Иногда дается оценка контекста интервью в баллах. Например, от 0 до 5, где 0 — неблагоприятный контекст (помехи, присутствие третьих лиц, информант не расположен отвечать, торопился, настроен агрессивно), а «5» — максимально благоприятный (ничего не мешает беседе, информант готов к встрече, настроен благожелательно).

Фиксация в полевых записях контекста интервью помогает при анализе ответов, особенно в случае онлайн-интервью, где не видно, кто еще находится в помещении вместе с информантом, но видно, что ответы даются с оглядкой на невидимых наблюдателей, т.е. ответы респондента нельзя полностью рассматривать как его личную позицию по данным вопросам.

- Что считать ответом на КИВ в данном интервью? Краткое описание позиции информанта по КИВу.
- Обоснование позиции информанта в виде первичных кодов с приведением конкретных выдержек из интервью.
- Неожиданные ответы, новые и старые гипотезы, метафоры, интересные факты.

- Методические вопросы, связанные с инструментарием исследования, методические находки, предложение по коррекции ключевых вопросов, вопросника, выборки и т.п.

- Собственные коммуникативные проблемы полевого исследователя (сложности установления контакта с информантом, беспристрастности, «забавности», поддержания интереса и др.)⁶.

Фрагмент из полевого дневника исследователя перед встречей рабочей группы, изучающей уроки Олимпиады в Сочи для подготовки ЧМ по футболу:

- Информант Р. Около 60 лет, офицер запаса, военный пенсионер, приехал в начале 90-х из К., обучился на юриста, президент фонда поддержки малого предпринимательства.

Семейное положение — женат, дочь. Образование высшее.

2. Общий контекст интервью.

Интервью состоялось сразу после фокус-группы по теме интервью, где Р. был участником. Возможно влияние мнений участников ФГ на респондента (Проверить позиции участников ФГ по отчету).

- Проводник — Ольга.

- Оценка для условий проведения интервью — 5 (кабинет Р. в бизнес-центре, 17 ч.).

- Установка на контакт. Заинтересованность Р. — 5 (к интервью готовился, не спешил, старался создать впечатление эксперта, равнодушного к проблемам малого бизнеса и города в целом, активиста, человека принципиального, конкретного, с претензией на глубокий анализ ситуации).

Безопасность для Р. — 4 (не уходил от неудобных вопросов, открыто критиковал местную власть. Просьбы «не для записи» были пару раз).

3. Место в модели нашей выборки (экспертность — ипичность) — теоретический эксперт в теме «малый бизнес» (в практику малого бизнеса включен как юрист по защите интересов (бизнесом занимается его жена)), хорошо владеет дискурсом по теме, экспертиза по ситуации в малом бизнесе в Адлере и аналитические компетенции представлена на хорошем среднем уровне (недостаток для экспертизы — слишком часто опирается на личный опыт.) Высокий авторитет в бизнес-сообществе и у городских властей.

6. Этот пункт необходим, если сложности возникают. Например, интервьюер обратила внимание, что у нее повторяются полевые записи о затрудненности установления контакта с определенным типом информантов. Это были мужчины, похожие на ее отца, с которым у нее сложились конфликтные отношения. Фиксация помогла ей осознать проблему и улучшить взаимодействие с подобным типом респондентов.

4. *Позиция Р. по КИВу:*

- *Позитивное отношение к Олимпиаде в Сочи как к морально-му фактору повышения престижа страны, города и т.п. Сильное разочарование вследствие обманутых надежд малого бизнеса, чьи интересы он представляет.*

- *К ответу на КИВ: Импульсом для развития малого бизнеса в Адлере Олимпиада не стала. «О малом бизнесе вспомнили, когда закончился “золотой дождь” из бюджета».*

5. *Обоснование позиции:*

- *Код «Эйфория от причастности к событию». Олимпиада — это сильнейший импульс для развития гордости, патриотизма, ожидание праздника и новых перспектив для бизнеса.*

- *Код «Бизнес рубит местное самоуправление». Примеры из практики местной власти по «звездности» гостевых домов, препятствия мелкой розничной торговле, абсурдные решения по разрешению торговли мелкой розницей только в крупных торговых центрах.*

- *Код «Собственность без собственника». Важный пример!*

- *Код «Абсурд в смене статуса санаториев».*

- *Код «Импульс для развития неформальной экономики». Заккрытие ИП жилого фонда в ответ на кампанию по звездности.*

6. *Неожиданные ответы, парадоксы, метафоры:*

- *Сезон в малом бизнесе длится всего 40 дней.*

- *Формула подготовки к Олимпиаде; «2Д — 2П» («давай-давай» — «потом посмотрим»).*

- *«Малый бизнес идет, как по лабиринту».*

- *«Океан существует не только для кита, но и для маленького окуня или ракушки». К вопросу о месте малого бизнеса в мегасобытии.*

7. *Новые идеи*

Советы калининградцам накануне чемпионата мира по футболу:

- *Создать координационный совет при главе города, пропорционально включающий в себя представителей от коммерческих структур.*

- *На период подготовки и проведения события объединить предпринимателей по сферам деятельности в ассоциации, коалиции.*

- *Позаботиться о правильных руководителях объединений (должен быть не аффилирован, чтобы решал не личные проблемы предпринимателей, а вопросы всего их сообщества).*

- *Объединение содержать за счет участников.*

8. *Методическая рефлексия*

- *Вопрос о наиболее прибыльных видах бизнеса в городе: «Каким видом деятельности вы бы занялись, если бы не были мэром (нач. департамента торговли и пр.)?»*

9. Новые контакты

Успешный застройщик (коттеджи под гостевые дома) в период подготовки Олимпиады, продолжающий успешно развивать бизнес в настоящее время.

И. Е. Штейнберг
Метод «длинного стола» на этапе исследования
«в поле»

Сколько времени должно продолжаться глубинное интервью?

*В поле есть две беды: никак не разговорить собеседника
и никак не заткнешь.
Из полевого фольклора*

Постоянная тема, возникающая за «длинным столом», — нормативы времени в глубинном интервью. Сравнивая длительность интервью друг друга, участники «длинного стола» обнаруживают, что, несмотря на то что гайд у всех был один, длительность интервью была разной. Тут выясняется, что у каждого существуют свои нормативы длительности глубинного интервью. Для кого-то из них интервью меньше часа не может называться глубинным, кто-то называет критерием продуктивного глубинного интервью два, четыре часа и далее в бесконечность. Обязательно кто-нибудь вспомнит, что бывают серийные интервью с одним и тем же информантом, когда каждое интервью продолжается меньше часа, а все вместе в сумме больше десяти. Причины, как правило, ищут в своих качествах интервьюера, в вопроснике или информанте, в зависимости от уверенности в себе и опыте интервьюирования.

Казалось бы, аргументы, что все определяют цели и задачи интервью, должны примирить с тем, что беседа может длиться и полчаса, и несколько дней. По результатам легко увидеть — от того, что исследователь проработал меньше часа, интервью не перестало быть качественным и глубинным или, наоборот, двухчасовое интервью может быть похоже на анкетный опрос, где исследователь озабочен тем, чтобы задать все вопросы и получить на них ответы с посылным «углублением» в их смысл.

В качестве наглядного примера из практики проведения глубинных интервью для дискуссии участников «длинного стола» о неоднозначности норматива времени его проведения, хорошо принимается следующий.

Из записи ДС:

В исследовании, посвященном практикам группового употребления запрещенных веществ (героина, «ханки») как ключевому фактору темпов роста распространения ВИЧ-инфекции среди потребителей инъекционных наркотиков, информант за 17 минут дал ключевую информацию на темы, почему «не закрывают барыг, хотя население регулярно сигнализирует», почему

«большинство пользуется «грязными» шприцами, хотя все знают об опасности для здоровья, шприц стоит три рубля и проблемы купить нет», кому выгодно, чтобы «вместо наркологии у нас была «похметология». При этом были приведены поясняющие примеры, после которых уточнения были излишни. Более того, информант выразил свою личную позицию по этим вопросам.

Это было похоже на действие известного «закона о трех минутах» — его суть в том, что если ты не можешь изложить суть дела за три минуты, то вряд ли сможешь это сделать и за час. Можно сказать, что здесь повезло с информантом. Определенно, да. Но это «везение» было организовано серьезной подготовкой к полю, компетентностью интервьюера в теме, наличием вопросов «в точку», которые цепляли респондента эмоционально и интеллектуально, давали ему возможность проявить свою экспертность, искусством собеседника «подвести к вопросу», созданием «пустого пространства» как безопасной и занимательной обстановки для беседы, адекватным «контактным подарком» (не обязывающей, но полезной вещицей) и качеством «проводника», который обеспечил «горячий контакт» с респондентом. За счет этого время на введение в интервью, переход к основным вопросам, уточнения и резюмирование было сокращено до минимума. Остались только ключевые вопросы, на которые и были получены ответы. Дополнительные вопросы вида почему и зачем также были прояснены. Можно ли такое интервью считать не качественным и не глубинным, только по временной характеристике?

Эта дискуссия может продолжаться довольно долго, хотя ее участники осознают, что из-за большого числа переменных «время потения» — не лучший критерий для оценки «глубинности» интервью. Например, длительность интервью зависит от владения методом и опыта интервьюера, от сложности или чувствительности темы, от заинтересованности информанта и пр. Нельзя забывать и «физику»: для некоторых информантов разговор более часа физически и психологически проблематичен. Доводилось ходить в течение трех недель с перерывами к информанту, которому по его физическому состоянию было трудно разговаривать больше получаса. Были и двухчасовые интервью, где собеседник умудрялся говорить много и убедительно, приводил примеры и т.п., а при расшифровке оно оказалось «пустым».

Важно учитывать, что глубинное интервью имеет корни в клинических интервью психотерапевтов, а у них сеанс консультации ограничен в среднем 1–1,5 часами. У нас, конечно, не консультация, но специальные исследования определили норматив консультации в 55 минут, потому что дальше работа с клиентом становится непродуктивной («мозговая жвачка», усталость, «хождение по кругу»).

Что же заставляет постоянно возвращаться к вопросу о норма-
 тивах времени в глубинных интервью? По результатам этих дис-
 куссий у меня сложилась впечатление, что здесь можно выделить
 две основные причины:

1) Институциональная

Интервьюер работает по внешнему заказу, где уже задан вре-
 менной формат для интервью — например, не менее часа или двух.
 Заказчик ориентируется на количество вопросов, которое нужно
 задать, и время, потраченное на ответ, на основании пилотажа во-
 просника или по своему предыдущему опыту, или по вычитанным
 из «специальной литературы» нормам. Соответственно, если ин-
 тервью длилось час, а не два, то, вероятно, не все вопросы были
 заданы интервьюером, а ответы не уточнены. А уж если оно заня-
 ло полчаса, то вина интервьюера очевидна и нет оснований при-
 нять и оплатить эту «халтуру». Такую ситуацию можно наблюдать
 в маркетинговых или политтехнологических исследованиях, где
 важно, чтобы ответы на все вопросы были получены, а нежелание
 отвечать или лаконичность ответа тоже может быть ценной инфор-
 мацией для задач исследования.

2) Дилемма цели и задачи

Если цель — получить ответ на ключевой исследовательский во-
 прос, а одна из задач исследования — определить, какие вопросы
 для этого задавать, то длительность интервью может гибко менять-
 ся в зависимости от экспертности информанта и стадии исследова-
 ния. Например, в исследовании электорального поведения социолог
 провел уже достаточно интервью, чтобы ответы начали повторять-
 ся (достиг так называемой «насыщенности»), и в очередном интер-
 вью выясняется, что ему попался ветеран избирательной комиссии,
 который изнутри знает «кухню» предвыборной кампании и готов
 поделиться ею, но времени на интервью отведено не более часа
 по договоренности с информантом.

Возникает проблема: стоит ли углубляться в эту практику или
 проигнорировать ценность такой экспертизы и пройтись по вопро-
 сам отношения к проблемам городского транспорта, ЖКХ, инфля-
 ции, образования и здравоохранения. Если интервью проводит сам
 исследователь, он решит на месте, что важнее. А что делать наня-
 тому интервьюеру? Вариантов немного. Ничего не делать, посчи-
 тав, что информант сам ответит на некоторые вопросы более ком-
 петентно, чем другие информанты. Прервать интервью и связаться
 с рекрутером по этому вопросу. Пройти все интервью до конца
 и договориться о повторной встрече. Обычно, если для проведе-
 ния интервью приглашаются интервьюеры со стороны, мы на ин-
 структаже проговариваем с ними эту ситуацию и обсуждаем вари-
 анты действий.

В таких случаях нужно указывать формат исследования, выбор-
 ку, уровень подготовки интервьюеров, причины строгого соблюде-
 ния объема всех вопросов и получения на них ответов. Бывают гай-

ды, где обозначены только темы, бывает, что интервьюеры — сами исследователи, которые придумали вопросы и могут гибко менять гайд по обстановке.

Длительность беседы зависит не только от задач, но и от представлений об исследовательской этике интервьюера. Даже если в задачи входит пробиться сквозь социально одобряемые ответы и расхожие штампы в мнениях и оценках, все же надо понимать, что мы не дознаватели, чтобы пытаться человека два часа, разными способами вынуждая его давать ответы.

Для повторных встреч с информантами также нужны веские основания. Например, интервью было прервано, собеседник спешил, плохо себя чувствовал, или для завершения интервью надо собрать нужную информацию, или есть необходимость в комментариях информанта по промежуточным результатам «поля». Отдельная история — повторные встречи онлайн, где нет необходимости встречаться очно и возможность выбора времени для интервью гораздо больше.

Последний аргумент в пользу осторожного обращения с нормативами времени в глубинных интервью — ресурсы для обработки и анализа данных. Даже для качественного контент-анализа задача обработать 100 часов интервью требует значительных временных затрат, как на его количественной, так и качественной стадии. Нужно подготовить стенограммы интервью к машинной обработке совокупного текста, т.е. отформатировать и исправить орфографические ошибки и неправильные прочтения записи слов информантов, выделить наиболее часто употребленные содержательно значимые для раскрытия проблематики исследования слова, создать структуру наиболее частотных слов и исследовать контексты их употребления.

«Кризис понимания» и теоретическая рамка исследования

После переживания «полевого шока», когда предположения исследователя не оправдались, но все же удалось принять эту реальность и приступить к ее изучению, по мере накопления материала и после попыток его осмыслить с неизбежностью наступает кризис понимания. Имеется в виду то самое состояние исследователя, когда он понимает, что фактов набрано много, но они не дают ответов на ключевые вопросы исследования, не объясняют наблюдаемое поведение людей и происходящих социальных процессов. Возникает острое недовольство собой, сомнение в правильности выбора темы, неверие в возможность решить поставленные в программе исследования задачи. Иногда этот кризис приводит к тому, что исследователь бросает тему как неперспективную или выполняет ее формально, согласно взятым на себя обязательствам перед заказчиком, если он сам не является инициатором проекта.

Следует сразу отметить, что оба эти состояния кроме негативных сторон имеют исключительно важное значение для формирования по-

левого исследователя. Вообще, переживание кризиса понимания дает исследователю сигнал, что он действительно докопался до сути изучаемой проблемы, до той точки в исследовании, где его знания, опыт и интуиция уже не могут помочь, надо искать другие решения задачи. Практически все исследователи, которые знакомили меня со своими удачными проектами, говорили о моменте, когда они зашли в тупик, не понимали, куда двигаться дальше, хотели бросить начатое.

Например, Теодор Шанин рассказывал нам, что, когда делал свою докторскую в Бирмингемском университете по теме, связанной с социально-экономической жизнью крестьянского двора в России, вскоре зашел в тупик и хотел оставить эту работу. Помог ему преодолеть этот кризис его научный руководитель, который предложил ему перевести, кажется, с польского, работу по экономике крестьянского хозяйства «немецкого экономиста Александра Чаянова». При переводе Теодор выяснил, что эта работа была опубликована первоначально на немецком, но принадлежит русскому ученому-аграрнику. В ней он нашел ряд ответов на свои вопросы, смог успешно завершить диссертацию и опубликовал известную в научном мире книгу «Неудобный класс».

Таким образом, на первый взгляд выходу из творческого кризиса помогла случайность. Но я склонен думать, что пребывание в длительном творческом кризисе дает возможность наладить такой формат исследования, где процесс интерпретация собранных данных представляет собой последовательный перебор различных концептов, пока «на локаторе» не появится тот, который обладает приемлемой валидностью к собранным фактам и достаточным потенциалом его объяснения.

Могу привести собственный пример из наших крестьяноведческих экспедиций под руководством Теодора Шанина. 1992 год. Беседую на кухне с хозяйкой дома (64 года, доярка ТОО «Тепловское»), в котором проживал (по условиям той экспедиции мы должны проживать в каждом селе по 8 месяцев). Сила экспедиции еще и в том, что ты можешь не задавать респондентам свои вопросы по неформальной экономике, которой мы интересовались, а непосредственно наблюдать за ее осуществлением, а потом уточнять смысл увиденного, сопоставляя все доступные факты.

Хозяйка повествует за чаем о том, что колхоз «упал на колени» из-за воровства. Ее праведный гнев направлен на безнравственных «моральных уродов», которые постоянно зарятся на колхозное добро и тащат все, что плохо лежит. А вот она в жизни чужого не взяла, не так воспитана, боится Б-га и т.п. Думаю, каждый читатель прекрасно знаком с этой риторикой. При этом говорит искренне, убежденно, приводит примеры.

Соответственно, я как исследователь, делаю вывод о ее «ненормативной» честности и высоких моральных свойствах личности. Однако, поскольку каждый день имею возможность наблюдать «неформальные практики», вижу, что она ежедневно возвращается

с фермы с банкой молока или мешочком дробленки для своего ЛПХ (корова, бычки, свиньи, птица). Пару раз видел, как у дома оставался трактор с тележкой, откуда сгружались мешки с кормами (это помимо того, что хозяйство по осени уже выдало работникам 2 т зерна за земельный пай и корма на «заработанный рубль»), и узнал в трактористе механизатора этого хозяйства.

Сопоставляя факты, я испытываю глубокое разочарование, теряю «веру в человечество» и считаю, что меня держат за «городского лоха». Гипотеза, что такая практика не воспринимается хозяйской как воровство, безусловно зреет, но не находит опоры в фактах, если оценить масштабы «растаскилки» и «циничные улыбки» своих респондентов, которые комментируя эти эпизоды повседневной жизни села, безусловно, отдают себе отчет в содеянном, но не раскаиваются, потому что «уж так сложилось», «жить-то надо» и пр.

Однако помощь пришла со стороны. Известный историк Виктор Петрович Данилов дал мне ксерокс статьи, датированной концом XIX века, где описывалось общинное (имеется в виду русская передельная крестьянская община) понятие «право труда», которое предполагает, что если в производство продукта вложен труд работника, то работник имеет на него право, если нет иной компенсации трудовых затрат. Примером там были споры на меже, когда по ошибке или умыслу запахивалась часть земли соседа. Никогда община не отнимала урожай в пользу потерпевшего. Только штраф или отработка.

Отсюда идет знаменитое «кто на чем сидит, то он то и имеет». Но это «право труда» как любой устный закон обычного права обретал своеобразную легитимность, когда нарушалось представление сообщества о справедливости. Несправедливо оставлять ЛПХ крестьянина без кормов или вынуждать платить за них втридорога. «Право труда» быстро восстановит справедливость. Но если только будет замечено, что «продукт труда» пошел не на дело или его норма (сколько положено брать «по совести») нарушена, общество включает санкции, нарушителя «сдают». Кстати, я слышал, что того механизатора, что привозил корма хозяйке, водили в правление «на правож», так как он продал зерно, а деньги пропил, не донес до дома, «ушел в запой».

Теоретическая рамка «право труда» помогла мне понять феномен «воровства» в хозяйстве, построить модель поведения и даже сделать по просьбе председателя ТОО прогноз на тему, какая часть урожая растворится в ЛПХ, то есть сколько возьмут по «праву труда». Прогноз подтвердился в отношении зерна, но не сбывлся в отношении другой продукции (рыбное хозяйство).

Появилась бы эта аналитическая рамка, если бы я пришел в село делать опрос, провести серию интервью и т.п.? Вряд ли. Могла бы она появиться до выхода в поле? Возможно, если бы я предварительно поговорил с экспертами или поработал с литературой более тщательно, но тоже сомнительно. Но она появилась тогда, когда

эксперт услышал мой кейс и отреагировал подобным образом. Вообще, усилия объяснить не предполагаемый, а реальный, собранный лично полевой материал словно превращает исследователя в воронку водоворота, где на поверхности плавают различный информационный мусор, а внутрь воронки затягивается только, то, что может пригодиться для аналитики первичных данных.

Это похоже на вопрос, который задавали себе средневековые схоласты: «Почему на ловца зверь бежит?» Их ответ заключался в том, что ловец знает, где бегают зверь, и терпеливо ждет его появления.

The 'long table' method at the field stage of the research

Ilya E. Shteynberg, PhD (Philosophy), Associate Professor, Moscow State Psychological-Pedagogical University; Head of the Qualitative Researcher School, 127051 Moscow, Sretenka St., 29. E-mail: ilya.shteynberg@gmail.com

Abstract. The article presents excerpts from the author's monograph in print *The 'Long Table' Method in the Field Qualitative Sociological Research*. The method was developed in 1990–1995, during the long-term interdisciplinary research of the Russian countryside under the guidance of Professor Teodor Shanin. One of the directions of its further development was the Qualitative Researcher School which was created about twenty years ago. The monograph describes the methodology, techniques and cases of organizing working groups of researchers and of preparing them for conducting the field qualitative research of the full cycle — from concept to publication. The excerpts of the book presented in the article focus on such basic issues of the field sociological research based on the in-depth interview as tandem interview and long table method, functions of the group field diary, timing of the in-depth interview, crisis of understanding and theoretical framework of research. In addition to the specific methodological approaches and numerous examples from the research practice, the article presents parts of transcripts from the moderator and participants work with the 'long table' method in the Qualitative Researcher School in order to give the reader an idea of the research culture as a number of basic principles and values of the scientific search for truth, and of the atmosphere of mutual intellectual and emotional support within the research project as developed by Teodor Shanin.

Key words: qualitative methods, 'long table' method, school of the qualitative researcher, tandem interview, in-depth interview timing, group field diary, 'crisis of understanding', stages of the psychological state of researcher

Столыпинская аграрная реформа и производительность сельского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века¹

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник РАНХиГС. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: repytwd68@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются связи между мероприятиями аграрной реформы П. А. Столыпина и показателями сельскохозяйственного развития России. В качестве источника данных используются различные официальные статистики: статистика урожаев Центрального статистического комитета, статистика хлебных цен и землеустройства Главного управления землеустройства и земледелия, данные Министерства внутренних дел о выходах крестьян из общины, данные обследования хуторов и отрубов, проведенного ГУЗиЗ в 1913 году. Привлекаются также данные о высоте дохода незерновых отраслей растениеводства, дохода животноводства и стоимости товарной продукции с единицы сельскохозяйственной площади накануне Первой мировой войны, заимствованные из литературы. На основе анализа статистики опровергается утверждение, что пик прогрессивных сдвигов был пройден сельским хозяйством еще до реформы и что прирост сельскохозяйственной продукции в годы реформы замедлился. Проанализированы ошибки в данных обследования 1913 года по урожайности, делающие этот источник непригодным для изучения соотношения урожайности хозяйств разных типов. Для сглаживания годовых колебаний в статистике урожаев ЦСК использован метод скользящих средних. Задача минимизации влияния погодных колебаний на измерение динамики зернового производства решена путем сравнений показателей лучших пятилетий до начала реформы с показателями лучшего пятилетия периода реформы. Были подсчитаны сдвиги в урожаях и урожайности основных зерновых культур. Методом корреляционного анализа были выявлены связи сдвигов урожайности и урожаев по выделенным периодам с активностью хода столыпинской реформы в 47 губерниях Европейской России. Также были протестированы связи реформы с рядом других показателей аграрного развития губерний. Выявлено наличие значимых положительных связей (в основном средней силы и слабых) между активностью крестьян в индивидуализации землевладения (выход из общины) и землепользования (создание хуторов и отрубов на надельных землях) в ходе реформы с прогрессом сельского хозяйства. Связь экономических показателей с распространенностью группового землеустройства при сохранении общинного землевладения оказалась отрицательной. Утверждения, содержащиеся в предшествующей историографии, об отсутствии связей между ходом реформы и урожаями, а также о существовании отрицательной связи между оформлением крестьянами прав собственности на землю и приростом урожайности на надельных землях не нашли подтверждения.

1. Автор благодарит А. В. Дмитриеву, Т. Я. Валетова и Д. В. Диденко за консультации и замечания, высказанные при обсуждении материалов статьи.

Введение

Аграрное развитие России в период либеральных экономических преобразований, начатых в 1906 году и остановленных революцией 1917 года, является полем острых научных и публицистических дискуссий. В историографии сегодня сосуществуют противоположные оценки аграрной реформы П. А. Столыпина как провальной, успешной и незавершенной.

Сущность реформы, на наш взгляд, заключалась в изменении институциональных условий функционирования крестьянского хозяйства. Важнейшими выступали два аспекта: 1) оформление права личной собственности главы семьи на земельный надел («укрепление» надела, выход из общины) и 2) оптимизация границ и местоположения земельных участков (землеустройство). Они вступали в силу по желанию крестьян.

Первый аспект относился только к крестьянам, владевшим наделной землей на праве общинной собственности. По земельной переписи 1905 года они составляли 77% от числа крестьянских хозяйств 47 губерний Европейской России (не считая Прибалтийских губерний и земель казаков). Общинное право давало крестьянам возможность уравнительных земельных переделов и бесплатного наделения землей новых семей (дворов). При «укреплении» земля выходила из системы общинных переделов. Получаемая при этом крестьянами личная собственность на надел расширяла возможности распоряжения землей, включая право ее продажи/покупки, хотя и ограниченное. Она не была тождественна частной собственности, эта земля и после «укрепления» оставалась в статусе «крестьянской наделной», в отличие от «частновладельческой» (Забонкова, 2013; Уильямс, 2009: 235–242), поэтому использовать термин «приватизация наделов», как это иногда делают историки при описании столыпинской реформы, некорректно.

Этот аспект реформы не относился к крестьянам, которые имели землю на праве подворно-участкового (наследственного) владения. Накануне реформы подворники составляли 23% крестьянских хозяйств, концентрируясь преимущественно в нескольких западных губерниях. Их наделы рассматривались законом как собственность крестьянской семьи (двора), у них не было земельных переделов и наделения землей новых семей за счет общины, они и до реформы имели право купли-продажи наделной земли между крестьянами.

Второй аспект реформы — землеустройство — был обращен и к общинникам, и к подворникам, поскольку в селениях и тех,

и других существовало чересполосное землепользование. Крестьяне, по отдельности или всем селением, могли требовать выделения своей полевой надельной земли из общинной чересполосицы в отдельный участок — хутор или отруб. Разница между подворниками и общинниками была в том, что для первых выход на хутор или отруб не требовал предварительного «укрепления» надела. По ходу реформы с 1910 года к подворникам в этом отношении были приравнены все те общины, которые фактически не проводили переделов земли; к сожалению, их количество не известно, ведь юридически они числились передельными общинами. С 1911 года землеустройство стало проводиться независимо от формы собственности.

Создание хуторов и отрубов, называвшееся единоличным землеустройством, было важной, но лишь частью землеустройства. Другая часть касалась ликвидации вненадельной чересполосицы и разграничения угодий разных владельцев, то есть размежевания угодий между соседними общинами, между смежными селениями одной общины, между крестьянскими селениями и частными (помещичьими) владениями, выдел части селения в отдельное и т.п.

Кроме названных аспектов аграрная политика правительства П. А. Столыпина включала также стимулирование переселенческого движения, активизацию деятельности Крестьянского земельного банка, агрономии, кредитования сельского хозяйства и другие направления, описанные в историографии. Но столыпинскую реформу в узком смысле составляют все же два основополагающих институциональных сдвига: появление у крестьян права на выход из системы общинных переделов земли и на переход от чересполосицы к индивидуальному участку с четко очерченными границами. Именно они определяют общий курс, заданный столыпинской реформой — курс на индивидуализацию собственности и хозяйства, — который принципиально отличает ее от политики, проводившейся по отношению к крестьянству в предшествующий и последующий периоды. Споры о столыпинской реформе, по существу, сводятся к вопросам, насколько этот курс соответствовал интересам крестьян и насколько он способствовал аграрному развитию.

Теоретически и укрепление прав собственности, и ликвидация чересполосицы с сопутствующим ей принудительным севооборотом должны были содействовать сельскохозяйственному развитию (обсуждение этой проблемы см.: Уильямс, 2009), на это рассчитывало и правительство. В новейшей литературе акцентируется внимание на фактах, свидетельствующих о динамичном ходе реформы и об успехах сельского хозяйства в те годы (Давыдов, 2016; Климин, 2002; Тюкавкин, 2001; и др.). С легкой руки К. Мацузато историки пишут о «русской агротехнической революции» (Кимитака, 1992), или об «агротехнологической революции, ставшей реальностью именно благодаря реформе» (Давыдов, 2016: 482).

Традиционный для советской историографии подход к оценке экономического значения реформы заключался в признании фактов хозяйственного прогресса, в особенности роста применения сельскохо-

зыйственных машин, усовершенствованных орудий и минеральных удобрений, которые, однако, интерпретировались как «лишь весьма незначительные сдвиги в степени интенсификации сельского хозяйства» (Дубровский, 1963: 425, 434; и др.). При этом историки отмечали, что прогресс хозяйства был связан не только с реформой или вовсе не был с ней связан, ибо «на самом же деле действовали другие факторы» (Зырянов, 1992: 63), дули «попутные ветры» (Анфимов, 2002: 166–172), и «пик сдвигов» в развитии российского земледелия «был пройден до революции 1905–1907 гг.» (Ковальченко, 1991: 65). В противовес идеологической апологетике Столыпина было даже выдвинуто утверждение, что в годы реформы прирост сельскохозяйственной продукции в целом замедлился по сравнению с дореформенным периодом (Там же).

Скепсис по поводу экономических результатов реформы подкрепляется общим соображением, что российское сельское хозяйство слишком велико и инерционно, а реформа длилась слишком мало: «...Такое широкомасштабное мероприятие, потребовавшее столь значительной земельной перетряски, не могло положительным образом сказаться в первые же годы своего проведения» (Зырянов, 1992: 63); «Землеустроенные хозяйства, видимо, действительно функционировали эффективнее, чем общинные, но едва ли они могли сразу оказать существенное влияние на общие показатели аграрного сектора» (Жорелин, 1996: 40); «...Результаты реформы еще не успели сказаться в полной мере; для улучшения хозяйства требовалось время, как говорил П. А. Столыпин, „двадцать лет покоя“» (Нефедов, 2011: 510). О том же говорили и сами руководители землеустройства: «Срок самостоятельной жизни отрубных и хуторских хозяйств слишком недостаточен, чтобы определились в надлежащей степени последствия изменившихся условий», нужно чтобы прошло хотя бы 1–2 полных севооборота (Землеустроенные хозяйства, 1915: 2, 33).

Попытки историков решить вопрос о влиянии реформы на производительность сельского хозяйства при помощи математических методов приводили их к противоположным выводам (Нефедов, 2011: 510; Нефедов, 2021; Castañeda Dower, 2019). Очевидно, что дискуссия должна и будет продолжаться.

В данной статье предполагается критически проанализировать аргументацию дискутирующих сторон по ряду названных выше вопросов и привлечь внимание исследователей к особенностям, ограничениям и неиспользованным возможностям существующей источниковой базы. Центральным вопросом нашей работы: наличие и характер связи институциональных преобразований с урожайностью крестьянских полей и производительностью сельского хозяйства.

Проверяем и перепроверяем

На фоне массы фактов, иллюстрирующих рост сельскохозяйственного производства в годы столыпинской реформы, в литературе вы-

деляется пара цифр, при помощи которых историки пытались доказывать обратное. Часто ссылаются на В. П. Данилова: «Историки вновь и вновь проверяют и перепроверяют динамику сельскохозяйственного производства за пореформенное время. Факт состоит в том, что среднегодовой прирост продукции в сельском хозяйстве России не возрос, а снизился: с 2,4% в 1901–1905 гг. до 1,4% в 1909–1913 гг.» (Данилов, 1992: 317). М. А. Давыдов, назвав это утверждение комичным, уклонился от его анализа (Давыдов, 2016: 819). Э. М. Шагин сетовал: «К сожалению, автор не указывает, на основании каких источников получены эти цифры» (Шагин, 2008: 543). К. Мацузато, знавший, что эти цифры были получены И. Д. Ковальченко, предлагал минимизировать их значение как аргумента в дискуссии: «Однако естественно, что по мере роста абсолютно-го количества среднегодовой прирост снижается» (Кимитака, 1992: примечание 6).

Шагин, чтобы опровергнуть эти цифры, приводил среднегодовые значения сборов зерновых и урожайности в 47 губерниях за три периода: 1901–1905, 1906–1910 и 1911–1915 годы. Прирост по периодам он не рассчитывал, ограничившись демонстрацией абсолютных значений, но если проделать эту операцию на его цифрах, то результат окажется примечательным: среднегодовой прирост сборов от первого периода (3 050 533 тыс. пудов) ко второму (3 053 116 тыс. пудов) составил всего 0,016%, а от второго к третьему (3 424 750 тыс. пудов) — 2,43% (Шагин, 2008: 544). То есть на втором отрезке столыпинской реформы наблюдается не снижение, а фантастическое ускорение среднегодового прироста (в 152 раза). Сам историк считал рост урожая прямым результатом реформы и не видел причин сомневаться в его ускорении: «Такая динамика вполне объяснима. Реальная отдача от любых реформ приходит не сразу» (Там же). К сожалению, обращение к указанному Шагиным источнику² показывает, что в нем содержатся сведения по урожаям не в 47 губерниях Российской империи, а в границах Советской России/СССР 1922 года, и цифры там не совпадают с цифрами в его работе, которые, очевидно, взяты из какого-то другого источника или из литературы.

Между тем Данилов опирался на хорошо известную историкам-аграрникам работу Ковальченко 1991 года, в которой утверждалось следующее: «Валовые сборы сельскохозяйственной продукции в 1909–1913 гг., т.е. в разгар столыпинской реформы, возросли сравнительно с началом века незначительно (всего на 7,3%). Среднегодовой же прирост этих сборов заметно снизился (до 1,46% против 2,41%)» (Ковальченко, 1991: 65). В подтверждение приводилась таблица с данными о валовых сборах зерновых и картофеля (раздельно и суммарно с переводом картофеля в зерно 3:1) в Европейской России в млн четвертей за 1870-е, 1880-е, 1890-е, 1900–1905 и 1909–1913 годы (за все периоды

2. Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / Под ред. Н. П. Огановского. М., 1923.

среднегодовые значения). В качестве источников указаны монография А. С. Нифонтова (Нифонтов, 1974) и «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству», издававшийся ГУЗиЗ.

Проблема использованных Ковальченко данных заключается в их несопоставимости, так как Нифонтов изучал урожаи до 1900 года по губернаторским отчетам, а сборники ГУЗиЗ воспроизвели данные Центрального статистического комитета начиная с 1901 года. Губернаторская статистика и ЦСК пользовались разными методами сбора сведений. Кроме того, в сборниках ГУЗиЗ урожаи приводились в пудах, а не в четвертях, и методика пересчета пудов в четверти Ковальченко не раскрывается. Наконец, корректно ли сравнивать среднегодовые значения урожаев в периодах разной длительности (10–6–5 лет)? Если пренебречь этим замечанием и сделать подсчет, аналогичный Ковальченко, за три последних периода, но по одному источнику — данным ЦСК по ежегодникам «Урожай ... года», взяв валовые сборы всех зерновых (кроме фасоли, бобов и чечевицы), а также картофеля (с тем же коэффициентом 3:1), в пудах, получаем следующий результат (табл. 1).

Таблица 1. Валовые сборы хлебов и картофеля в 1891–1913 годах по выделенным периодам

		1891–1900*	1900–1905	1909–1913
Среднегодовой сбор зерновых и картофеля (3:1)	Подсчет Ковальченко, млн четвертей	367,6	420,8	451,6
	Подсчет автора, млн пудов	2913,3	3517,3	4155,0
В % к предыдущему периоду	Подсчет Ковальченко	—	114,5	107,3
	Подсчет автора	—	120,7	118,1
Среднегодовой прирост, %	Подсчет Ковальченко	—	2,41	1,46
	Подсчет автора	—	3,46	3,63

Источники: Ковальченко, 1991: 65; Урожай ... года / Статистика Российской империи. Т. 19, 26, 28, 30, 35, 36, 42, 46, 49, 51, 53 (вып. I–II), 54, 57, 59, 60 (вып. I–II), 71, 73, 75, 78, 81.

* У И. Д. Ковальченко стоит «90-е гг.», цифра соответствует среднему значению за 1891–1900 годы по А. С. Нифонтову (Нифонтов, 1974: 267), то есть 1900 год был учтен в таблице дважды.

Подсчет по сопоставимым данным показывает, что среднегодовой прирост валовых урожаев «в разгар столыпинской реформы» (3,63%) не уступает и даже едва заметно превосходит начало XX века (3,46%). Если же сравнить строго пятилетние отрезки (1896–1900; 1901–1905; 1909–1913), то результат изменится незначительно: начало XX века покажет среднегодовой прирост 3,25%, предвоенное пятилетие — 3,33%. Таким образом, И. Д. Ковальченко и В. П. Данилов в этом вопросе ошибались, и нет оснований говорить, что столыпинская реформа привела к снижению среднегодового прироста сборов хлебов.

Рассмотренный кейс ставит, однако, более общий вопрос о слабой разработанности источников урожайных данных, хотя именно показатели зернового производства обычно выступают в историографии основными индикаторами уровня и динамики сельскохозяйственного производства в целом. Мы видим, как историки-аграрники в качестве источника обращаются зачастую к вторичным публикациям, путаются в ссылках, используют разнородные данные, с различной и произвольной группировкой по периодам. При сравнении средних многолетних значений не учитывается, что резкие погодные колебания урожайности в России делают этот метод чрезвычайно чувствительным к выбору границ и интервалов. Например, как можно заметить в приведенных выше подсчетах, включение неурожайного 1906 года в определенный пятилетний отрезок или его исключение приводит к изменению цифр прироста на порядок.

Сопоставление урожайности единоличников и общинников по материалам обследования 1913 года: критика источника

Историки столыпинской реформы часто используют в качестве источника материалы сплошного обследования хуторян и отрубников, проведенного под эгидой ГУЗиЗ в 1913 году в 12 уездах разных губерний, которые были опубликованы в виде диаграмм с предисловием и комментариями (Землеустроенные хозяйства, 1915) и поуездных таблиц (Обследование, 1915). Более 22 тысяч крестьянских хозяйств, перешедших на хутора и отруба в 1907–1910 годы, отвечали на более чем 150 вопросов, которые характеризовали их положение до и после землеустройства. Среди них были вопросы об урожаях за 1912 и 1913 годы. В этом пункте — единственном в обследовании — сдвиги определялись не сопоставлением до и после, а сопоставлением урожайности единоличных хозяйств с урожайностью крестьян, оставшихся при общинном владении, в тех же уездах за те же два года. Публикаторы материалов пришли к выводу, что «по всем видам посевов, в подавляющем числе случаев, урожай в землеустроенных хозяйствах оказался выше, чем при крестьянском чересполосном владении, а нередко даже обильнее, чем в частновладельческих экономиях тех же местностей» (Землеустроенные хозяйства, 1915: 33); «...Произведенное обследование выяс-

нило одно несомненное явление: даже по прошествии всего 3–4 лет после землеустройства урожай всех хлебов, а следовательно, и производительность хозяйств у единоличников выше, чем у общинников» (Там же: диаграмма XXI). Насколько обоснован этот вывод?

Обратимся к источнику. В таблице 2 приводим итоги, полученные ГУЗиЗ обработкой данных 14,5 тысячи хозяйств в 11 уездах (без уезда, в котором были только хозяйства на банковских землях).

Таблица 2. Урожайность на землях разного типа владения в 11 уездах в 1912–1913 годах (пудов с десятины)

		На участках единоличного владения (хутора, отруба)		В сельских обществах	У частных владельцев
		на наделных землях	на землях Крестьянского банка		
Рожь озимая	1912	54,0*	66,5	50,1	58,9
	1913	54,4**	65,6	51,2	63,6
Пшеница озимая	1912	54,4	45,2	62,6	65,9
	1913	82,5	73,0	63,3	78,9
Пшеница яровая	1912	49,8	57,6	41,0	41,6
	1913	55,4	61,8	51,0	47,6
Овес	1912	68,1	77,6	55,9	60,2
	1913	72,8	75,6	59,9	69,3
Ячмень	1912	65,7	67,5	53,7	59,0
	1913	65,9	73,4	60,4	68,1
Картофель	1912	624,4***	551,4	451,8	616,8
	1913	570,5	440,9	421,0	570,6

Источник: Землеустроенные хозяйства, 1915: диаграмма XXI.

В трех цифрах обнаружилось расхождение диаграммы с итогами поездных таблиц, не влияющие на итог сравнений: *54,2; **54,6; ***603,3 (Обследование, 1915: поездные таблицы).

Земли Крестьянского банка никогда не были наделными, поэтому урожайность в созданных на них крестьянских хозяйствах имеет смысл сравнивать лишь с урожайностью частных владельцев. Она оказалась у хуторян выше по большинству культур, кроме самой ценной, озимой пшеницы, и картофеля.

Наибольший интерес представляет сравнение хуторов и отрубов на наделных землях с общинными селениями. Здесь наблюдается превосходство индивидуального землепользования по всем параметрам, кроме озимой пшеницы в 1912 году. Более того, хутора и отруба на наделных землях показали превосходство и над частновладельческими землями в 6 из 12 сопоставляемых позиций, тогда как общинные — проигрывают им по всем, кроме одной. Казалось бы, вывод очевиден: именно индивидуализация землепользования, то есть выдел и разверстание на отруба и хутора способствовали повышению урожайности.

Однако любой источник требует критического отношения. В советской историографии обследование 1913 года считалось тенденциозным и недостаточно репрезентативным по выбору уездов (Дубровский, 1963: 270–272), позднее эти оценки были оспорены (Тюкавкин, 2001: 207; Уильямс, 2009: 248–249). При этом сведения об урожайности, приведенные в материалах обследования, не подвергались источниковедческому анализу. Между тем они имеют, по крайней мере, два пробела: 1) отсутствие данных об урожайности в обследованных хозяйствах до землеустройства не позволяет исключить гипотезу, что их урожайность могла быть изначально выше средней; 2) мы не знаем, каким образом были получены сведения об урожайности в общинах, с которыми сравниваются землеустроенные хозяйства.

Урожайность обследованных хозяйств, как явствует из публикации, вычислялась на основе ответов хозяев «о засеянной площади и количестве высеянного и собранного хлеба» (Землеустроенные хозяйства, 1915: 4). Урожайность же в общинах с чересполосным землепользованием и в частновладельческих хозяйствах каким-то образом определялась уездными комитетами, созданными ГУЗиЗ специально для руководства проведением обследования. Почему для сравнения не использовались сведения официальных урожайных статистик, ЦСК или ГУЗиЗ, в материалах обследования не объясняется. Допустим, это могло быть вызвано тем, что в официальных статистиках не проводилось разделения между землеустроенными и неземлеустроенными крестьянскими хозяйствами, либо сыграло роль общее недоверие к официальным сведениям, в частности, данные ЦСК современники обычно считали заниженными. Хотелось бы знать, каким образом уездные комитеты сумели преодолеть недостатки официальных статистик, но вместо ответа в материалах обследования находим туманную фразу, способную вызвать у независимого исследователя лишь новые сомнения: «Урожайность тех же хлебов за те же годы в сельских обществах и у частных владельцев была исследована и определена местными Уездными Комитетами, которые, зная, для какой цели запрашивались настоящие сведения, отнесли к своей задаче особенно внимательно и осторожно» (Там же: 32–33).

Чтобы понять, как авторы обследования работали с урожайной статистикой, мы обратились к поуездным данным. Выяснилось, что в обеих графах «На участках единоличного владения» (см. табл. 2) значения средней урожайности по 11 уездам считались как взвешен-

ные по посевным площадям, напротив, цифры в графах «В сельских обществах» и «У частных владельцев» являются среднеарифметическими из поуездных цифр³. Первый метод вычисления средней урожайности является корректным, а второй нет, так как урожайность, по определению, есть отношение сбора к площади. Очевидно, в урожайных сведениях уездных комитетов, собранных неизвестным для нас способом, не содержалось данных о посевных площадях. В любом случае сравнивать средневзвешенные значения с простыми средними — значит громоздить ошибку на ошибку, следовательно, и выводы, построенные на результатах такого сравнения, не имеют силы.

В связи с этим интересно сопоставить поуездные данные обследования с урожайными данными ЦСК, собиравшимися независимо от этого обследования. В полном масштабе эта трудоемкая работа требует отдельного исследования, тем более что в поуездных таблицах имеются сведения и по ряду других культур (просо, греча, горох, подсолнечник, кукуруза, лён); мы ограничились только одной позицией — озимая рожь в 1912 году на надельных землях (табл. 3).

Таблица 3. Урожайность озимой ржи в 1912 году в 11 уездах по данным Обследования 1913 года и ЦСК на надельных землях

Уезд (губерния)	Количество обследованных хозяйств	Урожайность в обследованных хозяйствах, пудов с десятины	Посевная площадь в обследованных хозяйствах, десятин	Доля площади обследованных хозяйств в посевной площади надельных земель уезда по ЦСК, %	Урожайность на землях сельских обществ (по данным Уездных Комитетов обследования)	Данные ЦСК	
						уро- жай- ность, пуд./ дес.	уро- жай- ность, пуд./ дес.
Бердянский (Таврическая)	1483	55,8	151	2,1	38,8	39,6	7145
Богодуховский (Харьковская)	3447	70,3	4342	12,7	60,0	74,1	34179

3. Из подсчетов по озимой ржи у частных владельцев составители по умолчанию исключили Красноуфимский уезд, где ее урожайность выбивалась из общего ряда (131 и 113 пудов с десятины), занизив среднеарифметические значения. Не совпадают со среднеарифметическими также итоги по картофелю на общинных землях за оба года. Как были выведены цифры, отличающиеся от среднеарифметических, не ясно.

Красноуфимский (Пермская)	691	58,7	1029	1,9	67,5	74,7	53153
Кременчугский (Полтавская)	1373	69,2	1303	6,7	67,0	65,4	19486
Мологский (Ярославская)	271	80,3	159	0,9	63,9	70,3	18509
Николаевский (Самарская)	893	30,4	1832	2,0	14,0	20,1	89965
Орловский (Орловская)	754	46,4	1480	3,7	31,7	40,5	40001
Островский (Псковская)	807	78,1	1040	2,3	52,2	75,2	44408
Ржевский (Тверская)	641	62,3	717	2,3	51,6	53,0	31259
Сычевский (Смоленская)	1364	66,0	1230	3,8	62,7	60,5	32735
Трокский (Виленская)	2724	43,5	8399	17,5	42,0	42,0	47924
Итого	14 448	54,2 (54,0)	21 725	5,2	50,1	52,0	418764

Источники: Обследование землеустроенных хозяйств... С. 11–13, 25–27, 53–55, 67–69, 79–81, 95–97; Урожай 1912 года / СРИ. Т. 78. Вып. 1. СПб., 1912. С. 10, 12, 14, 16, 18, 26, 42, 52, 68, 72, 80.

Данные о посевных площадях по культурам в материалах обследования приводились в процентах от общей посевной площади, поэтому перевод их в абсолютные значения потребовал дополнительных вычислений. При этом проверка итога для обследованных хозяйств показала, что средневзвешенная урожайность должна быть 54,0 пуда

с десятины, то есть в томе с диаграммами итог верный (см. табл. 2), а в публикации поуездных таблиц — 54,2 — опечатка (табл. 3).

Итак, мы имеем площади посевов озимой ржи, с одной стороны, у хуторян и отрубников, с другой — в целом по наделным землям каждого уезда по данным ЦСК. Хутора и отруба, отвечавшие на вопрос об урожайности, занимали всего 5,2% посевной площади ржи 11 уездов. Вряд ли их урожаи могли существенно влиять на среднее значение урожайности. Значимое количество их доля составила лишь в Богодуховском (12,7%) и Трокском (17,5%) уездах.

Сопоставляя далее урожайность ржи на землях общин по данным уездных комитетов с данными ЦСК по наделным землям, мы видим, во-первых, совпадение в Трокском уезде. Как показала сверка, все цифры урожайности в общинах за 1912 и 1913 годы в этом уезде заимствованы из статистики ЦСК, то есть этот уездный комитет никаких собственных сведений не собирал. Во-вторых, по остальным уездам в 8 из 10 случаев данные ЦСК оказались выше, чем данные комитетов обследования. С учетом репутации статистики ЦСК как заниженной, это обстоятельство заставляет задуматься о репрезентативности данных уездных комитетов обследования. Примечательна картина в двух самых представительных уездах: в Трокском преимущество хуторян и отрубников незначительно, а в Богодуховском цифра ЦСК выше, чем данные обследования и по общинникам, и по единоличникам.

В целом урожайность наделных земель по ЦСК (52,0 пуда с десятины) ниже урожайности хуторян и отрубников (54,0), хотя разница оказывается в половину меньше, чем по ошибочным подсчетам авторов обследования (50,1 и 54,2), то есть 3,7% вместо 7,6%. Если же воспользоваться заведомо некорректным методом сравнения средневзвешенной урожайности единоличников (54,0) со среднеарифметической по ЦСК (она составит 55,9), как это делали авторы обследования со своими цифрами, то пришлось бы признать, что переход на хутора и отруба не увеличил, а уменьшил урожайность ржи.

Таким образом, в силу некорректного вычисления урожайности на общинных землях в обследовании 1913 года, использовать выводы этого источника о соотношении урожайности хуторов и отрубков с урожайностью общинных крестьянских хозяйств без проверки по другим источникам нельзя. Учитывая же низкую надежность урожайной статистики на уровне уездов в принципе, имеет смысл вернуться к анализу динамики в общероссийском и погубернском масштабе.

Динамика зернового производства: проблема измерения роста

Основным источником для изучения движения урожаев (сборов), посевных площадей и урожайности по губерниям и культурам является статистика ЦСК, существовавшая с 1883 года. Ежегодные

значения демонстрируют сильные скачки и перепады. Для выяснения направления и темпов эволюции на длительных периодах имеются два основных метода: сравнение многолетних средних и построение трендов. Рассмотрим их возможности для определения количественного эффекта столыпинской реформы.

Тренды урожайности основных зерновых культур по Европейской России в целом и по каждой губернии за 1883–1914 годы построил еще В. М. Обухов в рамках большого исследования закономерностей колебаний урожаев, проводившегося в 1920-е годы (Обухов, 1927). На диаграмме (рис. 1) воспроизведены значения валовой урожайности в Европейской России за 32 года, вычисленные Обуховым для корзины из основных хлебов, и линейный тренд, показывающий движение урожайности, исходя из гипотезы ее равномерного ежегодного изменения.

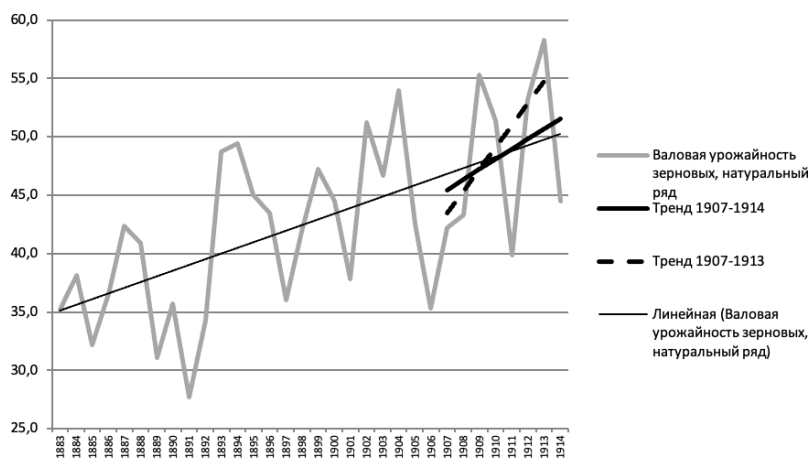

Рисунок 1. Динамика и тренды валовой урожайности в Европейской России в 1883–1914 годах (пудов с десятины)

Тренд показывает несомненный рост урожайности. Характерно, что при использовании кривой второго порядка тренд почти не будет отличаться от линейного. Среднегодовой прирост урожайности, подсчитанный как разность конечного и начального значения тренда, деленная на число лет, составляет 0,475 пуда с десятины в год. Как определить влияние столыпинской реформы? Если подсчитать прирост урожайности по аналогичному тренду первых 24 лет (1883–1906; на диаграмме не обозначен, поскольку был бы трудноразличим), он составит 0,463 пуда, следовательно, добавление восьми лет столыпинской реформы дает прибавку к общему приросту величиной всего 0,012 пуда в год (ускорение на 2,5%).

Если пойти другим путем и построить отдельный малый тренд для восьми лет реформы (1907–1914), по нему прирост урожайности

сти составит уже 0,764 пуда в год, то есть в 1,6 раза больше, чем за весь период наблюдений. Предсказывающая способность этого тренда близка к нулю ($R^2=0,097$), и исключением из него только одного последнего года можно получить ежегодный прирост урожайности еще в два с лишним раза больший: 1,611 пуда за 1907–1913 годы, то есть насчитать ускорение роста не на 2,5%, а в 3,5 раза. Однако едва ли такие манипуляции можно считать корректными подсчетами. Конечно, некоторое ускорение роста урожайности после начала реформы фиксируется при любом способе измерения, но вопросы отбора периодов наблюдений и сглаживания ежегодных колебаний здесь остаются, как и при использовании многолетних средних. Причина трудностей — в краткости периода реформ.

В поиске лучших решений, думается, стоит обратиться к методу скользящих средних. Для анализа тенденций аграрного развития надежнее было бы использовать скользящую среднюю по десятилетним значениям, однако такой масштаб неудачен для столыпинской реформы, которая продолжалась менее 10 мирных лет. Мы рассчитали скользящие средние значения по 27 пятилетним отрезкам с момента появления статистики ЦСК до начала Первой мировой войны. Данные взяты из ежегодных публикаций «Урожай ... года» путем суммирования губернских итогов из поездных таблиц⁴. Полученная динамика чистого сбора основных хлебов и картофеля в 50 губерниях Европейской России представлена на рисунке 2.

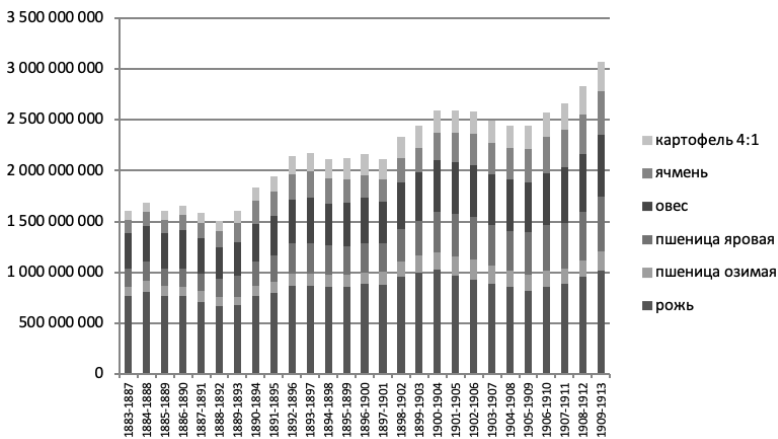

Рисунок 2. Динамика чистых сборов хлебов и картофеля в Европейской России в 1883–1913 годах (скользящие средние пятилетние значения), в пудах

4. Сбор этих данных производился совместно с И. В. Шильниковой, которой я благодарю за предоставленные в мое распоряжение материалы.

Чистый сбор (урожай за вычетом семян) — показатель, нечасто используемый в нашей литературе, отдающей предпочтение валовому сбору, цифры которого воспроизводились в многочисленных публикациях. Между тем он присутствует в урожайной статистике ЦСК или легко рассчитывается за те годы, когда он не публиковался, так как объем семян учитывался ежегодно. Поскольку в 1883–1887 годах статистика давала сборы в четвертях, а вес четверти публиковался только с 1888 года, мы переводили четверти в пуды, используя для первых лет средние веса четверти соответствующих культур за 1888–1892 годы для каждой губернии. Коэффициент для суммирования картофеля с зерновыми принят 4 к 1, что ближе к соотношению питательности картофеля и ржи, выведенному в XIX веке, чем иногда используемые коэффициенты 5 к 1 или 3 к 1.

На графике отчетливо заметна волнообразная кривая роста, которую создают периоды подъемов, следующие после моментов крупнейших неурожаев, и спадов, образующихся по мере убывания статистического влияния высокоурожайных лет. Годы резких отклонений — общероссийские неурожаи 1891, 1897, 1901, 1906, 1911 годов и пики подъема 1893, 1894, 1902, 1904, а также годы последнего пятилетия, кроме 1911 года (их можно проследить по рис. 1). Вопрос о причинах наблюдаемой цикличности мы здесь не обсуждаем.

Четыре последних отрезка, включающие в себя годы реформы, демонстрируют очевидный подъем, однако он выглядит как начало третьей волны, аналогичной волнам 1889/1893—1893/1897 и 1898/1902—1900/1904 годов. Этого недостаточно, чтобы делать какие-либо выводы относительно влияния реформы.

Качество роста в развитии зернового хозяйства обычно определяют по показателям урожайности (сбор с единицы площади) и среднедушевого сбора (урожай на душу населения). Динамика этих показателей, рассчитанных по чистому сбору тех же зерновых, но без картофеля, представлена на рисунке 3. Посевные площади взяты по той же статистике ЦСК, для подушевых расчетов использованы данные о численности населения по реконструкции В. Зайцева (Зайцев, 1927).

Оба показателя повторяют те же волнообразные колебания, но если урожайность при этом демонстрирует выраженную растущую динамику, то тенденция душевого производства после середины 1890-х годов едва различима.

Гребни волн (периоды максимальных значений внутри цикла) всех трех рассмотренных показателей приходятся на следующие отрезки: 1893–1897; 1900–1904; 1909–1913 годы. Отрезок 1900–1904 годов — лучшее пятилетие до начала столыпинской реформы. Его сравнение с предыдущим пиком демонстрирует рост, достигнутый без реформы. Пятилетие 1909–1913 годов — лучшее за все время наблюдений урожайной статистики до Первой мировой войны и, по совместительству, «разгар» реформы.

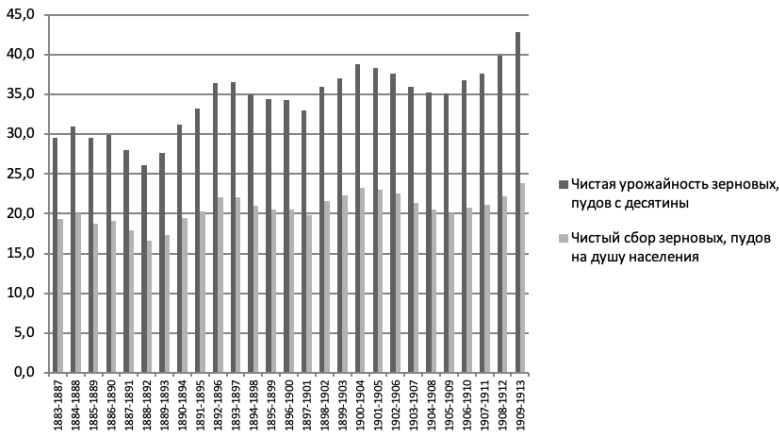

Рисунок 3. Чистая урожайность и чистый сбор на душу населения основных зерновых в Европейской России в 1883–1913 годах (скользящие средние пятилетние значения), в пудах

Если взять для сравнительного анализа не случайные, а именно лучшие пятилетия, то, как представляется, можно нивелировать влияние погодных факторов, поскольку урожайность, достигнутая при наиболее благоприятных погодных условиях, демонстрирует природно-климатический потенциал каждого региона при данном уровне технологий и организации хозяйства. Поэтому наблюдаемые между этими пятилетиями сдвиги можно отнести на счет изменения технологий и организации хозяйства с гораздо большим основанием, чем при сравнении случайно выбранных или смежных пятилетних отрезков. Исходя из этого, мы в данном случае игнорируем тот факт, что между сравниваемыми пятилетиями пролегает неравное число лет, и между первым и вторым (дореформенными) периодами прошло меньше времени, чем от второго до третьего, — сочетание благоприятных погодных факторов не подчиняется точной периодичности. Сравнение их уровней приводится в таблице 4.

В целом эти цифры скорее подходят под понятие «сдвигов», чем «агротехнической революции». Сопоставление процентов увеличения сборов зерновых дает преимущество дореформенному росту, но небольшое (прирост 19,2% против 17,2%), которое практически исчезает с учетом картофеля (18,9% против 18,6%). Уровень душевых показателей в лучшие годы реформы немного превосходит (на 2,4% по зерновым и на 3,6% по зерновым с картофелем) лучший предреформенный период, демонстрируя, однако, отставание от прироста, достигнутого между предыдущими пиками (5,7% — 5,4%). За этими цифрами стоит ускоренный прирост населения, который сельское хозяйство все же сумело превзойти, хотя и с затуханием своего ускорения. В этом контексте следует обратить внимание на урожайность, которая выросла значительно сильнее (на 10,3% против 6,2% ранее).

Это означает, что рост сборов зерна в период реформы достигался за счет роста урожайности в большей мере, чем это было присуще дореформенному росту. Следовательно, в период реформы ускорилась именно интенсификация зернового производства.

Таблица 4. Чистые сборы и урожайность зерновых и картофеля в 1893–1913 годах по выделенным периодам

		1893–1897	1900–1904	1909–1913
Чистый сбор зерновых	тыс. пудов	1 990 938	2 373 863	2 782 707
	% к предыдущему периоду	—	119,2%	117,2%
Чистый сбор зерновых и картофеля	тыс. пудов	2 176 977	2 587 878	3 068 772
	% к предыдущему периоду	—	118,9%	118,6%
Чистый сбор зерновых на душу населения	пудов	22,07	23,32	23,88
	% к предыдущему периоду	—	105,7%	102,4%
Чистый сбор зерновых и картофеля на душу населения	пудов	24,12	25,42	26,34
	% к предыдущему периоду	—	105,4%	103,6%
Чистая урожайность зерновых	пудов с десятины	36,58	38,85	42,84
	% к предыдущему периоду	—	106,2%	110,3%

Источник: Урожай ... года / СРИ. Т. 28, 30, 35, 36, 42, 51, 53 (вып. I–II), 54, 57, 59, 71, 73, 75, 78, 81.

Динамика урожайности на уровне губерний

При изучении столыпинской реформы историкам предпочтительнее оперировать с данными по крестьянским наделным землям, а не по губерниям в целом, так как в последних присутствовала вто-

рая составляющая — урожаи на частновладельческих (и других) землях. Мы рассчитали урожайность наделных земель и ее приросты по тем же периодам и корзине тех же основных хлебов. Между приростами урожайности на наделных землях и по губерниям в целом оказалась теснейшая корреляция: от первого периода ко второму коэффициент 0,97; от второго периода к третьему — 0,96. Это подтверждает наблюдения историков о параллелизме в динамике урожайности крестьянских и частновладельческих земель (Kopsidis, 2015), однако далее мы работаем с урожайностью только наделных земель.

На уровне губерний динамика урожайности предстает разнонаправленной. Между периодами 1900–1904 и 1909–1913 годов в двенадцати губерниях средняя урожайность крестьянских наделных земель увеличилась на 20% и более (от 20,0% в Бессарабской до 34,1% в Харьковской). Среди них преобладают губернии Новороссийские, Западные, Северо-Западные. В двенадцати губерниях урожайность уменьшилась (прирост от -1,8% во Владимирской до -22,3% в Астраханской). В этой группе губернии Среднего и Нижнего Поволжья, Центрального Черноземья, Зауралья. Вероятно, здесь пик сдвигов был действительно пройден до реформы, или происходил экстенсивный рост, или крестьянское хозяйство перестраивалось на незерновые отрасли, или испытывало кризис.

Представляют интерес взаимосвязи между величиной урожайности по трем периодам и сдвигами урожайности от одного периода к другому. Мы подсчитали коэффициенты корреляции по 47 губерниям (без Прибалтийских) для следующих переменных:

- 1) Среднегодовая чистая урожайность на наделных землях в 1893–1897 годах.
- 2) Среднегодовая чистая урожайность на наделных землях в 1900–1904 годах.
- 3) Среднегодовая чистая урожайность на наделных землях в 1909–1913 годах.
- 4) Прирост среднегодовой чистой урожайности на наделных землях от второго периода к третьему (1900/1904–1909/1913).
- 5) Прирост среднегодовой чистой урожайности на наделных землях от первого периода ко второму (1893/1897–1900/1904).

Итоги сведены в таблице 5; значения до 0,30 говорят об отсутствии связи.

Таблица 5. Коэффициенты корреляции показателей урожайности

	1	2	3	4
2	0,85	1,00		
3	0,79	0,88	1,00	
4	-0,03	-0,13	0,34	1,00
5	-0,05	0,48	0,36	-0,18

Между уровнями урожайности первого и второго периодов и приростами урожайности на следующих за ними хронологических отрезках корреляции нет: переменная (1) не связана с (4) и (5); (2) не связана с (4). То есть сдвиги урожайности по губерниям не зависели от исходного уровня урожайности. Однако имеется связь между уровнями урожайности и ее приростами в предыдущие периоды: урожайность во второй период (2) имеет значимую связь (0,48) с приростом от первого периода ко второму (5). Урожайность третьего периода (3) имеет слабые, но все же значимые связи и с приростом от первого периода ко второму (5), и с приростом от второго периода к третьему (4) — коэффициенты 0,34 и 0,36. Это логично: достигнутый уровень урожайности в определенной мере зависит от направления и темпа предыдущего роста, но не определяет собой дальнейшего роста.

С этой точки зрения естественно отсутствие связи между приростами урожайности в разные периоды (4) и (5). Но это означает, что сдвиги, наметившиеся в дореформенный период, не имели инерционного продолжения в период реформы, и во многих губерниях сменился вектор и темп движения урожайности на наделных землях.

При этом урожайность по всем трем периодам имеет высокую корреляцию между собой: между первым и вторым периодами 0,85; между вторым и третьим 0,88; между первым и третьим 0,79. Это говорит о том, что при всех разнонаправленных сдвигах рейтинг губерний по высоте урожайности менялся от периода к периоду не столь сильно, и губернии, в которых был относительно более высокий уровень урожайности до реформы, как правило, сохраняли относительно более высокий уровень и далее.

Реформа и сдвиги в урожайности: показатели и методы

Прежде чем перейти к анализу связи сдвигов урожайности с институциональными изменениями в ходе реформы по выделенным нами периодам, следует остановиться на опытах такого анализа, уже известных в литературе, и их недостатках. В историографии как минимум дважды предпринимались попытки решить вопрос о наличии или отсутствии связи между мероприятиями столыпинской реформы и динамикой урожая/урожайности на уровне губерний при помощи математических методов.

С. А. Нефедов подсчитал коэффициенты корреляции между «ростом производства» от 1901–1905 к 1910–1914 годам и тремя показателями: процентом вышедших из общины, процентом земли у вышедших, процентом «землеустроенной земли». Под «производством» понимались урожаи (сборы), а не урожайность. Его подсчеты для семи губерний Центрального Черноземья — Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Воронежской, Пензенской, Тамбовской — показали статистически незначимые коэффициенты от -0,23 до 0,03.

«Следовательно, мы не можем приписывать рост производства столыпинской реформе», — подытожил исследователь (Нефедов, 2011: 510). В другой публикации он усилил свое утверждение: «Урожай никак не зависели от успехов (или неудач) реформы» (Нефедов, 2018: 44). В новой работе Нефедов сообщил об отсутствии корреляции между показателями реформы и производством картофеля и пеньки в тех же губерниях (Нефедов, 2021: 182). Представляется, что эти заключения носят поспешный и неоправданно расширительный характер. Губерний одного из регионов явно недостаточно, чтобы делать выводы в масштабах России, а выбор хронологических отрезков для сравнения требует дополнительного обоснования.

Влияние столыпинской реформы на урожайность основных зерновых культур, причем именно на крестьянских наделных землях, по всем губерниям Европейской России исследовали А. М. Маркевич и П. Костаньеда Дауэр, работающие в парадигме исторической эконометрики (Castañeda Dower, 2019). Хронологические рамки их работы: 1905–1913 годы. Методом регрессионного анализа они оценили влияние двух аспектов реформы по отдельности: с одной стороны, эффект выхода крестьян из общины, с другой — эффект землеустройства в плане консолидации наделов, то есть создания хуторов и отрубов. Исследователи предполагали, что оба аспекта могли иметь положительное влияние, в том числе и выход из общины без землеустройства. Их расчеты показали, что «производительность земли резко возросла в результате реформы», однако две составляющие реформы имели разнонаправленное действие: «...Непосредственный эффект преобразования права собственности на землю из общинного в индивидуальное владение на продуктивность земли был отрицательным, как и полагали скептики реформы. Напротив, эффект роста производительности был обусловлен консолидационной составляющей реформы, как утверждали сторонники реформы» (Там же). То есть рост урожайности стимулировался лишь индивидуализацией землепользования, а не получением прав собственности на наделную землю, которое почему-то тормозило рост урожайности.

Несмотря на ряд теоретических соображений, приводимых авторами для объяснения полученного парадокса, их вывод трудно принять. «Укрепление» надела совершалось крестьянами, как правило, либо с целью последующей индивидуализации землепользования, и в таком случае с некоторым временным лагом оно попадало в статистику создания хуторов и отрубов, либо с целью продажи надела при переселении в Сибирь или в город, и в этом случае земля переходила в руки более состоятельных односельчан, хозяйство которых, как можно предполагать, велось на более высоком уровне, чем у предыдущих владельцев, даже если сами они при этом не выходили из общины, а лишь увеличивали размер своего надела в общине. Поэтому если оформление прав собственности на землю вообще имело связь с производительностью земли, то эта связь на уровне статистики едва ли могла быть отрицательной.

Некоторые показатели, использованные соавторами, вызывают вопросы. Так, ход реформы по губерниям они оценивают «средне-годовым» числом крестьянских хозяйств (и оформивших собственность, и получивших землеустройство), нормированным на «дореформенную среднюю посевную площадь зерна крестьян в общинах». Однако российская статистика посевных площадей⁵ содержит данные о крестьянской наделной земле, не различая общинников и подворников, тогда как соотносить «укрепления» наделов имеет смысл только с посевами в передельных общинах. Статистику общинных и подворных земель дает земельная перепись 1905 года, но в ней зафиксирован размер землевладения, а не площади посевов. По-видимому, задача нормирования дворов на посевную площадь для изучения «укрепления» наделов поставлена и решена соавторами некорректно.

За этим видится и более общий методологический вопрос: какой смысл несет в себе показатель числа крестьянских дворов, отнесенных к посевной площади? Число дворов на единицу посевной площади — это показатель, обратный показателю обеспеченности крестьян землей, в данном случае — обратный размеру посевной площади у крестьян. Соавторы полагают, что чем больше дворов в расчете на гектар посевов воспользовались реформой (вышли из общины или получили землеустройство) в той или иной губернии, тем активнее там шла реформа. Они, кажется, упускают из виду, что чем больше дворов в расчете на гектар посевов воспользовались реформой в той или иной губернии, тем, следовательно, меньше была посевная площадь каждого из этих дворов. И наоборот, там, где реформой воспользовались меньше дворов на единицу площади, там больше посевная площадь каждого из них. Однако между посевной площадью и урожайностью имеется связь.

Мы подсчитали размер посевной площади суммы основных хлебов (на крестьянских наделных землях за 1900–1904 годы) в расчете на 1 крестьянский двор (по переписи 1905 года) по губерниям и коэффициенты корреляции этого показателя со средней высотой урожайности тех же хлебов на наделных землях за 1900–1904 годы. По 50 губерниям корреляции не оказалось (-0,05), но отдельный подсчет по 24 хлебопотребляющим губерниям показал значимую прямую связь (0,44), тогда как по 26 хлебопроизводящим губерниям связь оказалась отрицательной (-0,68). То есть в Нечерноземье — чем больше посевная площадь у крестьянского хозяйства, тем вероятнее высокая урожайность,

5. А. М. Маркевич и Костаньеда Дауэр использовали свод Н. С. Четверикова, представляющий собой экстракт из ежегодников «Урожай ... года»: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915. (Материалы Центрального статистического комитета по урожаям на наделных землях). М.: ЦСУ СССР, 1928.

а в Черноземье наоборот, чем меньше посевная площадь, тем выше урожайность. В производящих губерниях площадь оказалась связанной и с приростом урожайности: где больше посевная площадь на двор, там меньше прирост урожайности в дореформенный период (-0,60), хотя по всем губерниям эта связь слабее (-0,37). И эти закономерности не имеют отношения к столыпинской реформе.

Это значит, что если показателем активности реформы принять число крестьян, участвовавших в реформе, нормированное на их посевную площадь, и пытаться установить связь этого показателя с урожайностью, то смешиваются два типа связей: с одной стороны, урожайность и активность реформы, с другой стороны, урожайность и размер посевной площади крестьян, участвовавших в реформе. Таким образом, правомерность нормирования дворов на посевную площадь для решения поставленных задач вызывает большие сомнения. Возможно, полученный Маркевичем и Костаньедой Дауэром противоречивый результат связан с указанным обстоятельством.

Неудовлетворенность имеющимися результатами стимулирует новые подсчеты. Для тестирования связи тенденций зернового производства с реформой мы использовали коэффициент парной корреляции Пирсона и следующие показатели, характеризующие ход реформы в губерниях Европейской России:

1) Процент домохозяев, укрепивших землю в личную собственность (с 09.11.1906 по 01.05.1915), от числа владеющих землей на общинном праве, взятый из сведений МВД⁶. В подсчетах по этому показателю не участвуют губернии Архангельская, Виленская, Волынская, Гродненская, Донская область, Ковенская, Минская, Подольская.

2) Доля владельцев хуторов и отрубов, созданных на надельных землях за десятилетие (1907–1916), от общего числа крестьянских дворов по переписи 1905 года. Данные по числу хуторов и отрубов заимствованы у П. Н. Першина, который к последним официально опубликованным отчетам ГУЗиЗ добавил неопубликованные цифры за 1916 год (Першин, 1922). Число крестьянских дворов в 1905 году (без казаков) приводилось С. М. Дубровским (Дубровский, 1963: приложение 1). Число хуторов и отрубов взято накопленным итогом, в который включены данные за 1914–1916 годы, не вошедшие в наши подсчеты урожая, однако пролонгация не искажает тенденции в процессах землеустройства, наметившиеся в губерниях до 1914 года. Между 1905 и 1916 годами общее количество крестьянских дворов увеличилось, однако не существует возможности соотнести ежегодные изменения количества дворов в каждой губернии с количеством ежегодно возникавших там ху-

6. Статистический ежегодник России: 1915 год. Пг.: Изд. ЦСК, 1916. Раздел 6. С. 1.

торов и отрубов. Мы также не стали соотносить численность хуторов и отрубов на наделных землях с числом хозяйств по сельскохозяйственной переписи 1916 года, поскольку использованная в ней категория «хозяйства крестьянского типа» не тождественна понятию крестьянского двора на наделных землях. Наши цифры несколько завышают долю хуторян и отрубников к концу реформы, но, думается, не дают существенных искажений пропорции между губерниями по этому показателю. Отсутствуют данные по губерниям Гродненской, Ковенской и Оренбургской.

3) Доля дворов, получивших землеустройство в общинное (общественное) владение от общего числа домохозяев, получивших утвержденное землеустройство за 1907–1914 годы. Эти цифры отражают ту часть землеустроительных работ, которая не касалась индивидуализации землепользования. Подсчитано по сведениям ГУЗиЗ⁷; нет данных по Оренбургской губернии.

Отметим, что все сведения по землеустройству подавались местными землеустроительными комиссиями ГУЗиЗ, данные по укреплению наделов собирались МВД, и эти статистики не были связаны ни между собой, ни с системой собирания сведений об урожаях ЦСК.

Коэффициенты корреляции между тремя нашими показателями реформы оказались значимыми. Процент дворов, укрепивших надел в собственность, положительно коррелирует с долей владельцев хуторов и отрубов (0,58): в губерниях, где общинники активнее оформляли землю в собственность, крестьяне чаще переходили на отруба и хутора. Доля дворов, получивших землеустройство при сохранении общинной собственности, отрицательно коррелирует с двумя другими переменными: и с процентом укрепивших надел (-0,56) и с долей хуторян/отрубников (-0,64).

В качестве показателей состояния и сдвигов в сельскохозяйственном производстве губерний были выбраны следующие:

4) Прирост среднегодовой чистой урожайности на наделных землях за 1900/1904–1909/1913 годы.

5) Прирост среднегодовой чистой урожайности на наделных землях за 1893/1897–1900/1904 годы.

6) Прирост среднегодового чистого сбора за 1900/1904–1909/1913 годы, рассчитанный не по наделным землям, а по губерниям в целом.

7) Чистая урожайность на наделных землях в 1909–1913 годах.

8) Чистая урожайность на наделных землях в 1900–1904 годах.

Сельское хозяйство не сводится к зерновому производству, хотя оно и было ведущей отраслью сельского хозяйства России.

7. Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1915 г. Пг.: ГУЗиЗ, 1915. Ч. Б. С. 8–11.

Оценка сдвигов, произошедших за годы реформы в других отраслях, в погубернском разрезе, является более трудной задачей, требующей отдельной работы. Для кануна Первой мировой войны можно использовать погубернские оценки валового сельскохозяйственного дохода, дифференцированного по отраслям, которые сделал Г. А. Студенский в середине 1920-х годов. Им же сделаны приблизительные расчеты товарности сельского хозяйства. Из его работы (Студенский, 1925: 202, 212) мы заимствуем еще три показателя:

9) Годовой валовой доход от незерновых отраслей растениеводства (корнеклубни, технические культуры, овощи и фрукты, сено) на десятину сельскохозяйственной площади.

10) Годовой валовой доход от животноводства (производство молока, птицеводство, выращивание крупного рогатого скота, овцеводство, свиноводство, коневодство) на десятину сельскохозяйственной площади.

11) Полное рыночное отчуждение сельскохозяйственной продукции на десятину сельскохозяйственной площади.

Студенский делал стоимостные оценки в расчете и на десятину, и на душу сельского населения, однако поскольку в нашей работе сдвиги в зерновом производстве характеризуются урожайностью, а не душевым производством, мы взяли для своих подсчетов только его подесятинные данные. Все они в силу состояния источниковой базы приблизительны, относятся к периоду столыпинской реформы без четкой датировки, и у нас нет динамики по этим показателям. Тем не менее данные Студенского важны, так как позволяют расширить рамки нашего анализа, включив в него сельское хозяйство помимо хлебного производства и фактор товарности сельскохозяйственной продукции.

Для оценки рыночной конъюнктуры зернового производства введем еще два показателя:

12) Осенние цены на хлеб в 1909–1913 годах.

13) Осенние цены на хлеб в 1900–1904 годах. Средневзвешенные губернские цены (в копейках серебром за пуд) подсчитаны нами по чистым губернским сборам указанных пяти хлебов. Источник осенних цен — данные ГУЗиЗ по изданию «...Год в сельскохозяйственном отношении».

Значения всех переменных собраны в Приложении.

В отличие от предшественников, мы учли, что некоторые тенденции сельского хозяйства имеют выраженную региональную специфику, поэтому губернии были разбиты на два макрорегиона — нетто-импортеров и нетто-экспортеров хлебов. За основу деления взяты расчеты А. Н. Челинцева по губернскому балансу ввоза/вывоза хлебных грузов за 1907–1910 годы (Челинцев, 1928: 218). Соответственно, все коэффициенты корреляции подсчитаны в трех вариантах: для 47 губерний (А) и отдельно для 21 потребляющей (Б) и 26 производящих (В) губерний.

ИСТОРИЯ

Полученные значения коэффициентов даны в таблице 6. Приводим усеченный вариант таблицы, где показана лишь корреляция показателей реформы (1–3) с показателями аграрного развития (4–13) без их корреляции между собой.

Таблица 6. Коэффициенты корреляции с показателями реформы

		4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	A	0,38	0,05	0,44	0,25	0,07	0,02	0,15	0,50	-0,05	-0,06
	Б	0,33	0,38	0,10	0,02	-0,13	0,56	0,60	0,32	-0,24	-0,30
	B	0,53	-0,17	0,52	0,22	-0,04	-0,04	-0,09	0,56	0,66	0,66
2	A	0,52	-0,28	0,53	-0,08	-0,31	0,03	0,11	0,55	0,15	0,13
	Б	0,48	-0,05	0,28	-0,05	-0,31	0,50	0,64	0,70	0,04	0,01
	B	0,59	-0,45	0,66	-0,17	-0,46	-0,31	-0,45	0,41	0,56	0,53
3	A	-0,61	0,09	-0,57	-0,25	0,05	-0,19	-0,41	-0,51	-0,01	-0,05
	Б	-0,54	-0,01	-0,48	0,04	0,34	-0,61	-0,70	-0,37	0,22	0,16
	B	-0,77	0,23	-0,64	-0,36	0,04	0,03	-0,13	-0,61	-0,73	-0,75

Наши переменные в целом не демонстрируют высокой степени корреляции, статистически значимые величины по всем губерниям (А) располагаются в диапазоне 0,31–0,64. Это должно предостеречь от категоричности выводов. Тем не менее некоторые общие очертания проступают с достаточной ясностью.

Можно говорить о наличии значимой положительной связи между успехами реформы в индивидуализации землевладения и землепользования и ростом урожайности на надельных землях. Прирост урожайности в период реформы (4), хотя и в слабой степени, но — вопреки выводу Маркевича и Костаньеды Дауэра — положительно коррелирует с процентом укрепивших надел (1). Его связь с долей владельцев хуторов и отрубов (2) теснее. С землеустройством без создания единоличных хозяйств (3) рост урожайности (4) имеет отрицательную связь, причем более выраженную. Следовательно, в тех губерниях, где активнее происходили выходы крестьян из общины и особенно где активнее появлялись хутора и отруба, в среднем сильнее выросла урожайность, а те губернии, в которых преобладало групповое землеустройство с сохранением общинного землевладения, скорее оказывались с малым или отрицательным приростом урожайности.

Как мы уже выяснили, между приростами урожайности двух периодов (4) и (5) корреляции нет (см. табл. 5), поэтому естественно, что «прошлый» прирост урожайности (5) не коррелирует с показателями столыпинской реформы на общероссийском уровне.

Прирост чистых сборов в губерниях (6) — вопреки заключению Нефедова — коррелирует с показателями реформы аналогич-

но приросту урожайности того же периода: где выше индивидуализация землевладения (1) и землепользования (2), там с большей вероятностью встречается больший прирост урожаев. Однако эти корреляции, проявившиеся на общероссийском уровне (А), отсутствуют для хлебопотребляющих губерний (6 — 1Б, 6 — 2Б), зато сильнее выражены для хлебопроизводящих (6 — 1В, 6 — 2В). При этом с землеустройством при сохранении общины (3) имеются отрицательные коэффициенты корреляции во всех трех вариантах (А, Б, В): где выше его доля — ниже прирост урожаев.

С уровнем урожайности в лучшие годы реформы (7) показатели реформы не демонстрируют корреляции, кроме слабоотрицательной с общинным землеустройством в производящих губерниях (7 — 3В). При этом уровень урожайности до реформы (8) показал слабовыраженные отрицательные связи с созданием хуторов и отрубов в период реформы (2): крестьяне несколько активнее стремились к хуторам и отрубам в период реформы в тех губерниях, где до реформы была ниже урожайность, а где выше — менее активно.

Показатели доходности десятины от незерновых отраслей сельского хозяйства (9) и (10) коррелируют с реформой однотипно в потребляющих губерниях: там, где был больший процент выходов из общины (1Б) и созданных единоличных хозяйств (2Б), оказалась большая доходность земли от незернового земледелия (9) и/или большая доходность от животноводства (10). В тех губерниях, где преобладало землеустройство без создания единоличных хозяйств (3Б), оказалась меньшая доходность незерновых отраслей. Причем для доходности земли от животноводства эта связь проявилась и на общероссийском уровне (10 — 3А). Характерно, что с долей единоличных хозяйств в хлебопроизводящих губерниях оба показателя имеют значимые отрицательные связи (9 — 2В; 10 — 2В), то есть чем выше процент хуторов и отрубов в черноземной губернии, тем меньше в ней доход от незерновых отраслей.

Все эти корреляции представляются закономерными, если предположить, что величина дохода от незерновых отраслей во многом отражает специализацию сельского хозяйства, которая конфликтовала с зерновой ориентацией хозяйства. Так, специализация на выращивании технических или кормовых культур уводила хлебное производство на второй план. Содержание многочисленного поголовья скота и производство больших объемов животноводческой продукции в черноземных губерниях зачастую означало большую роль экстенсивного пастбищного скотоводства, которое альтернативно зерновому хозяйству и его интенсификации. Тогда, если индивидуализация землепользования в хлебопроизводящих районах, как мы уже выяснили, была связана с прогрессом урожайности (2В — 4) и урожаев (2В — 6) зерновых культур, то логично, что она происходила менее активно там, где была сильнее роль незерновых направлений (2В — 9; 2В — 10). Следовательно, установленный выше факт отсутствия связи прироста урожаев с ходом реформы

в хлебопотребляющих районах (1В — 6; 2В — 6) также указывает на наличие отраслевой специализации. В Нечерноземье прогресс сельского хозяйства определялся в первую очередь незерновыми отраслями, и тот факт, что производительность незерновых отраслей здесь позитивно коррелирует с ходом реформы, говорит о том, что прогресс реформы был связан с прогрессом сельского хозяйства.

Связь реформы с уровнем развития товарного сельского хозяйства можно видеть по корреляциям со стоимостью продаваемой продукции (всех отраслей в сумме) каждой десятины сельскохозяйственной площади (11). Все коэффициенты оказались значимыми. Более высокая стоимость отчуждаемой продукции связана с большей долей укрепивших наделы общинников (1 — 11) и большей долей хуторян и отрубников (2 — 11). Преобладание землеустройства при сохранении общины связано с меньшей величиной (дешевизной) отчуждаемой сельхозпродукции (3 — 11). Такой результат был ожидаемым, специалисты давно отметили общую закономерность, что районы распространения участкавого землепользования — это районы «с ярко выраженным рыночным характером производства» (Першин, 1922: 9).

Связь реформы с состоянием рыночной конъюнктуры отчасти демонстрируют корреляции с хлебными ценами. Местные осенние цены обоих периодов, как периода реформы (12), так и дореформенного (13), показали устойчивые корреляции с показателями реформы только в хлебопроизводящих губерниях: там, где цены были выше, происходило более активное укрепление наделов общинниками (1В — 12; 1В — 13) и более активный переход на хутора и отруба (2В — 12; 2В — 13), но меньше доля группового землеустройства (3В — 12; 3В — 13). Между собой ряды цен (12) и (13) имеют очень высокую корреляцию (0,97), что объясняет устойчивость связей других показателей с обоими рядами. В частности, их корреляции с приростом урожайности периода реформы (4) в производящих губерниях составили 0,75 и 0,72 соответственно (в таблицу 6 не включены), то есть там, где выше был уровень хлебных цен, как правило, большим оказывался прирост урожайности в период реформы.

Характерно, что по хлебопотребляющим губерниям хлебные цены не коррелируют ни с показателями реформы, ни с урожайностью. Это не удивительно, ибо высокая ценовая конъюнктура для производителей товарного зерна служит стимулом расширения производства, тогда как в потребляющих регионах высокие цены скорее стимулируют ввоз, чем рост внутреннего производства. Рыночную конъюнктуру хлебопотребляющих губерний, очевидно, надо исследовать посредством цен их товарной продукции, а не зерновых. Это задача на перспективу.

Как известно, коэффициент корреляции показывает тесноту связи, но не причинно-следственные отношения. Наши расчеты свидетельствуют, что ход реформы был в определенной мере связан с состоянием и динамикой аграрного развития России. Активность крестьян в освоении новых институциональных условий хо-

зяйствования, созданных реформой, коррелирует с прогрессивными сдвигами и более высоким уровнем развития сельского хозяйства. Однако это может в равной степени означать и то, что реформа стимулировала прогресс хозяйства, и то, что крестьяне активнее стремились пользоваться возможностями реформы в тех районах, где существовали лучшие возможности развития, в частности, производство было более выгодным в силу благоприятной экономической конъюнктуры. Советские историки, писавшие о «попутных ветрах», прежде всего имели в виду общую повышательную конъюнктуру, наметившуюся еще с середины 1890-х годов (Анфимов, 2002: 167–168; Дубровский, 1925: 78–79; и др.). Соотношение цен отражало состояние рынков, внешних и внутренних, и складывалось в этот период благоприятно для сельского хозяйства вне зависимости от правительства Столыпина. Выявленная нами корреляционная связь успехов реформы в хлебопроизводящих губерниях с уровнем хлебных цен в них, сложившимся еще в дореформенный период, может интерпретироваться как дополнительный аргумент в пользу этой позиции. Однако более плодотворной представляется иная точка зрения. Спор о том, возникли ли позитивные сдвиги в сельском хозяйстве исключительно/преимущественно благодаря реформе, или они явились результатом обстоятельств, не связанных с реформой, не должен заслонять собой тот факт, что реформа была органична и адекватна условиям развития рыночной экономики.

Если растущая конъюнктура аграрного рынка России конца XIX — начала XX века была «попутным ветром», то столыпинская реформа дала крестьянам возможность строить лодки и поднимать паруса. Рост рынка был двигателем, приводившим в движение хозяйство. Реформа, при всей своей ограниченности (Уильямс, 2009: 263–271), создавала институты, которые содействовали более плотному подключению к рынку крестьянского сегмента сельского хозяйства. Укрепление надела в личную собственность и индивидуализация землепользования давали в руки крестьянину прежде всего новые инструменты, позволяющие более гибко приспособить хозяйство к условиям природы и запросам рынка. У крестьян увеличивались возможности укрупнения и оптимизации своего производства, его диверсификации, а также ухода из сферы сельскохозяйственного производства или перемещения в другие регионы страны. Создаваемые реформой институты оказались востребованными, причем там, где они были более востребованы, мы, как правило, находим более сильный прогресс хозяйства. Разумеется, никакие институциональные условия, даже самые благоприятные, сами по себе не создают движения экономической деятельности, но они могут расширить границы возможностей для акторов рынка, и столыпинская реформа, несомненно, делала это.

Схлопывание внешнего рынка с началом Первой мировой войны, появление и усиление нерыночных механизмов распределения продукции, углублявшийся в ходе войны распад территориальных

связей заглушили двигатель рыночной экономики, ослабив рыночно-ориентированный сектор сельского хозяйства. Ликвидация институтов, созданных столыпинской реформой, думается, стояла в связи с этими процессами (а не только со сменой правительства в 1917 году), как и вновь возникший в крестьянской среде в ходе революции спрос на институт передельной общины. Возникшая затем система «военного коммунизма» оказалась по-своему столь же целостна и адекватна породившим ее условиям. Но в отличие от системы рыночной экономики и индивидуального хозяйствования, обеспечивавшей рост производства продукции, она оказалась способной производить лишь голод и дефицит продовольствия. В конечном счете именно этим фактом определяется наш контекст для оценки исторического значения столыпинской реформы.

Заключение

Представленные в статье расчеты и данные не претендуют на окончательность и бесспорность, но позволяют все же сформулировать ряд выводов по отношению к аграрной реформе П. А. Столыпина и некоторым положениям историографии.

1. Утверждения о том, что пик прогрессивных сдвигов был пройден сельским хозяйством России еще до реформы и что прирост сельскохозяйственной продукции в годы реформы замедлился, встречающиеся до сих пор в литературе, не соответствуют имеющимся статистическим данным.

2. Материалы обследования землеустроенных хозяйств 1913 года, широко используемые в историографии столыпинской реформы, не могут служить источником сведений об урожайности крестьянских хозяйств, оставшихся при общинном землепользовании, как и частновладельческих хозяйств, поскольку способ собирания этих сведений не известен, а их итоговые значения подсчитаны некорректно. Наша критика не касается другой информации этого ценного источника, кроме урожайных данных.

3. Важнейшей проблемой при анализе динамики урожайных данных является высокая погодная волатильность. Для сглаживания годовых колебаний в статье предложено использовать метод скользящих средних с периодом пять лет. Для решения задачи минимизации влияния природно-климатических факторов на изменение динамики в качестве объектов сравнений были выбраны пятилетние отрезки с максимальными значениями. Для выявления и измерения сдвигов, произошедших в связи с аграрной реформой, сравнивались показатели лучших пятилетий до начала реформы с показателями лучшего пятилетия периода реформы.

4. Сопоставление среднегодовых показателей урожайности статистики ЦСК за 1893–1897, 1900–1904 и 1909–1913 годы показало, что приросты чистых сборов основных зерновых культур в абсолютном

и подушевом исчислении за период реформы (1900/1904–1909/1913) не превышают значений, достигнутых в дореформенный период (1893/1897–1900/1904), но заметно более высоким оказался прирост чистой урожайности (сбор с десятины), что свидетельствует об интенсификации зернового производства в период реформы.

5. Корреляционный анализ между тремя переменными, характеризующими ход реформы в губерниях Европейской России, и рядом переменных, характеризующих уровни и прироста урожайности, урожаяев, хлебных цен, доходности земли от незерновых отраслей и товарности сельского хозяйства показал наличие значимых положительных связей (в основном средней силы и слабых) между активностью крестьян в индивидуализации землевладения (укрепление наделов общинниками) и землепользования (создание хуторов и отрубов на наделных землях) в ходе реформы с прогрессом сельского хозяйства. Связь хозяйственных показателей с пространственностью группового землеустройства при сохранении общинного землевладения оказалась отрицательной. Утверждения, сделанные в предшествующей историографии, об отсутствии связей между ходом реформы и урожаями, а также о существовании отрицательной связи между оформлением крестьянами прав собственности на землю и приростом урожайности на наделных землях не нашли подтверждения.

Реформа создавала рыночную институциональную среду для крестьянской экономики. Ее ни в коем случае нельзя назвать провальной, она была в своей основе адекватной происходившим процессам рыночной трансформации крестьянского хозяйства. Наметившиеся ранее прогрессивные процессы аграрного развития продолжались и усиливались в период реформы, и темпы роста производства, по крайней мере, главной продукции сельского хозяйства — хлебов — не падали, а рост урожайности ускорился.

Перспективы изучения истории столыпинской реформы видятся в расширении контекста долгосрочных тенденций аграрной эволюции. В частности, необходимо продолжить исследование выявленной смены тенденций в динамике урожайности по губерниям, произошедшей на рубеже XIX–XX веков. Актуальными остаются задачи углубленного исследования других отраслей сельского хозяйства, кроме зернового производства, которые хуже обеспечены историческими источниками, и включения их результатов в общий контекст аграрной истории.

Библиография

- Анфимов А. М. (2002) П. А. Столыпин и российское крестьянство. М.: ИРИ РАН. — 300 с.
 Давыдов М. А. (2016). Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя. — 1080 с.
 Данилов В. П. (1992). Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т. Шагин. М.: Прогресс. С. 310–322.

- Дубровский С. М. (1963). Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М.: Наука. — 599 с.
- Дубровский С. М. (1925). Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л.: Прибой. — 302 с.
- Забоевкова А. С. (2013). Правовое положение наделной земли в период аграрной реформы П. А. Столыпина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 6. С. 96–103.
- Землеустроенные хозяйства (1915). Сводные данные сплошного по 12 уездам подворного обследования хозяйственных изменений в первые годы после землеустройства. Карты и диаграммы. Пг.: ГУЗиЗ.
- Зырянов П. Н. (1992). Петр Столыпин: политический портрет. М.: Высшая школа. — 159 с.
- Кимитака Мацузато (1992). Столыпинская реформа и российская агротехническая революция // Отечественная история. № 6. С. 194–200.
- Климин И. И. (2002). Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России. СПб.: НИИСХ СПбГУ. — 335 с.
- Ковальченко И. Д. (1991). Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. № 2. С. 52–72.
- Корелин А. П., Шацилло К. Ф. (1996). П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Судьбы российского крестьянства / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ. С. 7–55.
- Нефедов С. А. (2011). История России. Факторный анализ. В 2 т. Т. 2. М.: Территория будущего. — 686 с.
- Нефедов С. А. (2018). Неакадемический труд // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 10. № 1. С. 40–46.
- Нефедов С. А. (2021). К дискуссии о реформе П. А. Столыпина и уровне жизни в России в начале XX в. // Уральский исторический вестник. № 1. С. 178–184.
- Нифонтов А. С. (1974). Зерновое производство России во второй половине XIX в.: По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М.: Наука. — 318 с.
- Обследование землеустроенных хозяйств (1915), произведенное в 1913 году в 12 уездах Европейской России: Сводные поездные данные. Пг.: ГУЗиЗ. — 143 с.
- Обухов В. М. (1927). Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 1. М. С. 1–159.
- Першин П. Н. (1922). Участковое землепользование в России: Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. и судьбы во время революции (1917–1920 гг.). М.: Новая деревня. — 52 с.
- Студенский Г. А. (1925). Очерки сельскохозяйственной экономики. М.: Изд. Центросоюза. — 383 с.
- Тюкавкин В. Г. (2001). Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли. — 304 с.
- Уильямс С. (2009). Либеральные реформы при нелиберальном режиме: Создание частной собственности в России в 1906–1915 гг. М.: ИРИСЭН; Мысль. — 332 с.
- Щагин Э. М. (2008). Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX — середина XX вв.). М.: ВЛАДОС. — 759 с.
- Castañeda Dower P., Markevich A. (2019) The Stolypin Reform and Agricultural Productivity in Late Imperial Russia // European Review of Economic History. Vol. 23 (3). P. 241–267. [URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2361860 (дата обращения 1.06.2021)]
- Kopsidis M., Bruisch K., Bromley D. W. (2015) Where is the backward Russian peasant? Evidence against the superiority of private farming, 1883–1913 // The Journal of Peasant Studies. Vol. 42. No. 2. P. 425–447.

Приложение к таблице 6. Значения переменных, использованных в корреляционном анализе.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Хлебопотребляющие губернии													
Архангельская	—	0,5	96,7	13,2	10,9	14,1	39,9	35,3	12,6	7,1	2,2	116,6	93,6
Астраханская	5,3	8,7	58,7	-22,3	-11,0	18,4	12,6	16,2	4,7	15,4	1,9	84,3	72,5
Виленская	—	13,4	2,4	29,8	2,0	15,8	33,5	25,8	16,3	17,5	6,9	79,8	67,9
Витебская	28,8	31,7	7,1	33,9	-7,4	31,7	30,2	22,5	21,5	20,2	11,6	83,4	67,0
Владимирская	10,1	5,6	77,2	-1,8	22,4	-2,7	33,7	34,3	14,6	11,8	3,9	86,7	64,8
Вологодская	6,5	3,5	78,8	15,3	-3,3	13,7	39,5	34,2	11,3	15,4	3,8	83,7	72,5
Гродненская	—	—	37,2	24,1	10,7	16,5	40,2	32,4	16,3	21,6	8,8	85,4	69,7
Калужская	23,6	5,9	78,0	10,8	18,9	-2,3	28,4	25,6	13,6	16,0	3,3	80,5	60,4
Костромская	9,6	3,5	70,9	11,0	-4,1	7,7	34,5	31,1	15,3	14,1	2,6	83,4	66,6
Минская	—	6,7	14,9	20,4	21,3	18,7	38,4	31,9	24,3	21,3	7,4	80,0	61,7
Могилевская	56,8	15,0	11,7	12,3	10,8	14,7	36,5	32,5	26,9	24,1	9,3	75,5	57,6
Московская	31,9	9,5	83,9	8,9	16,8	-5,3	38,0	34,9	15,1	20,7	20,9	84,2	63,1
Нижегородская	14,4	7,8	62,4	-3,2	12,8	-2,2	34,7	35,8	9,3	12,1	5,3	77,2	55,0
Новгородская	10,1	9,5	47,0	13,9	-0,9	3,9	33,9	29,8	13,9	15,6	3,2	91,8	72,9
Олонецкая	11,8	1,7	81,2	13,9	-9,2	16,2	38,0	33,4	3,3	2,3	0,3	103,0	84,9
Пермская	4,0	2,4	69,0	-0,6	-5,2	19,2	42,4	42,6	7,1	5,8	1,3	70,9	53,1

И. А. Кузнецов
 Столыпинская аграрная реформа и производительность сельского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века

Псковская	18,8	18,3	17,5	30,5	-1,8	22,9	35,2	27,0	21,7	20,1	9,9	91,8	73,1
С-Петербург- ская	10,3	31,4	20,8	20,8	8,7	6,4	42,0	34,8	16,6	19,5	24,7	102,5	80,4
Смоленская	15,8	18,1	15,4	5,8	8,8	3,2	37,3	35,2	27,5	22,1	11,2	86,7	64,1
Тверская	15,7	8,8	66,3	2,7	2,2	-2,2	34,8	33,9	21,5	14,3	7,2	84,8	65,7
Ярославская	9,6	7,1	76,9	3,7	-3,9	-9,1	40,9	39,4	21,1	15,0	12,7	80,3	61,5

Хлебопроизводящие губернии

Бессараб- ская	15,1	8,4	12,5	20,0	-13,0	28,6	42,2	35,1	3,2	12,6	17,7	78,1	62,0
Волынская	—	12,8	3,6	17,9	28,8	17,1	51,1	43,3	11,7	20,8	10,3	82,0	62,2
Воронежская	20,1	9,0	69,6	1,0	17,3	11,1	41,2	40,8	8,9	15,5	11,7	70,9	52,7
Вятская	4,9	1,0	72,6	-5,2	-12,4	-9,6	31,2	32,9	6,9	9,1	2,4	63,1	47,6
Донская область	—	9,9	47,3	14,7	-0,5	53,8	31,2	27,2	6,2	12,1	12,6	78,7	63,4
Екатерино- славская	54,1	33,4	12,0	30,2	-0,4	44,9	44,2	34,0	4,4	11,9	16,7	80,3	62,6
Казанская	8,6	5,5	85,3	-2,4	3,9	4,7	36,3	37,2	5,2	12,6	8,3	64,6	47,5
Киевская	48,6	9,2	27,2	15,3	18,8	14,1	71,0	61,5	19,7	17,5	23,2	78,0	61,2
Ковенская	—	—	0,1	23,9	10,7	28,9	46,9	37,8	12,7	19,9	16,6	81,7	67,6
Курская	43,8	8,4	39,1	5,4	26,3	8,9	47,4	45,0	17,6	16,1	13,1	70,7	52,8
Оренбургская	10,5	—	—	-16,0	6,8	18,1	23,1	27,5	3,1	5,1	3,2	66,3	52,6
Орловская	39,0	5,9	44,7	8,1	18,6	5,8	37,9	35,1	15,2	17,3	9,0	69,5	54,9
Пензенская	25,2	9,7	59,3	-2,4	10,7	6,5	40,1	41,1	8,5	12,0	9,9	65,2	46,7

Подольская	—	2,5	18,4	11,6	17,2	11,8	59,7	53,5	4,7	19,4	17,9	81,6	62,3
Полтавская	12,1	11,2	22,1	16,5	4,8	20,7	57,5	49,3	15,9	15,1	15,8	72,2	54,1
Рязанская	17,0	5,4	69,0	-6,1	20,0	-1,8	39,6	42,2	11,4	16,7	7,3	70,2	54,1
Самарская	49,4	25,9	11,3	5,2	-0,9	34,5	29,6	28,1	3,2	7,2	8,0	76,2	57,4
Саратовская	27,7	18,5	53,8	-8,8	-3,1	6,8	28,7	31,4	5,5	9,4	11,6	72,9	53,7
Симбирская	23,9	8,6	57,6	-4,4	15,9	0,3	38,3	40,0	4,1	10,0	6,8	66,9	49,4
Таврическая	63,6	32,0	19,3	23,0	-12,0	36,7	35,7	29,0	2,4	9,5	17,7	84,5	67,0
Тамбовская	24,0	6,6	59,8	-12,3	21,9	-4,7	46,3	52,8	9,4	14,8	13,5	66,0	50,9
Тульская	21,6	12,3	72,2	-5,7	23,3	-3,9	38,6	40,9	10,8	15,1	11,2	68,6	51,9
Уфимская	14,8	5,9	44,1	1,7	1,7	28,9	38,3	37,7	5,8	10,9	4,8	54,7	40,2
Харьковская	29,1	24,1	40,2	34,1	7,7	43,1	47,7	35,6	14,0	14,2	16,2	78,1	56,6
Херсонская	38,1	24,0	8,9	22,8	-19,3	31,7	35,5	28,9	6,9	10,3	20,6	78,3	64,7
Черниговская	8,5	4,0	51,2	4,4	45,0	2,3	37,6	36,0	20,2	22,2	10,2	73,2	53,7

И. А. Кузнецов
 Столыпинская аграрная реформа и производительность сельского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века

Переменные:

1. Процент домохозяев, укрепивших землю в личную собственность с 9 ноября 1906 по 1 мая 1915 года, от числа владеющих землей на общинном праве.

2. Доля владельцев хуторов и отрубов, созданных на наделных землях за 1907–1916 годы, от общего числа крестьянских дворов по переписи 1905 года (%).

3. Доля дворов, получивших землеустройство в общинное (общественное) владение от общего числа домохозяев, получивших утвержденное землеустройство за 1907–1914 годы (%).

4. Прирост среднегодовой чистой урожайности на наделных землях за 1900/1904–1909/1913 годы (%).

5. Прирост среднегодовой чистой урожайности на наделных землях за 1893/1897–1900/1904 годы (%).
6. Прирост среднегодового чистого сбора за 1900/1904–1909/1913 годы на землях всех категорий (%).
7. Чистая урожайность на наделных землях в 1909–1913 годах (пудов с десятины).
8. Чистая урожайность на наделных землях в 1900–1904 годах (пудов с десятины).
9. Годовой валовой доход от незерновых отраслей растениеводства (рублей на десятину сельскохозяйственной площади).
10. Годовой валовой доход от животноводства (рублей на десятину сельскохозяйственной площади).
11. Полное рыночное отчуждение сельскохозяйственной продукции (рублей на десятину сельскохозяйственной площади).
12. Средневзвешенные осенние цены на хлеб в 1909–1913 годах (копеек за пуд).
13. Средневзвешенные осенние цены на хлеб в 1900–1904 годах (копеек за пуд).

Источники данных указаны в тексте.

Stolypin agrarian reform and agricultural productivity of European Russia in the late 19th — early 20th century

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571 Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: repytwd68@mail.ru

Abstract. The author considers the links between measures of the Stolypin agrarian reform and indicators of the Russian agricultural development based on various statistical data: statistics of yields (Central Statistical Committee), statistics of grain prices and land management (Main Directorate of Land Management and Agriculture), data of the Ministry of Internal Affairs on peasant exits from the community, data from the survey of farms and allotments conducted by the GUZiZ in 1913. The author also uses data on the income from non-grain crops and animal husbandry, and on the cost of commercial outputs per unit of agricultural land on the eve of the First World War. Based on the analysis of statistics, the author refutes the idea that agriculture had passed the peak of progressive shifts before the reform and that the growth of agricultural production slowed down under the reform. The author reveals mistakes in the 1913 survey of yields, which makes its data invalid for studying the ratio of yields by farm type; uses the moving average method to smooth out annual fluctuations in the CSC statistics of yields; compares the indicators of the best five years before the reform with the indicators of the best five years of the reform to minimize the influence of weather fluctuations on the measurement of the grain production dynamics; calculates the shifts in yields of major crops; with the correlation analysis, identifies the relationship between shifts in yields and productivity for the selected periods under the Stolypin reform in 47 provinces of European Russia; studies the links of the reform with other indicators of the agrarian development; proves the significant positive links (mainly of medium strength and weak) between the peasant activity in the individualization of land tenure (exits from the community) and land use (farms on the allotments) under the reform, and the negative links between economic indicators and the development of group land

management within the communal land tenure. Thus, the author insists that the previous historiographic statements about the absence of links between the reform and yields, and about the negative links between the registration of peasant land ownership and the increase in yields on allotments were not confirmed.

Key words: Stolypin agrarian reform, agrarian history of Russia, agricultural statistics, productivity, land management, peasant community

References

- Anfimov A. M. (2002). *P. A. Stolypin i rossijskoe krestyanstvo* [P. A. Stolypin and Russian Peasantry], Moscow: IRI RAN.
- Davydov M. A. (2016). *Dvadsat let do Velikoj vojny: rossijskaya modernizatsiya Vitte-Stolypina* [Twenty Years before the Great War: Russian Modernization by Witte and Stolypin], Saint Petersburg: Aletya.
- Danilov V. P. (1992). Agrarnaya reforma i agrarnye revolyutsii v Rossii [Agrarian reform and agrarian revolutions in Russia]. *Veliky neznakomets. Krestyane i fermery v sovremennom mire*. Sost. T. Shanin, Moscow: Progress, pp. 310322.
- Dubrovsky S. M. (1963). *Stolypinskaya zemelnaya reforma: Iz istorii selskogo hozyajstva i krestyanstva Rossii v nachale XX veka* [Stolypin Land Reform: From the History of Agriculture and Russian Peasantry in the Early 20th Century], Moscow: Nauka.
- Dubrovsky S. M. (1925). *Stolypinskaya reforma. Kapitalizatsiya selskogo hozyajstva v XX veke* [Stolypin Reform. Capitalization of Agriculture in the 20th Century], Leningrad: Priboj.
- Zaboenkova A. S. (2013). Pravovoe polozhenie nadelnoj zemli v period agrarnoj reformy P. A. Stolypina [The legal status of allotments during the Stolypin agrarian reform]. *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta*, vol. 6, pp. 96–103.
- Zemleustroennye hozyajstva (1915): *Svodnye dannye sploshnogo po 12 uezdam podvornogo obsledovaniya hozyajstvennyh izmenenij v pervye gody posle zemleustrojstva. Karty i diagrammy* [Land-Managed Farms: Summary Data of the Household Survey in 12 Uyezds on the Economic Changes in the First Years after Land Management. Maps and Charts]. Petrograd: GUZiZ.
- Zyryanov P. N. (1992). *Petr Stolypin: politichesky portret* [Pyotr Stolypin: A Political Portrait], Moscow: Vysshaya shkola.
- Kimitaka Macuzato (1992). Stolypinskaya reforma i rossijskaya agrotekhnicheskaya revolyutsiya [Stolypin reform and Russian agrotechnical revolution]. *Otechestvennaya istoriya*, no 6, pp. 194–200.
- Klimin I. I. (2002). *Stolypinskaya agrarnaya reforma i stanovlenie krestyan-sobstvennikov v Rossii* [Stolypin Agrarian Reform and Formation of Peasant Landowners in Russia], Saint-Petersburg: NIISKh SPbGU.
- Kovalchenko I. D. (1991). Stolypinskaya agrarnaya reforma (mify i realnost) [Stolypin agrarian reform (myths and reality)]. *Istoriya SSSR*, no 2, pp. 52–72.
- Korelin A. P., Shatsillo K. F. (1996) P. A. Stolypin. Popytka modernizatsii selskogo hozyajstva Rossii [P. A. Stolypin. An attempt to modernize the Russian agriculture]. *Sdby rossijskogo krestyanstva*. Pod red. Yu. N. Afanasieva, Moscow: RGGU, pp. 7–55.
- Nefedov S. A. (2011). *Istoriya Rossii. Faktorny analiz* [History of Russia. Factor Analysis], vol. 2, Moscow: Territoriya budushchego.
- Nefedov S. A. (2018). Neakademichesky trud [Non-academic work]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl*, vol. 10, no 1, pp. 40–46.
- Nefedov S. A. (2021) K diskussii o reforme P. A. Stolypina i urovne zhizni v Rossii v nachale XX v. [To the discussion on the Stolypin Reforms and living standards in Russia at the beginning of the 20th century]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, no 1, pp. 178–184.

- Nifontov A. S. (1974). *Zernovoe proizvodstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX v.* [Grain Production in Russia in the Second Half of the 19th Century], Moscow: Nauka.
- Obsledovanie zemleustroennyh hozyajstv (1915), proizvedennoe v 1913 godu v 12 uyezdah Evropejskoj Rossii: Svodnye pouezdnye dannye* [Survey of the Land-Managed Households Conducted in 1913 in 12 Uyezds of European Russia: Summary of Data by Uyezd], Petrograd: GUZiZ.
- Obukhov V. M. (1927). Dvizhenie urozhaev zernovykh kultur v Evropejskoj Rossii v period 1883–1915 gg. [Changes in crop yields in European Russia in 1883–1915]. *Vliyanie neurozhaev na narodnoe hozyajstvo Rossii*. Ch. 1, Moscow, pp. 1–159.
- Pershin P. N. (1922). *Uchastkovoe zemlepolzovanie v Rossii: Hutora i otruba, ih rasprostranenie za desyatiletie 1907–1916 gg. i sudby vo vremena revolyutsii (1917–1920 gg.)* [Local Land Use in Russia: Farms and Allotments, Their Distribution during 1907–1916, and Their Fate during the Revolution (1917–1920)], Moscow: Novaya derevnya.
- Studensky G. A. (1925). *Ocherki selskohozyajstvennoj ekonomii* [Essays on Agricultural Economy], Moscow: Izd. Tsentrosoyuza.
- Tyukavkin V. G. (2001). *Velikorusskoe krestyanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma* [Great Russian Peasantry and Stolypin Agrarian Reform], Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
- Williams S. (2009). *Liberalnye reformy pri neliberalnom rezhime: Sozdanie chastnoj sobstvennosti v Rossii v 1906–1915 gg.* [Liberal Reform in an Illiberal Regime], Moscow: IRISEN; Mysl.
- Shchagin E. M. (2008). *Ocherki istorii Rossii, ee istoriografii i istochnikovedeniya (konets XIX — seredina XX vv.)* [Essays on History of Russia, Its Historiography and Source Studies (Late 19th — mid 20th Century)], Moscow: VLADOS.

Колхозные рынки Красноярска в 1955–1966 годах¹

Н. В. Гонина, Р. В. Павлюкевич

Наталья Владимировна Гонина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной и демографической истории Института Истории СО РАН. 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: nvg7@mail.ru

Руслан Витальевич Павлюкевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета. 660049 Красноярск, ул. Ленина, 117. E-mail: autocrator@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется развитие колхозной торговли в Красноярске в период осуществления преобразований Н. С. Хрущева. Колхозные рынки имели важное значение для советского общества, выполняя ряд задач в повышении уровня жизни как городского, так и сельского населения Красноярского края. С одной стороны, они были инструментом по снабжению горожан продуктами питания, с другой — обеспечивали сельчан необходимыми им промышленными товарами. Колхозные рынки стали одним из путей урбанизации деревни в рассматриваемый период. Для решения данных задач местные власти пытались поощрять и развивать колхозную торговлю в Красноярске, однако результаты реформ Н. С. Хрущева в области сельского хозяйства этому противоречили. Неудачи в поднятии целинных и залежных земель, ошибки в ходе решения кормовой проблемы, новые налоги привели к резкому сокращению производства продукции сельского хозяйства. Главным же ударом по развитию колхозной торговли стало постановление от 6 марта 1956 г. «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели», положившее начало борьбе с приусадебными хозяйствами. В итоге вопреки усилиям местных властей колхозная торговля все более сокращалась. Ее доля в общем товарообороте 1955 года составляла 14,9%, в 1957-м — 9,8%, а к 1966 году упала практически в два раза по сравнению с 1955 годом. В то же время следует признать, что рыночная торговля в условиях индустриальной модернизации носит рудиментарный характер.

Ключевые слова: колхозные рынки, рыночная торговля, городское потребление, уровень жизни, городское население, сельское население, Красноярск, Красноярский край

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-79-89

Колхозные рынки — интереснейшее явление советской эпохи. Уникальность их состоит в том, что в условиях командной и плановой

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Краевого фонда науки в рамках научного проекта № 19-49-240002.

системы они были своеобразными островками простейших рыночных отношений и имели свое особое значение для жителей города и села, центральных и местных органов власти.

Для советского государства колхозные рынки виделись как один из элементов обеспечения спроса городского населения на продукты питания, возможность доступа к товарам, которых не было или не хватало в государственной торговле. Особенно значима данная функция колхозных рынков была в 1930-е годы, когда еще не получила должного развития сеть городских магазинов и ОРСов. По мнению отдельных историков, в это время они выступали в качестве одного из важнейших каналов снабжения городского населения продуктами питания (Твердюкова, 2007: 126). В отдельных регионах страны они продолжали играть схожую роль и в 1940-х — начале 1950-х годов (Цориева, 2017: 29–31). С другой стороны, рынки позволяли жителям села приобрести необходимый для них дефицитный городской товар. Сельчанин в рамках колхозного рынка получал возможность не только продать излишек своей продукции, но на заработанные деньги приобрести вещи, которые достать в сельской местности было тяжело: бытовая техника, одежда, книги и многое другое.

Кроме того, колхозные рынки продолжали выполнять своеобразную функцию, как это было принято говорить в советское время, по «смычке города и деревни». Они были особым местом, где происходило взаимодействие городского и сельского мира. С этой точки зрения они превращались, особенно с 1950-х годов, в один из каналов урбанизации деревни (Мазур, 2012: 18–19). Сельчане должны были производить продукцию, ориентируясь на спрос городских жителей как в количественном, так и в качественном плане. Находясь в городе, они поневоле включались в информационный обмен, захватывая не только новости, но и понятия, отношения, связи. Посещали они и магазины, ассортимент которых был значительно богаче сельских. В итоге формировалось понимание разницы в образе жизни и стремление ее преодолеть.

В условиях развития индустриальных отношений рынки в городах должны были заменяться магазинами, которые лучше организованы, расположены ближе к дому и сокращают временные затраты на покупку продуктов питания. В индустриально развитых странах городские рынки выступают как один из базовых каналов продовольственного обеспечения, как элемент престижного потребления (экологически чистый продукт). В СССР получалось по-другому. Специфика советской системы производства и распределения, возникавший периодически дефицит, неразвитость инфраструктуры, низкий уровень технического обеспечения заставляли власти сохранять колхозные рынки в городах.

Для колхозных рынков Восточной Сибири в целом и Красноярска в частности период 1955–1965 годов стал переломным моментом их существования. Таким образом, цель данной статьи — проанализировать работу колхозных рынков города Красноярска.

Проблема колхозных рынков долгое время находилась вне поля зрения советских историков. После распада Советского Союза начинают появляться исследования, в которых она в той или иной степени затрагивалась. Следует отметить, что, как правило, специалисты рассматривали период 1930–1940-х годов, когда значение и влияние рынков на жизнь советского общества было наиболее ощутимо. Примером служат исследования Е. Д. Твердюковой по работе колхозных рынков города Ленинграда в 1930-е годы (Твердюкова, 2007). В работе И. Т. Цориевой данное явление советской жизни рассматривается в контексте повседневности на протяжении конца 1940-х — 1960-х годов (Цориева, 2017). Среди сибирских историков, исследующих проблемы колхозных рынков и торговли, в первую очередь следует назвать новосибирского историка В. А. Ильиных, который затрагивает их в рамках изучения хлебозаготовительных кампаний первой половины XX века (Ильиных, 2020). Также эта тема представлена в работе Л. Е. Мариненко, выполненной на материалах Красноярского края 1930-х годов (Мариненко, 2013).

Источниковой базой нашего исследования выступают материалы краевого управления статистики, хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК) в фонде Р-1300, описи 1 и 3. В частности, это годовые отчеты по реализации сельскохозяйственной продукции на городских рынках Красноярского края, индексы цен колхозных рынков. В работе использованы документы, охватывающие период с 1940 по 1966 год. Большинство из них впервые вводятся в научный оборот. Отдельно следует выделить дело 2290 «Аналитическая записка о состоянии колхозной торговли на рынках Красноярска 1955–1958 гг.» — данный источник позволяет не только проанализировать развитие колхозных рынков Красноярска, но и понять отношение местных властей к колхозной торговле в конце 1950-х годов.

Динамика колхозной торговли в Красноярске: 1955–1966 годы

Для описания ситуации с колхозными рынками Сибири 1955–1966 годов следует начать с характеристики положения городского и сельского населения Сибири в рассматриваемый период. Важным фактором, определяющим условия жизни в это время, были реформы Н. С. Хрущева, для которого вопрос снабжения населения продуктами питания был одним из центральных. Во-первых, его фраза, брошенная во время зонального совещания работников сельского хозяйства областей и автономных республик СССР, «догнать и перегнать Америку за три года по производству мяса, молока и масла на душу населения», потребовала выполнения (Свет и тени, 1989: 12). В условиях, когда количество магазинов и ассортимент товаров не успе-

*Н. В. Голина,
Р. В. Павлюквич*
Колхозные рынки
Красноярска
в 1955–1966 годах

вали удовлетворять спрос городского населения, именно колхозные рынки должны были способствовать решению данного вопроса.

Во-вторых, в рассматриваемый период наблюдается резкий рост городского населения, а сельское после 1960 года начинает резко сокращаться (Славина, 2007: 17).

В-третьих, важным фактором оказались сельскохозяйственные преобразования Н. С. Хрущева и в первую очередь целинная кампания. Одним из регионов ее развертывания должна была стать Сибирь. Так, в Красноярском крае планировалось только за период 1955–1956 годов вспахать порядка 300 тыс. га земель (Занданова, 2019: 219). Как известно, это дало значительный позитивный эффект в первые годы, но вскоре произошло падение сельскохозяйственного производства. Данные преобразования, их краткосрочные успехи и долгосрочные провалы отразились на работе колхозных рынков Красноярска.

Колхозные рынки действовали в каждом крупном городе Красноярского края, в краевой столице каждый район в рассматриваемый период обладал собственным колхозным рынком. На них торговали сельчане из соседних районов, а также приезжие торговцы. Например, в летние месяцы на красноярские рынки привозились помидоры, капуста и другие продукты из Узбекистана. При этом из всех городов края именно красноярский рынок был наименее привлекателен для сельчан, например, жители Даурского, Саянского, Пировского и других районов чаще отдавали предпочтение Уюру, Заозерному, Ачинску, Боготолу и Назарово. Поскольку цены на всех рынках были сравнительно одинаковы, они предпочитали те рынки, куда им было удобнее добираться. Красноярск находился дальше, чем колхозные рынки упомянутых выше городов, и при этом он не мог предложить лучших условий. Красноярская колхозная торговля в основном поддерживалась благодаря Советскому, Емельяновскому и Сухобузимскому районам.

Как отмечали в конце 1950-х годов краевые власти, в Красноярске не были созданы условия для развития рыночной торговли. Выделяемые на строительство и развитие рынка средства практически не осваивались. Так, не использованными в 1956 году осталось 210 тыс. рублей, в 1957-м — 358 тыс. рублей, а в 1958 году — 100 тыс. рублей. При этом из 75 тыс. кв. метров асфальта, запланированных для красноярских колхозных рынков, было реализовано только 18 тыс. кв. м. Выделяемые средства были израсходованы решением начальника управления рынками В.Б. Цибульского на иные цели, в частности, на поддержание персонала и прочие расходы. Значительная же часть продолжала оставаться на счетах.

На рынках отсутствовало жилье для ночлега приезжих колхозников. Выделенные в 1958 году 170 тыс. рублей на строительство гостиницы на центральном рынке Красноярска были израсходованы на другие цели. Ни один городской рынок Красноярска в 1950-х — начале 1960-х годов не имел заезжего дома, по сути, за-

ставляя колхозников делать все свои дела за один день. Это отрицательно сказывалось на подвозе продуктов в Красноярск, а также было неудобно для самих колхозников, которые часто не успевали закупаться необходимыми им в городе товарами.

Другой проблемой стало общественное питание. На колхозных рынках города не было чайных или других точек общепита. Чайные на рынках Сталинского (сегодня Центральный) и Кировского районов города закрылись к середине 1950-х годов из-за ветхости строений. Находившаяся близ рынка Октябрьского района закусочная перестала готовить горячие блюда, перейдя на продажу исключительно пива. Это также уменьшало для колхозников возможности задерживаться в Красноярске.

Еще одной проблемой была слабая встречная торговля промышленными товарами. Как уже говорилось выше, колхозные рынки призваны не только обеспечить горожан продуктами сельского хозяйства, но и дать возможность сельчанам закупаться промышленной продукцией. На большинстве рынков Красноярска ее ассортимент оставлял желать лучшего, например, на рынке Ленинского района в продаже имелись только уцененные товары.

В конце 1950-х годов Краевое статистическое управление (Крайстат) и Краевая плановая комиссия (Крайплан) предлагали усилить связи между исполкомами райсоветов и колхозниками, чтобы активизировать колхозную торговлю на рынках Красноярска; создать транспортную сеть для перевозки продуктов и людей из сел в город; улучшить встречную торговлю в Красноярске, организовав специализированные магазины на территории рынков; усилить работу по благоустройству рыночной торговли. Для осуществления этих мер предполагалось вынести этот вопрос на городской совет депутатов трудящихся. Однако реальные возможности у местных властей в условиях новой системы управления были ограничены: вопросы строительства и благоустройства во многом теперь зависели от руководства Красноярского совнархоза, который, отвечая в первую очередь за промышленное развитие региона, имел иные приоритеты. В итоге ситуация сложилась следующим образом (см. табл. 1).

Как показывают данные Крайстата, наиболее высокие показатели колхозной торговли в Красноярске приходятся на 1955–1956 годы. 1960-е годы демонстрируют падение, особенно заметное по мясу, овощам и зерну, в меньшей степени оно коснулось картофеля. При этом уровень продажи мяса на колхозных рынках в 1964 году уступает даже уровню 1940 года, когда численность населения края была меньше. В переводе на подушное потребление цифры показывают рост продажи картофеля и зерна на фоне резкого сокращения продажи мясной продукции и овощей. Так, на одного красноярца в 1940 году приходилось 4,7 кг мяса и 5,8 кг овощей, купленных на колхозных рынках, в то время как к 1966 году эти показатели снизились до 1 кг мяса и 3,9 кг овощей. С другой сто-

роны, продажа картофеля увеличилась с 5,0 кг на одного горожанина до 7,3 кг, зерна — с 0,3 кг до 1 кг. В целом потребление мяса и других продуктов горожанами в рассматриваемые годы неуклонно росло, но значение колхозных рынков как канала снабжения города продуктами села постепенно снижалось. Если в общем товарообороте на 1955 год доля колхозной торговли составляла 14,9%, то в 1957 году — 9,8%, а к 1966 году она упала практически в два раза по сравнению с 1955 годом.

Таблица 1. Продажа продуктов сельского хозяйства на колхозных рынках г. Красноярска в 1940–1966 годы

Товар	ед. из.	1940	1955	1956	1957	1964	1965	1966
Мясо	тонн	903,3	1585	1754,7	1478	473,8	495,2	625,5
Птица	тыс. шт.	12,1	31,7	28,5	22,4	16,4	11,3	12,3
Масло животное	тонн	2,5	8,3	5,9	3,3	—	1,5	1,0
Сало всякое	тонн	4,7	51,5	75,7	79,0	506,9	547,8	693,5
Молоко	тыс. лит	508,1	2082,1	2284,8	1807,2	299,9	211,3	226,7
Прочая мо- лочная продукция	тонн	7,7	265,5	318,5	245,5	191,7	144,1	116,1
Яйца	тыс.	354,7	3040,9	2499,3	4671	456	668	1017
Мед	тонн	5,7	49,0	44,2	34,0	23,8	47,4	51,4
Мука	тонн	—	157,7	141,0	74,5	23,0	15,1	—

Зерно всякое	тонн	65,9	1618,2	1142,2	1290,6	113,6	362,5	551,2
Крупа и бобовые	тонн	—	93,4	36,0	40,8	1,9	14,0	15,7
Картофель	тонн	955,4	5967	5985	4118	4455,3	4861,5	4256,6
Овощи	тонн	1106,3	6075	6561	4660	1254	1931	2284,9
Плоды, фрукты, бах- чевые, яго- ды свежие	тонн	74,3	711,1	1304,7	1409,3	554,7	1293,9	1333,7

Составлено по: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 1. Д. 4437. Л. 26–25; Оп. 2. Д. 2290. Л. 11–13; Д. 4304. Л. 1–4; Д. 6359. Л. 1–4; Д. 7075. Л. 1–4; Оп. 5. Д. 7075. Л. 1–4.

Динамика продаж по ряду важнейших показателей представле-
на на диаграмме 1.

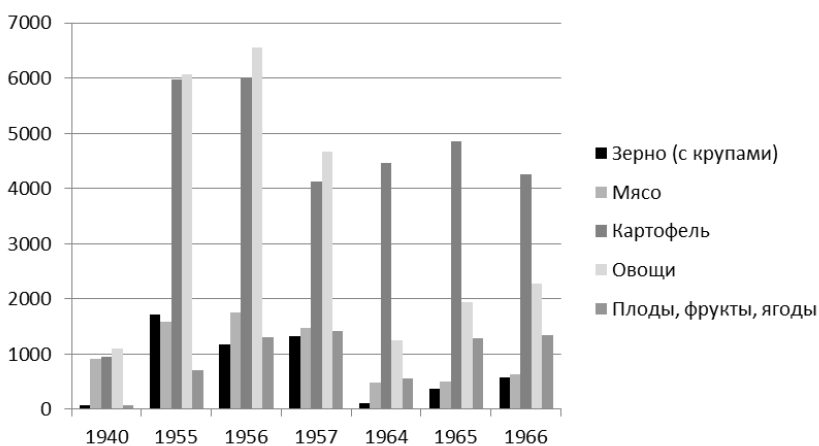

Диаграмма 1. Динамика продаж отдельных продуктов сельского хозяйства на колхозных рынках Красноярска в 1940–1966 годах в тоннах

Причинами упадка рыночной торговли в Красноярске во многом являются последствия сельскохозяйственных преобразова-

ний Хрущева. Во-первых, это провал целинной кампании. Обратим внимание, что наиболее высокие цифры продаж пришлось на 1955–1956 годы, когда Целина дала первые и наиболее успешные урожаи, которые вскоре сменились резким падением сборов. Во-вторых, это ошибки при решении кормовой проблемы, которые привели к резкому удорожанию содержания скота, исключением оставались свиньи, которых кормить было проще и дешевле (это подтверждает и резкий рост продажи сала на колхозных рынках). В-третьих, это постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 года «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели», которое запрещало увеличивать размер приусадебного участка колхозников за счет общественных земель и даже рекомендовало сокращать его. В нем же был закреплён принцип ограничения количества скота, находящегося в личной собственности колхозников, «с учетом местных условий». Как отмечает В. А. Ильиных, Н. С. Хрущев желал ликвидировать ЛПХ как несоциалистическую, «бесперспективную» форму хозяйствования (Ильиных, 2016: 337). Наступление на ЛПХ не было целенаправленным ударом по колхозной торговле, но так как именно из продукции этих хозяйств шло основное наполнение колхозных рынков, то они стали пострадавшей стороной.

Так, доля колхозов в продаже мяса на колхозных рынках города Красноярска в период 1955–1958 годов колебалась от 0,9 до 1,9%, картофеля от 0,1% до 9,5% и овощей от 4,9% до 10,4%. Остальной товар шел от колхозников, рабочих и служащих сельской местности. По сути, сокращение подсобного хозяйства вело к неизбежному падению продаж на колхозных рынках городов. Единственными категориями продуктов, по которым наблюдался рост, были мёд, сало и фрукты. Про сало уже было сказано выше, медовый промысел не был затронут реформами Н. С. Хрущева, более того, его не коснулась и кампания против приусадебных хозяйств. Рост продажи фруктов и плодов был вызван развитием транспортной инфраструктуры, что позволило привозить продукцию из Средней Азии.

Заключение

В целом в динамике состояния колхозной торговли в 1955–1966 годах мы видим достаточно противоречивую ситуацию. С одной стороны, красноярские власти заявляли о необходимости развития рыночной торговли в крае, видя в ней инструмент для выполнения различных задач. В частности, ликвидации дефицита в снабжении города продуктами питания, обеспечения жителей села допол-

нительными денежными средствами и промышленной продукцией. В глазах местных властей колхозные рынки были одним из способов повышения уровня жизни, как горожан, так и сельчан, и для развития колхозной торговли выделялись достаточно крупные суммы. В то же время с конца 1950-х годов их роль и значение в жизни города постепенно сокращается.

Государство не осуществляло прямой политики, направленной против колхозных рынков. Их упадок был вызван косвенными последствиями хрущевской сельскохозяйственной политики. Провал целинной кампании, «кукурузная эпопея» и другие мероприятия причиняли вред сельскому хозяйству, а соответственно и колхозной торговле. Но самый сильный удар по ней нанесла борьба Н. С. Хрущева с приусадебными хозяйствами колхозников, так как основным источником товаров на рынках города Красноярска были именно они. В этих условиях, вопреки усилиям местных властей, значение колхозной торговли все более сокращалось. В то же время следует признать, что и сама колхозная торговля, и колхозные рынки были атавизмом. Их сохранение свидетельствовало о проблемах советской модернизации.

Библиография

- Занданова Л. В.* (2019). Реализация планов развития сельского хозяйства Сибири и переселенческое движение во второй половине 1950-х гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. № 1. С. 217–233.
- Ильиных В. А., Лапердин В. Б.* (2020). Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: Рос. академ. наук, Сиб. отд-ние.
- Ильиных В. А.* (2016). Программа Н. С. Хрущева по реформированию аграрного строя: доктринальные основания, содержание, реализация // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: Материалы VIII международной конференции. Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г. М.: Политическая энциклопедия. С. 330–340.
- Мазур Л. Н.* (2012). Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX — XX в.). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
- Мариенко Л. А.* (2013). Система снабжения сельского населения Сибири в первой половине 1930-х гг. Политический курс и повседневная реальность // Известия Томского политехнического университета. № 6. С. 136–141.
- Свет и тени «великого десятилетия»: Н. С. Хрущев и его время (1989) / сост. Л. А. Киршнер, С. А. Прохвятилова Л.: Лениздат.
- Славина Л. Н.* (2007). Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск: КГПУ.
- Твердюкова Е. Д.* (2007). Колхозная торговля Ленинграда 1930-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Вып. 4. С. 126–133.
- Цориева И. Т.* (2017). Продовольственное снабжение советского города в контексте повседневности конца 1940-х — начала 1960-х гг. (на примере Орджоникидзе) // Вестник Владикавказского научного центра. № 1. С. 29–32.

Collective-farm markets of Krasnoyarsk in 1955–1966

Nataliya V. Gonina, PhD (History), Senior Researcher, Sector of Agrarian and Demographic History, Institute of History of the Russian Academy of Sciences. 630090 Novosibirsk, Nikolaeva St., 8. E-mail: nvg7@mail.ru

Ruslan V. Pavlyukevich, PhD (History), Associate Professor, Department of History and Political Science, Krasnoyarsk State Agrarian University. 660049, Krasnoyarsk, Lenina St., 117. E-mail: autocrator@yandex.ru

Abstract. The article considers the development of the collective-farm trade in Krasnoyarsk under the Khrushchev's reforms. Collective-farm markets played an important role in the Soviet society by improving the living standards of both urban and rural population of the Krasnoyarsk Region. On the one hand, such markets provided the urban population with agricultural food products; on the other hand, they provided the rural population with industrial products. Collective-farm markets were a way of rural urbanization; therefore, local authorities supported and developed collective-farm trade in Krasnoyarsk, while Khrushchev's reforms in agriculture had an opposite result. Failures of the virgin campaign, mistakes in the fodder provision and new taxes led to a sharp decline in agricultural production. The main blow to the collective-farm trade was the decree of March 6, 1956 "On the Statute of Agricultural Artel and Further Development of Collective Farmers' Initiative in the Organization of Collective-Farm Production and Management of Artels" which was the start of the struggle against homestead farms. Thus, despite the efforts of local authorities, the collective-farm trade was decreasing: in 1955, its share in the commodity turnover was 14.9%, in 1957 — 9.8%, and in 1966, it decreased by half compared to 1955.

Key words: collective-farm markets, market trade, urban consumption, standard of living, urban and rural population, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Region

References

- Zandanova L.V. (2019) Realizatsiya planov razvitiya selskogo khozyaystva Sibiri i pereselencheskoe dvizhenie vo vtoroy polovine 1950-kh gg. [Implementation of plans for the development of agriculture in Siberia and the resettlement movement in the second half of the 1950s]. *Sotsialno-ekonomicheskiy i gumanitarny zhurnal Krasnoyarskogo GAU*, no 1, pp. 217–233.
- Ilinikh V.A., Laperdin V.B. (2020) *Khlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gody* [Grain Procurement in Siberia in the 1930s], Novosibirsk: RAS SO.
- Ilinikh V.A. (2016) Programma N.S. Khrushcheva po reformirovaniyu agrarnogo stroya: doktrinalnye osnovaniya, sodержanie, realizatsiya [Khrushchev's program of agrarian reform: Doctrinal foundations, content, realization]. *Posle Stalina. Reformy 150-yh godov v kontekste sovetskoj i postsovetskoj istorii: Materialy 8 mezhdunarodnoj konferentsii*. Ekaterinburg, 15-17 oktyabrya 2015 g., Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 330–340.
- Mazur L.N. (2012) *Rossijskaja derevnja v usloviyah urbanizatsii: regionalnoe izmerenie (vtoraja polovina XIX–XX v.)* [Russian Village under Urbanization: A Regional Dimension (Second Half of the 19th — 20th Century)], Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Marienko L.A. (2013) Sistema snabzheniya selskogo naseleniya Sibiri v pervoy polovine 1930-kh gg. Politicheskiy kurs i povsednevnyaya realnost [The supply system for the rural population of Siberia in the first half of the 1930s. Political course and everyday reality]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, no 6, pp.136–141.

- Slavina L. N. (2007) *Selskoe naselenie Vostochnoy Sibiri (1960–1980-e gg.)* [Rural Population of Eastern Siberia (1960–1980s)], Krasnoyarsk: KGPU.
- Tverdyukova E. D. (2007) Kolkhoznaya trgovlya Leningrada 1930-h godov [Collective-farm trade in Leningrad in the 1930s]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, seriya 2, vol. 4, pp.126–133.
- Tsorieva I. T. (2017) Prodovolstvennoe snabzhenie sovetskogo goroda v kontekste povsednevnosti kontsa 1940–1960-kh gg. (na primere Ordzhonikidze) [Food supply of the Soviet city in everyday life of the late 1940s–1960s (on the example of Ordzhonikidze)]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*, no 1, pp.29–32.

*Н. В. Голина,
Р. В. Павлюкевич*
Колхозные рын-
ки Красноярска
в 1955–1966 годах

Постсоветская трансформация лесных посёлков на севере Нечерноземья¹

К. В. Аверкиева

Ксения Васильевна Аверкиева, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН. 119017 Москва, Старомонетный пер., 29, стр. 4. E-mail: k_averkieva@igras.ru

Аннотация. В статье рассматриваются лесные посёлки — центры леспромхозов, лесопункты и лесоучастки, — возникшие в Вологодской и Архангельской областях в советский период. Они представляют собой особый тип моноспециализированных сельских населённых пунктов, за короткий период прошедших динамичный путь от локальных точек роста и центров притяжения населения к стремительно теряющим жителей посёлкам со сложной ситуацией на рынках труда и в социальной сфере. Исследование опирается на полевые исследования в трёх муниципальных районах, в рамках которых проводились сбор низовой статистики и аналитических материалов, а также серия глубинных интервью с местными жителями, представителями местного самоуправления и муниципальной власти. Отток населения из лесопунктов обусловлен, с одной стороны, крахом системы леспромхозов и институциональной перестройкой лесозаготовительной отрасли, с другой — модернизацией лесозаготовок, вследствие которой уже нет необходимости в постоянно обитаемых многолюдных населённых пунктах в районе вырубок. Из-за более высокой на фоне мелкоселенного сельского расселения Нечерноземья людности лесных посёлков их большие потери населения в последние 20 лет сказываются на общей динамике сельского населения муниципальных районов. В отличие от исторических населённых пунктов их зачастую удалённое от транспортных сетей географическое положение и плачевное состояние жилого фонда не оставляет им надежд на хотя бы сезонное реосвоение или получение новых функций в современных условиях. Современное состояние лесных посёлков неодинаково и сильно зависит от сложного набора факторов: от особенностей географического положения до характера застройки и наличия сформированных сообществ, готовности жителей к самоорганизации для решения накопившихся проблем.

Ключевые слова: лесные посёлки, лесопункты, сельское расселение, лесозаготовки, Нечерноземье, Вологодская область, Архангельская область

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-90-110

Лесное хозяйство, наряду с сельским, долгое время формировало экономическую основу развития сельской местности в большинстве Нечернозёмных регионов. Обе отрасли прошли сложный путь постсоветской трансформации и модернизации, и к настоящему време-

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ № 21-17-00112

ни предлагают значительно меньше рабочих мест сельским жителям даже при возврате к позднесоветским объёмам производства или их превышении. Если в сельском хозяйстве модернизация лишь частично изменила логику пространственного размещения отрасли, то перемены в лесном хозяйстве полностью модифицировали принципы работы лесозаготовителей, что оказало влияние на судьбу узкоспециализированных посёлков, целенаправленно создававшихся в советский период.

Территориальная организация лесозаготовок и отраслевых, ведомственных, посёлков изучена слабо. Отчасти причиной этому можно считать тесную связь советских лесозаготовок с репрессивной системой, поскольку в них принимали активное участие как заключённые, так и многочисленные группы спецпереселенцев. Но и сети не связанных с исправительными учреждениями и принудительными миграциями посёлков при лесозаготовках (леспрохозов и лесопунктов, лесосплавных пунктов и запаней) не хватало внимания учёных. Возможно, их временная природа не делала их привлекательными для науки, поскольку большинство специализированных посёлков существовали только в период разработки отдельных лесных массивов, и по мере вырубki леса должны были расселяться, а жители перемещаться в новые.

Сейчас лесные посёлки — это особый элемент системы сельского расселения. Их отличает относительно крупный на фоне традиционной в Нечерноземье мелкоселенной сети размер, стремительная депопуляция в последние 20 лет и наиболее сложное транспортное положение, поскольку они создавались вне сформировавшихся систем расселения, вдали от транспортных коридоров. Они концентрируют в себе многие проблемы сельского развития, но, в отличие от бывших колхозно-совхозных населённых пунктов, практически не имеют перспектив в современных условиях. Поэтому они требуют отдельного места в изучении процессов трансформации сельской местности в целом.

Обзор литературы

Драматичная судьба лесозаготовительных населённых пунктов — явление не уникально российское, большинство стран лесного пояса уже прошли путь реорганизации лесной отрасли, который сломал старую сеть поселений. Публикации об опыте Финляндии (например: Kortelainen, 2002) написаны преимущественно в 1990-х — начале 2000-х годов, поскольку здесь модернизация лесной отрасли прошла раньше, чем в России. В отличие от СССР в Финляндии не было специализированных крупных лесных посёлков, а были небольшие деревни фермеров-лесозаготовителей, которые пережили две волны кризисов. Первый в 1960-х годах, когда на смену мускульной силе и конной тяге пришли бензопилы и трелёвочные тракторы. Второй — в 1980-х, когда лесозаготовку стали осущест-

влять самоходные комплексы, что в корне изменило принципы размещения отрасли, поскольку ей больше не требовались постоянно обитаемые населённые пункты. Как пример авторы приводят деревню Континоваара на востоке Финляндии, которая на пике своего развития в 1955 году насчитывала 280 жителей, в 1975-м — 40, а сейчас осталось всего 9. Такая «тихая деревенская трагедия» (Ibid.: 232) характерна для всего лесного востока страны.

Драматизм присущ описанию изменений и в системе лесных посёлков и в Британской Колумбии — лесной провинции Канады, где модернизация привела к резкому сокращению числа прибрежных поселений, специализировавшихся на первичной деревообработке (Barnes, Hayter, 1994). Канадские исследователи рассматривают процессы трансформации лесной отрасли и сети лесных поселений в ином ключе. Больше внимания они уделяют механизмам управления территориями (не имеющие однозначного перевода на русский язык термины «policy» и «governance»), стратегиям адаптации территорий к изменившимся условиям. Поднимаются вопросы гендера и маргинальности в русле радикальной феминистской географии. Так, в одной из работ автор описывает, насколько женщины, работающие в лесной сфере, подвергались различным типам дискриминации, как формировалась их идентичность, и насколько гендерная специфика позволяла им принимать участие в общественном самоуправлении (Reed, 2003). Есть исследования, посвящённые роли дизайна и архитектуры в современном развитии лесных посёлков, рассматривающие функциональную организацию их территорий. Эти посёлки потеряли по 18–25% населения за 10 лет, и автор попытался предположить, какие архитектурные решения помогут сделать среду пустеющих посёлков привлекательной для тех, кто решил там остаться (Dow, 2008). Он приходит к выводу, что архитектурная среда посёлков должна подчёркивать их включённость в природные ландшафты и способствовать общению и самоорганизации их жителей, поскольку для удалённых территорий это очень важно.

Современные зарубежные авторы чаще пишут о проблемах лесного комплекса стран экваториального пояса, работы о современных процессах стран севера встречаются всё реже. Среди них — статья финского автора (Halonen, 2019) об адаптационных процессах в муниципалитете Лексия, в которой сделан акцент на феномене периферийности (а этим свойством обладает большинство лесных посёлков и городков не только в Финляндии, но и в других странах бореального пояса, включая Россию). С одной стороны, периферийность усугубляет многие социально-экономические проблемы, присущие переходным периодам. С другой — именно благодаря периферийности в низовых сообществах начинают активизироваться адаптивные механизмы и самоорганизация местных жителей. Пик численности населения и занятости в экономике муниципалитета Лексия пришёлся на 1960-е годы, после чего население за 50 лет сократилось почти вдвое, занятость в реальном секторе экономики упала 12-крат-

но на фоне небольшого роста численности занятых в секторе услуг. В кризис 1970-х годов на фоне первой волны модернизации лесного хозяйства лесные муниципалитеты могли рассчитывать на государственные программы реструктуризации занятости. В 1990-х, после присоединения Финляндии к Европейскому союзу, в приоритеты региональной политики вошли точки роста, а поддержка периферийных районов была прекращена, поскольку ставка делалась на инновационные отрасли и города, где они могут развиваться. Это усилило депопуляцию и сжатие рынков труда в периферийных муниципалитетах. В 2000-х рассматривалась возможность вложений в развитие туризма, в 2010-х — биоэнергетики, однако Лексия по-прежнему остаётся территорией медленного экономического угасания.

Анализируя ситуацию в лесном комплексе России, зарубежные авторы также прибегают к эмоционально окрашенным терминам. Так, в одной из немногих публикаций, посвящённых российским лесопунктам (Ранникко, Кортелайнен, 2013), события в лесных посёлках 1990-х и 2000-х годов описываются в терминах «шоковой терапии», авторы пишут о драматичности происходивших перемен и тяжёлых социальных последствиях реформирования отрасли, усугубившихся спецификой приграничного положения изучаемых лесопромышленных посёлков.

В российской науке к теме лесных посёлков обращаются крайне редко. В отраслевых публикациях (например: Селименков, 2010, или Суханов, 2012), посвящённых техническому перевооружению лесной отрасли, как и в статьях об экономике лесозаготовок (Курило и др., 2013), практически не уделяется внимания ни современной кадровой политике, ни тем более судьбе советских лесопунктов. В работах географов лесная отрасль рассматривается более комплексно. Так, авторы (Кузьминов, 2010) отмечают, что российским лесным посёлкам присущи как те же проблемы, что посёлкам в зарубежных странах лесного пояса (периферийность, сжатие рынков труда), так и специфические, обусловленные сложными институциональными условиями функционирования лесной отрасли в 1990-х и 2000-х годах. «Посёлки слишком велики для ликвидации и переселения, но недостаточно велики для возникновения процессов саморазвития сообществ и, соответственно, возникновения новых рабочих мест в результате эффекта мультипликатора» (Там же: 40). Застойная безработица и маргинализация при этом не мешают формированию доверительных отношений между жителями, взаимной поддержке. На современном положении лесных посёлков сказывается их географическое положение: в случае удобного транспортного положения рынки труда и возможности поиска средств к существованию расширяются как благодаря трудовой миграции, так и лучшим условиям для сбыта даров леса.

В то же время А. Позаненко (Позаненко, 2018), изучавший лесные посёлки наряду с другими пространственно изолированными сообществами, приходит к противоположным выводам. Его иссле-

дования показывают, что в случае низкой транспортной доступности жители лесопунктов формируют сплочённые сельские сообщества, более устойчивые к социально-экономическим потрясениям. А если лесопункты вписаны в систему сельского расселения, сплочённости меньше.

В исследованиях, посвящённых трансформации сельского расселения Вологодской области во второй половине XX — начале XXI века (Солдатова, 2010), лесные посёлки рассматриваются наряду с другими функционально-генетическими типами сельских населённых пунктов (транспортные, промышленные, сельскохозяйственные и др.). Узкоспециализированные посёлки отличаются наименьшей устойчивостью, быстрее других теряют население, а их периферийное положение усугубляет социальные последствия депопуляции.

Материалы и методы

Наше исследование опирается на полевые изыскания на территории Верховажского и Тотемского муниципальных районов в Вологодской и Вельского в Архангельской областях, а также на анализ статистической информации. В рамках полевого этапа проводились глубинные интервью с сотрудниками администраций сельских поселений, специалистами учреждений сферы обслуживания, старожилами. Отдельно мы брали интервью у тех, кто переехал из лесных посёлков в другие сельские населённые пункты в пределах своего района. Основными исследовательскими вопросами были динамика и состав населения лесных посёлков в годы их расцвета, стратегии поведения жителей после краха советской лесозаготовительной системы и современной модернизации отрасли. С помощью картографических методов изучались особенности географического мезо- и микроположения лесных посёлков и его влияния на современные социально-экономические процессы.

Источниками статистической информации послужили данные муниципальных архивов, текущая муниципальная статистика и материалы из различных тематических публикаций (краеведческая литература, школьные проекты учеников из лесных посёлков) и СМИ. Всего полевыми исследованиями были охвачены 8 лесных посёлков, статистические данные собраны по всем 18 лесным посёлкам в двух районах Вологодской области и по 5 посёлкам Вельского района Архангельской области. Было проведено 12 полуструктурированных глубинных интервью.

Советская предыстория современных лесных посёлков

Формирование первой сети лесных посёлков в Вологодской и на юге Архангельской области вдоль крупных водных путей происходило

ещё в XIX веке, но объёмы лесозаготовок были не очень большими. В советский период в связи с необходимостью наращивания валютного экспорта потребовалось их расширение. В 1920–1930-х годах к лесозаготовкам активно привлекали крестьянское население (путём введения трудовой повинности), а в 1930-х к лесозаготовкам подключили спецпереселенцев. Так, в Вологодской области возникли около 160 лесозаготовительных посёлков (Юричев, 2009), основанных раскулаченными крестьянами или депортированными по этническому признаку, часть из них существует до настоящего времени. Например, посёлок Чуриловка в Тотемском районе, где проводились полевые исследования, вырос из спецпоселения, основанного депортированными из Одесской области русскими немцами (Тотемский..., 2019). Но такой экстенсивный путь наращивания объёмов заготавливаемого леса давал лишь кратковременный результат, и к середине 1950-х годов стала очевидна необходимость реформирования системы лесозаготовок, вследствие чего возникла разветвлённая система леспромхозов, которые включали в себя лесопункты, лесоучастки и лесотранспортные производства. К 1960 году в Вологодской области было создано 33 леспромхоза со 141 лесопунктом (Юричев, 2009).

Поскольку на старовоенных территориях, где уже давно была сформирована сеть населённых пунктов, лес был в значительной степени выработан, новые леспромхозы и лесопункты возникали в глубинных районах. Они оказались как вне исторической системы расселения, так и в стороне от существовавших транспортных путей. Для вывозки леса использовались лесосплавные реки и/или специализированные узкоколейные железные дороги (УЖД) (исключение здесь составляет только Монзенская железная дорога стандартной колеи). На пересечении лесовозных дорог с магистральными железными дорогами или судоходными реками возникали крупные лесотранспортные центры и предприятия деревообработки.

Одной из особенностей лесопромышленных поселений была их динамичность (Солдатова, 2010). Посёлки строились как временные, рассчитанные на несколько десятилетий, до исчерпания лесных ресурсов. Число лесных посёлков разного типа в Вологодской области в 1960 году составило 323, к 1977-му их было уже 168 (сказались запрет молевого сплава леса и ликвидация многочисленных запаней, а также укрупнение и слияние посёлков, ликвидация малых лесных участков), в 1989-м их количество выросло до 206 (Солдатова, 2010: 77). Поскольку многие посёлки были рассчитаны на непродолжительное существование, они застраивались временным жильём — щитовыми домами на две или четыре квартиры, чаще всего в них был водопровод, иногда даже частичное центральное отопление. Порой успевали заменить временное жильё более основательным, брусовыми домами или срубам, но так было не везде. В посёлках была построена необходимая социальная инфраструктура, развита торгов-

ля (нередко улучшенная, а некоторые респонденты даже говорили о «столичном снабжении»). «Как и в любом лесном поселке, где базировалось лесопромышленное предприятие, здесь была школа-восьмилетка, детсад, медпункт, столовая, хлебопекарня, магазин продуктовых и промышленных товаров сети ОРСа ЛПХ, клуб, библиотека, почта, общежитие для сезонных рабочих. Контора лесопункта — отдельное здание в центре поселка, на окраине — гараж»².

Как правило, посёлки были рассчитаны на 30 лет, и к концу 1980-х или началу 1990-х они должны были быть расселены, а жители переведены в новые населённые пункты на других участках своих леспромхозов, но на этот период пришлось сложные политические и экономические процессы, и расселены они не были, а инфраструктура продолжала ветшать, усугубляя проблемы, вызванные безработицей.

Население лесных посёлков формировалось преимущественно из жителей окрестных сельских районов. Чем севернее, тем большая часть людей приезжала из более южных муниципалитетов. Так, в составе жителей лесных посёлков юга Архангельской области многие из Вологодской и Ярославской областей, а в посёлках на юге Вологодской области — преимущественно бывшие жители соседних районов. Исследование фамилий жителей посёлка Гремячий в Тотемском районе показало, что его население сформировали приехавшие из Тотемского, Грязовецкого и Междуреченского районов Вологодской области и соседнего с ними Солигаличского в Костромской области. Помимо тех, кто прибывал в лесные посёлки по оргнабору, туда стремились переехать жители ближайших колхозных деревень, поскольку их привлекали лучшие жилищные условия, более высокая оплата труда и иной, более привлекательный состав жителей, «хороший посёлок был, одна молодёжь, жили весело» (из интервью с библиотекарем пос. Красный Бор); «Чтобы уйти из доярки, я вышла замуж за человека, с которым даже была незнакома. С ним и уехали работать в леспромхоз» (из воспоминаний Р. Камкиной, цит. по: Лебедева, 2010). Такие «переливы» трудоспособного населения (Солдатова, 2010: 78) усугубляли разрушение традиционных систем сельского расселения во второй половине XX века.

В лесных посёлках жили и реабилитированные, но не уехавшие на родину спецпереселенцы. Интересна биография трёх братьев Дексгеймеров, попавших в Тотемский район ещё детьми в 1946 году в составе семьи депортированных немцев и всю жизнь проработавших в лесопунктах района, на Каменке и в Чуриловке. Младший брат в конце 1990-х, будучи пенсионером, переехал в Германию, но каждое лето он проводит в Чуриловке, издал книгу воспоминаний (Дексгеймер, 2018). Ещё в населении нередко присутствуют выходцы

2. Феклуха: недалёкое прошлое и настоящее. Верховажский вестник, 11.06.2021 <http://verhovestnik.ru/nashs-istorija/fekluha-nedalekoe-proshloe-i-nastoyaschee-11-06-2021.html>

из бывших советских республик, поскольку почти в каждом посёлке были общежития для сезонных (для зимнего периода) рабочих, которые приезжали чаще всего из Молдавии и с Западной Украины. Некоторые из них оставались здесь жить, создавали семьи.

Среди респондентов неоднократно высказывалось мнение, что непродолжительная история существования лесных посёлков усугубила отток жителей после краха советской системы лесозаготовок: если нет глубокой связи с территорией, её легче покинуть — *«там [в лесных посёлках] нет никаких корней, все быстро разъезжаются»* (из интервью с сотрудником администрации Вельского района). Особая система функционирования хозяйства (поскольку всё было ведомственное) сформировала иное отношение к жилью и населённому пункту в целом: иждивенческое и пассивное, ведь все коммунальные вопросы решались через леспромхоз: *«Вот и сейчас мне [главе администрации сельского поселения, к которому отнесён бывший лесопункт] оттуда пишут «починить крыльцо!» — а у них дом приватизированный! Я сам, что ли, должен чинить им? Или кто должен в частном доме крыльцом заниматься? А ведь раньше у них так и было, уходили утром в лес, оставляли записку, например, «проверить печь», к вечеру возвращались — и всё починено»* (из интервью с главой Никольского СП Тотемского района).

Подобное отношение к жилью и инфраструктуре усугубило проблемы, обрушившиеся на лесные посёлки в 1990-х и 2000-х годах, поскольку никто не стремился самостоятельно приводить в порядок жильё и инженерные коммуникации после того, как не стало леспромхозов: *«жильё своё откровенно запустили и постоянно жалуются»* (из интервью с главой Никольского СП Тотемского района). Только в последние годы в рамках различных областных программ поддержки инициативных проектов (ТОС в Архангельской области, «Народный бюджет» в Вологодской) жители лесных посёлков стали постепенно включаться в благоустройство своих населённых пунктов.

Постсоветская трансформация лесных посёлков

Хотя сами жители лесных посёлков склонны винить в кризисном положении экономическую политику 1990-х годов, многие кризисные явления были предопределены и не очень сильно зависели от общегосударственных экономических и политических процессов. На 1990-е годы пришлось и исчерпание лесных ресурсов в непосредственной близости от лесопунктов, и начало новой волны трансформации технологии лесозаготовок, связанной с внедрением лесозаготовительных комплексов. Рисунок 1 на примере Гремячинского лесопункта Грязовецкого района Вологодской области демонстрирует, что снижение численности работников, как и падение объёма лесозаготовок, шло уже два десятилетия до 1990-х годов, поскольку самый удобный

лес был вырублен в первое десятилетие существования лесопункта, а дальше приходилось разрабатывать всё более удалённые делянки, что увеличивало издержки, снижало скорость и вело к сокращению рубок. В то же время постепенная, но не радикальная модернизация лесозаготовок способствовала сокращению занятости. Параллельно велись несанкционированные рубки, но узнать, как они соотносились с работой леспромхозов, сейчас почти невозможно. Из-за сложностей с транспортировкой жертвами теневой лесной экономики чаще становились колхозные леса с более удобным расположением относительно транспортных путей.

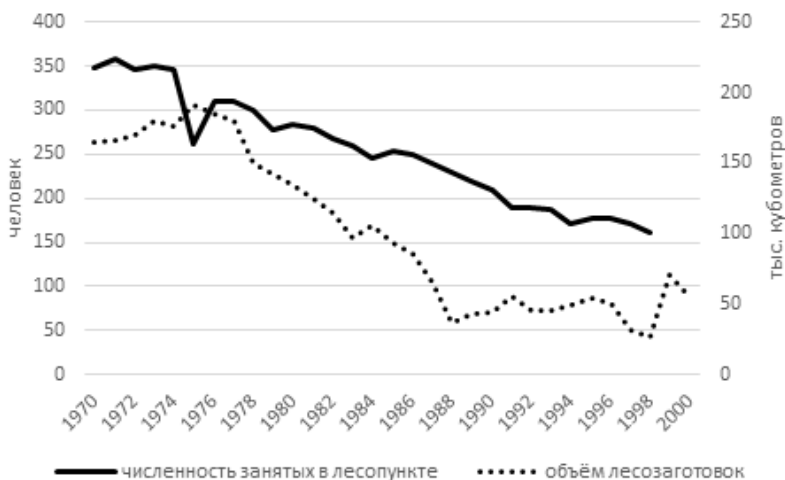

Рис. 1. Динамика численности занятых и объёма лесозаготовок в Гремячинском лесопункте Монзенского леспромхоза в Вологодской области, 1970–2000 гг. Составлен автором по данным (Лебедева, 2010)

Если обратиться к данным переписей населения 1989 и 2002 годов, видно, что большинство лесопунктов в 1990-х более-менее сохраняли численность населения (хотя бы на бумаге), а с начала 2000-х началась стремительная депопуляция. По всей видимости, в первое постсоветское десятилетие в лесном, как и в сельском хозяйстве, сохранялась некая инерция, но долго так продолжаться не могло. Перепись 2010 года показала, что численность населения лесных посёлков в Тотемском районе сократилась на 35%, в Верховаяжском — на 25%, и это всего за 10 лет. Первая волна сокращения повлекла за собой сжатие социальной инфраструктуры: в 2000-х закрывались школы, детские сады, вслед за ними — дома культуры, библиотеки, медпункты, что спровоцировало вторую волну миграционного оттока и усугубило перекос возрастной структуры населения в пользу пожилых.

Оценить современную численность населения в лесных посёлках можно только по данным текущего учёта, поскольку новой переписи населения пока не проводилось. Даже текущий учёт (который в регио-

нах Нечерноземья, как правило, сильно расходятся с материалами переписей) показывает, что численность населения продолжает сокращаться, наиболее удалённые от районных центров и автомобильных магистралей посёлки за постсоветский период потеряли по 40–60% жителей, а в особенных случаях и больше 80% населения (например — лесосплавной посёлок Михайловка в Тотемском районе, см. табл. 1).

Таблица 1. Динамика численности населения и особенности географического положения выборочных лесных посёлков Тотемского района Вологодской области

	1987	2000	2019	2019/1987, %	Особенности географического положения
Советский	1694	1608	1404	83	примыкает к райцентру, на берегу р. Сухоны
Гремячий	562	481	327	58	очень удалён от райцентра, на ведомственной ЖД
Чуриловка	479	374	268	56	недалеко от райцентра, но на противоположном берегу р. Сухоны
Камчуга	947	839	481	51	недалеко от райцентра, на берегу р. Сухоны и около федеральной трассы
Крутая Осыпь	364	265	176	48	удалена от райцентра, на разобранной УЖД
Карица	654	475	258	39	очень удалена от райцентра, на ведомственной ЖД
Красный Бор	465	454	164	35	удалён от райцентра и умеренно удалён от федеральной трассы
Первомайский	174	111	47	27	удалён от всего, очень плохая дорога
Октябрьский	429	331	105	24	удалён от всего, на разобранной УЖД, но есть автомобильная дорога
Михайловка	603	406	114	19	удалена от всего, на р. Сухоны, нет автомобильных дорог вообще

Составлена автором по материалам администраций сельских поселений Тотемского района и данным Тотемского муниципального архива

Высокая на фоне традиционно мелкоселенной сельской местности Нечерноземья людность лесных посёлков при столь стремительной их депопуляции привела к тому, что отток населения из них заметно

сказался на общей динамике сельского населения муниципальных районов. Так, население Тотемского района Вологодской области сократилось примерно на 5500 человек, а только 12 лесных посёлков — на 3000. Эти оценки станут ещё более выразительными, если учесть ещё одну характерную для бывших лесопунктов черту — повышенную долю прописанных, но не проживающих жителей. Не в каждом муниципальном районе (и не в каждом сельском поселении) ведётся учёт реально проживающих. Экспертные оценки глав сельских поселений показывают, что в колхозных деревнях прописаны, но не проживают 15–20% жителей, а в лесных поселках таких не менее 30%.

Величина этого показателя (как и темпов сокращения официально зарегистрированного населения) сильно варьирует в зависимости от географического положения лесных пунктов. Если они встроены в историческую систему расселения и тем более расположены недалеко от районных центров, прописанных оказывается примерно столько же, сколько и проживающих фактически, но чем периферийнее положение, тем выше доля таких «мёртвых душ» (см. табл. 2). В удалённых посёлках Верховажского района проживает менее половины прописанных, на периферии Бабушкинского района в лесопунктах упразднённого Монзенского леспромхоза — около 45%, аналогично в лесопунктах Тёгринского МО в Вельском районе Архангельской области. Согласно данным из паспорта Верхнешоношского сельского поселения Вельского района (в которое входят только населённые пункты Комсомольского леспромхоза), при 909 прописанных проживают всего 342 человека, т.е. почти втрое меньше. Такие сильные расхождения отчасти объясняются тем, что жители лесных посёлков всё ещё надеются на программы переселения (сейчас действуют программы переселения из ветхого и аварийного жилья, а в Архангельской области ещё и переселения из районов Крайнего Севера и приравненных к ним), поэтому сохраняют прописку.

Таблица 2. Динамика численности населения по лесным посёлкам Верховажского района Вологодской области

	Переписи населения		2020		Расстояние от районного центра, км	Доля реально проживающего населения, %	
	2002	2010	Зарегистрировано	Проживает			
Тёплый Ручей	569	544	590	576	3	104	98

Феклуха	329	190	151	83	62	46	55
Рогна	410	255	233	100	49	57	43
Пежма	383	291	265	184	35	69	69
Каменка	560	469	513	446	49	92	87
Макар- цево	307	192	194	119	43	63	61
Суммар- но по лес- ным посёлкам	2558	1911	1946	1508		72	69

Составлено автором по данным администраций сельских поселений Верховажского района

Основной причиной стремительного оттока жителей из лесных посёлков стала безработица. К ней одновременно привели и крах советской системы леспромхозов, и модернизация лесозаготовок, и институциональные преобразования в отрасли (Кузьминов, 2012). Зачастую даже при наличии лесных участков поблизости от лесопунктов их разработку ведут арендаторы, не имеющие отношения к посёлку и не привлекающие к работе его жителей. Нередко новые арендаторы лесных угодий не только перевозят или утилизируют оставшуюся от леспромхоза технику и объекты инфраструктуры (гаражи, депо и рельсы УЖД и др.), но и наносят вред оставшимся объектам, в первую очередь — и без того проблемным дорогам, ведущим к посёлкам. Так, сотрудники Устьянской лесной компании, которая стала крупнейшим лесозаготовителем на юге Архангельской области, после вывоза всей техники и демонтажа гаражей начали вывозить даже бетонные плиты, которыми мостили лесовозные дороги, разбивая единственный подъездной путь к пос. Тёгроозеро.

С одной стороны, современные условия получения лесных участков в аренду не позволяют небольшим предпринимателям из лесных посёлков получать доступ к лесу, поэтому лесозаготовки снижаются или останавливаются. С другой стороны, современные технологии подразумевают использование энергонасыщенной высокопроизводительной техники, для которой не требуется много занятых. «Можно за 2 недели все кварталы вымахать современной техникой» (из интервью с заместителем главы администрации Вельского района по вопросам экономики). Работники вместе с передвижными лесозаготовительными комплексами перемещаются между участками и не привязаны к сети советских лесных посёлков, они действуют в сменном или вахтовом режиме, останавливаясь во временном жилье на лесных делянках или в общежитиях тех лесных посёлков, которые расположены ближе к месту очередной рубки (аналогично получается и в Финляндии: Kortelainen, 2002).

Другим выталкивающим фактором для жителей лесных посёлков послужили трудности в содержании скота. И характер застройки лесных посёлков (регулярная сетка улиц, поквартирное заселение домов и небольшие приусадебные участки), и отсутствие сельскохозяйственных угодий вокруг не позволяли ни разбить дополнительный огород, ни содержать крупный скот. Без подсобного сельского хозяйства семьям было особенно трудно в годы структурных преобразований лесозаготовительной отрасли, и при возможности все старались уехать, особенно если были дома и/или родственники в старых колхозных деревнях. Те, кто уехать не мог, пытались найти возможность выстроить отдельный дом на окраине лесного посёлка, и сейчас почти все посёлки имеют небольшие слободы из индивидуальных домов, как правило, обитаемых, в отличие от полупустых квартир в некогда ведомственных домах. В тех посёлках, которые имеют более выгодное географическое положение или живописное расположение, и сейчас ведётся застройка исключительно индивидуальными домами, что приводит к территориальному расползанию при опустевании центральных частей.

Дифференциация современного состояния лесных посёлков

Если отсутствие возможности найти работу в лесной отрасли и износ жилья и инфраструктуры — это два почти универсальных явления, присущих лесным посёлкам, возникшим в годы формирования сети леспромхозов, то динамика численности населения сильно зависит от места лесных посёлков в системе расселения и от особенностей их микроположения, от качества места (Смирнягин, 2012). Так, в детально исследованных лесопунктах в Тотемском и Верховажском районах фиксируется прямая зависимость: чем ближе они

к районному центру (учитывается не только расстояние, но и особенности транспортной доступности — наличие моста, регулярной переправы, качества дорожного покрытия и др.), тем меньше темпы депопуляции и тем чаще наблюдается приток сезонного или даже постоянного населения, который, впрочем, не может перекрыть естественную убыль.

Посёлок Советский — некогда крупный лесосплавной пункт (Тотемский..., 2019) и конечная станция Пятовской УЖД — превращается в спальный пригород районного центра Тотьмы, от которого он находится в 15-минутной доступности по хорошей дороге. За постсоветский период он потерял 17% жителей (это соответствует удельной убыли сельского населения в Нечерноземье, если не рассматривать небольшие периферийные поселения), а сейчас в посёлке ведётся активное жилищное строительство, заложено несколько новых улиц на месте лесосплавного участка на берегу р. Сухоны и несколько улиц ближе к лесу. Дома строят как жители Тотьмы, так и Тотемского района, переезжающие поближе к районному центру. Аналогично и в Верховажском районе: пос. Тёплый Ручей, находящийся в 10-минутной доступности от районного центра, не только не теряет жителей, но и постепенно растёт. Жилищное строительство там ведётся не столь активно, как в Советском, поскольку жителей устраивает имеющийся в посёлке жилой фонд, временные щитовые дома в 1980-х были заменены брусовыми 2-квартирными коттеджами, в нём хорошо сохранились инженерные коммуникации и социальная инфраструктура, есть собственные рабочие места в деревообработке в сочетании с пешей доступностью райцентра.

Противоположная ситуация — на периферии, в лесных посёлках с удалённым положением, которое усугубляет проблемы износа зданий и инженерных сетей. Такие посёлки уже потеряли свыше половины (а иногда и более 3/4 своих жителей), ситуация там ежегодно ухудшается и надежд на изменение этой тенденции нет.

В остальных случаях многое зависит от микроположения посёлков и качества среды, наличия крупных водоёмов или водотоков. Так, расположенные на крупной р. Сухоне пос. Чуриловка и Камчуга уже не входят в зону пригородов районного центра, но не являются труднодоступными из-за относительно небольшого расстояния (30 км) по дорогам с асфальтовым и улучшенным грунтовым покрытием. В то же время они не встроены в историческую систему сельского расселения, расположены в стороне от других деревень района. Оба посёлка потеряли чуть меньше половины жителей и отличаются заметными сезонными колебаниями численности населения с выраженным летним пиком. Живописное расположение и хотя бы частичная сохранность инфраструктуры (действуют дома культуры, библиотеки, есть стадион, магазины) делают такие посёлки привлекательными для дачного отдыха. Так, при официально зарегистрированных 268 жителях зимуют в Чуриловке не более

180, а летнее население оценивается примерно в 350 человек. В последние годы фиксируется небольшой приток жителей — возвращаются уехавшие в 1970–1980-х годах, сначала как дачники, но есть и те, кто перебрался на постоянное место жительства, особенно из районов Севера. Благодаря этому в Чуриловке ведётся жилищное строительство. В основном это индивидуальные дома, сейчас на них приходится уже половина жилого фонда, что для лесных посёлков — редкость. Неординарно и то, что 7 из 11 семей по программе переселения из ветхого и аварийного жилья решили переехать в новые дома в Чуриловке, и только 4 перебрались в районный центр.

Казалось бы, при схожем географическом положении в Камчуге можно было бы ожидать примерно такие же процессы, даже, вероятно, чуть более оживлённые в силу её изначально большего размера. Однако Камчуга продолжает терять население, социальная инфраструктура сокращается, сезонные жители есть, но активно строительства не ведётся. Возможно, причиной тому служит застройка посёлка. Здесь, в отличие от Чуриловки, до сих пор преобладают щитовые 2- и 4-квартирные дома, которые давно исчерпали свой ресурс. Почему в 1980-х годах они не были заменены брусовыми, как в Чуриловке, — неизвестно.

В случае если лесные посёлки не относятся ни к пригородным, ни к периферийным, и в то же время встроены в историческую сеть населённых пунктов (или расположены на небольшом удалении от колхозных деревень), динамика населения и социально-экономических показателей слабо отличается от их окружения. Так, пос. Каменка в Верховажском районе находится в пределах Чушевицкого сельского поселения, непосредственно «в кусте» населённых пунктов, и здесь темпы депопуляции даже немного ниже, чем в соседних деревнях.

Пример Каменки показывает, что не только положение относительно районного центра и соседних исторических деревень сказывается на современном состоянии и динамике населения, но и размер. Зачастую наиболее крупные, многолюдные населённые пункты оказываются более устойчивыми оттого, что в них более оправданно сохранение большинства объектов социальной инфраструктуры. Сказывается как больший размер и, как следствие, большая устойчивость, так и более благополучный рынок труда, там действует крупное предприятие деревообработки.

Факторами, влияющими на динамику населения (как косвенный индикатор социально-экономического положения), таким образом, являются как более-менее параметризуемые позиционные (расстояние от районного центра, транспортная доступность, включённость в систему сельского расселения и изначальный размер лесного посёлка), так и те, которые трудно оценить количественно: характер застройки, качество места и даже специфика населения, сплочённость сообществ и наличие харизматичных лидеров.

Лесные посёлки как элемент системы местного самоуправления и объект ответственности муниципальной власти

Е. В. Аверкиева
Постсоветская
трансформа-
ция лесных по-
сёлков на севере
Нечерноземья

В системе местного самоуправления лесные посёлки утратили свою роль. До реформы местного самоуправления 2003 года посёлки нередко были центрами сельсоветов, ими же и образованными, а после принятия ФЗ 131 и по мере укрупнения сельских поселений большинство лесных посёлков вошли в состав других, более крупных.

Вопрос включённости в местное самоуправление и даже в сложившееся административно-территориальное деление для лесных посёлков до сих пор остаётся открытым. Их изначально ведомственная принадлежность не столько к муниципальным районам, сколько к леспромхозам, контуры которых нередко пересекали районные границы, определяла формирование экономических и социальных связей. Их часто усиливали УЖД или автомобильные лесовозные дороги, которые пересекали границы муниципальных образований и формировали свои полужизненные системы населённых мест, не согласующиеся с исторической сетью населённых пунктов.

После разрушения сети леспромхозов и ликвидации лесовозных дорог посёлки буквально оказывались вне каких-либо сложившихся административных единиц. Поэтому в 1990-х и 2000-х годах некоторые из них, как правило удалённые от районных центров, переходили из состава одних муниципальных образований в другие. Так, посёлки Гремячий и Карица (относившиеся к Монзенскому Леспромхозу Вологодской области) успели побывать в составе Солигаличского района Костромской области, затем в Грязовецком районе Вологодской, а с 2006 года вошли в состав Тотемского района Вологодской области. Аналогично пос. Феклуха передавался из Тарногского в Верховажский район Вологодской области. По всей видимости, детальное изучение лесных посёлков в других районах позволит обнаружить аналогичные процессы.

Главы сельских поселений, в состав которых включены лесные посёлки, отмечают, что работать с ними труднее. *«Жители старых, колхозных деревень очень самостоятельные, всегда готовы объединяться и что-то делать, легко вовлекаются в любые начинания. Жители лесных посёлков не такие, привыкли, что им всё лесхоз должен. Даже программа «Народный бюджет» в лесных посёлках вроде действует, но все проекты больше по инициативе городских, кто в посёлки только детей на каникулы привозит и в отпуск ездит»* (из интервью с главой Никольского сельского поселения Тотемского района). Тем не менее главы сельских поселений не говорят о перспективах таких населённых пунктов и больше обеспокоены исполнением своих полномочий в условиях ограниченного бюджета.

Для администраций муниципальных районов лесные посёлки — это наиболее проблемный объект. С одной стороны, многие

понимают бессмысленность их существования, осознают, что в современных условиях лесной отрасли они не будут востребованы, инфраструктура ветшает, условия жизни, особенно в периферийных посёлках, становятся всё более сложными. С другой стороны, до сих пор нет программ переселения из посёлков (кроме универсальных, таких как «Расселение ветхого и аварийного жилья»), и не все жители будут готовы переехать. На поддержание дорог (преимущественно грунтовых) до лесных посёлков уходят большие средства, как и на расчистку их от снега зимой, прокладка и обслуживание телекоммуникационных сетей также затруднены. Время от времени в прессе появляются публикации, как тот или иной посёлок оказался отрезанным то от телефонной связи, то от электричества, то дорога к нему становится совсем не проезжей в межсезонье.

Сами жители посёлков не очень доверяют районным властям. Отчасти, поскольку они изначально были встроены в леспромхозы и с районной властью не взаимодействовали, отчасти, поскольку посёлки меняли территориальную принадлежность. В случае пространственной изоляции недоступность властей побуждает местных жителей самостоятельно решать все вопросы, «власти изолированные села практически не трогают, не помогая и не мешая им, а функции властей, самоорганизовываясь, выполняют сами жители» (Позаненко, 2018: 47).

Выводы

Лесные посёлки — бывшие центры леспромхозов, лесопункты и лесоучастки — это особый элемент системы сельского расселения в регионах российского Нечерноземья. Их сеть в основном сформировалась в 1950–1960-х годах и существовала параллельно с исторической системой сельских населённых пунктов, преимущественно сельскохозяйственных. За 70 лет они успели появиться, вырасти до крупных относительно колхозных деревень размеров (от 400 до 1500 человек) и потерять большую часть жителей, к настоящему времени оказавшись практически невостребованными в изменившихся условиях функционирования лесной отрасли.

Такой путь — от стремительного расцвета к быстрому упадку — прошли и монофункциональные лесные посёлки других стран северного лесного пояса, в частности Финляндии и Канады. Но за рубежом кризис системы лесозаготовительных поселений начался раньше вслед за более ранней модернизацией отрасли. В России друг на друга наложились несколько процессов, что усугубило общие для таких поселений проблемы. В середине 1990-х годов экономический кризис и институциональные преобразования лесной отрасли совпали со временем истощения доступной лесосеки и износом зданий и инженерных сетей в посёлках, построенных

в начале 1960-х годов, а в 2000-х началась новая волна модернизации лесозаготовок, приведшая к многократному сокращению потребности в кадрах и изменившая принципы территориальной организации всей системы. С начала 2000-х в лесных посёлках идёт ухудшение условий жизни и стремительный отток населения.

Лесные посёлки, в зависимости от географического положения и ряда других факторов, за постсоветский период потеряли от 10 до 80% населения. В лучшем положении оказались те, что были вписаны в историческую систему расселения и располагались недалеко от районных центров, в худшем — на периферии муниципальных районов, с низкой транспортной доступностью. Из-за большой плотности в конце советского периода лесные посёлки внесли весомый вклад в депопуляцию всех сельских территорий своих районов и регионов. Так, в рассмотренном детально Тотемском районе, их вклад в постсоветское сокращение сельского населения оценивается в 55%.

Помимо того что лесные посёлки стремительно теряют население, они отличаются и высокой долей прописанных, но реально не проживающих. Если по сельскохозяйственным населённым пунктам на этой же территории разница между прописанным и фактически проживающим населением оценивается примерно в 15–20%, то по лесным посёлкам — в 30% и более. Этот показатель, как и темпы депопуляции, варьирует в зависимости от географического положения, в удалённых местах достигая 50–60%. Поэтому в дальнейшем статистические данные покажут ещё большую убыль населения.

Условия жизни в лесных посёлках сложные, что вызвано как крайне узкими рынками труда (отсутствие лесозаготовок и альтернативной занятости в реальном секторе, сжатие социальной инфраструктуры), так и высоким износом зданий и инженерных сетей. В случае удалённого от районных центров и магистралей положения все эти проблемы усугубляются перебоями с электроснабжением, недоступностью телекоммуникаций и даже периодами полной изоляции в непогоду и межсезонье. В случае удачного расположения и наличия перспектив хотя бы сезонного реосвоения посёлков ведётся стихийное обновление жилого фонда, ведомственное многоквартирное жильё постепенно замещается индивидуальными домами. В остальных случаях жителям остаётся надеяться лишь на программу переселения из ветхого и аварийного жилья, реализация которой идёт медленно.

Судьба лесных посёлков неясна. Для современных лесозаготовок не нужны стационарные посёлки с большим населением, деревообработка размещается в центрах с удобным транспортным положением и также не станет локомотивом развития бывших советских лесопунктов. Сейчас лесные посёлки теряют население, жилой фонд ветшает, власти стараются обеспечить минимальный набор благ, что сильно осложняется большими расстояниями и пло-

хими дорогами. Пока разговоров о массовом переселении жителей нет, тем более всегда найдутся те, кто не захочет уезжать.

Лесные посёлки формируют особый и очень сложный тип сельских населённых пунктов, который требует дополнительного внимания как со стороны власти, так и со стороны учёных, поскольку простого решения накопившихся проблем быстро найти не получится.

Библиография

- Дексгеймер С. С. (2018). А душой я — в Чуриловке. Автобиографический очерк. Вологда: Сад-огород.
- Кузьминов И. Ф. (2012). Географические факторы развития российской лесной промышленности в условиях рыночной экономики // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 32–44.
- Кузьминов И. Ф. (2010). Социально-экономические проблемы лесопромышленного комплекса на севере европейской России (на примере Костромской области) // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 31–43.
- Курило А. Е., Немкович Е. Г., Курило М. О. (2013). Трансформация лесопромышленного сектора Республики Карелия // Региональная экономика: теория и практика. № 36. С. 27–37.
- Лебедева В. (2010). История посёлка Гремячий. МОУ «Никольская СОШ им. Н. М. Рубцова». Рукопись.
- Позаненко А. А. (2018). «Отдельная типа республика»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. Т. 27. № 4. С. 31–55.
- Ранникко П., Кортелайнен Я. (2013). Шоковая терапия на границе российской Карелии постсоциализм в двух лесопромышленных посёлках / Пер. с фин. яз. Ю. М. Килин // Studia Humanitatis Borealis. № 1. С. 53–72.
- Селименков Р. Ю. (2010). Пути повышения производительности труда в лесозаготовительной отрасли региона // Проблемы развития территории. № 3 (49). С. 29–36.
- Смирнягин Л. В. (2012). Место вместо местоположения? (О сдвиге в фундаментальных понятиях географии) / Географическое положение и территориальные структуры. Памяти И. М. Маергойза. Науч. работы: сб. науч. тр. М.: Новый хронограф. С. 421–456.
- Солдатова Н. В. (2010). Динамика расселения Вологодской области во второй половине XX — начале XXI века. Вологда: ВГПУ.
- Суханов В. С. (2012). О развитии технологии лесозаготовок в России. Лесной вестник // Forestry bulletin. № 4 (87). С. 46–49.
- Тотемский район: прошлое, настоящее, будущее (2019) / Под ред. Новосёлова А. М., Кузнецова А. В. Череповец: Порт-апрель.
- Юричев Е. Н. (2009). Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области. Вологда.
- Barnes T. J., Hayter R. (1994). Economic restructuring, local development and resource towns: Forest communities in coastal British Columbia // Canadian Journal of Regional Science. Vol. 17. P. 289–310.
- Dow F. (2008). Envisioning sustainable forestry communities in Northern Ontario: the role of architecture and design. Waterloo, Ontario, Canada, 2008 https://uwaterloo.ca/bitstream/handle/10012/3685/Fraser_Dow_Thesis_Submission_080515.pdf?sequence=1
- Halonen M. (2019). The long-term adaptation of a resource periphery as narrated by local policy-makers in Lieksa // Fennia. Vol. 197. № 1. P. 40–57.

Kortelainen, J. (2002). Forest industry on the map of Finland//Fennia. Vol. 180: 1–2, pp. 227–235.

Reed M. (2003). Marginality and gender at work in forestry communities of British Columbia, Canada // Journal of Rural Studies. Vol. 19. P. 373–389.

Post-Soviet transformation of forest settlements in the north of the Non-Black Earth Region

Ksenia V. Averkieva, PhD (Geography), Senior Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. 119017 Moscow, Staromonety Per., 29, bldg. 4.
 E-mail: k_averkieva@igras.ru

Abstract. The article considers forest settlements — the former centers of timber industry — in the Vologda and Arkhangelsk Regions during the Soviet period. They represent a special type of mono-specialized rural settlements which in a short period turned from the local growth points and centers of attraction into depopulating settlements with shrinking labor markets and social infrastructure. The article is based on field studies conducted in three municipal districts of the Vologda and Arkhangelsk Regions (grassroots statistics and analytical materials, in-depth interviews with local residents, representatives of local governments and municipal authorities). The outflow of population from logging stations is determined, on the one hand, by the collapse of timber industry and institutional restructuring of logging industry; on the other, by modernization of logging which no longer needs permanently inhabited settlements. Due to the higher population density of forest settlements (compared to small rural settlements in the Non-Black Earth Region), their population losses in the past twenty years affect the general migration dynamics of municipal districts. Unlike historical settlements, the geographic location of forest settlements (often remote from transport networks) and the deplorable state of housing do not leave them hopes for at least seasonal redevelopment or new functions. The current state of forest settlements depends on a set of factors: geographical location, type of development, type of community, readiness of residents to self-organize, and so on.

Key words: forest settlement, logging settlement, rural settlement system, logging, Non-Black Earth Region, Vologda Region

References

- Deksgeimer S. S. (2018) *A dushoi ya — v Churilovke. Avtobiografichesky ocherk.* [And My Soul is in Churilovka. An Autobiographical Essay], Vologda: Sad-ogorod Publ.
- Kuzminov I. F. (2012) *Geograficheskie faktory razvitiya lesnoy promyshlennosti v usloviyakh rynochnoy ekonomiki* [Geographical factors of the Russian timber industry development in the market economy]. *Izvesiya AN, Seriya geograficheskaya*, no 4, pp. 32–44.
- Kuzminov I. F. (2010) *Sotsialno-ekonomicheskie problemy lesopromyshlennogo kompleksa na severe evropeyskoy Rossii (na primere Kostromskoy oblasti)* [Social-economic problems of forest industry in the north of European Russia (on the example of the Kostroma Region)]. *Izvesiya AN, Seriya geograficheskaya*, no 5, pp. 31–43.
- Kurilo A. E., Nekovich E. G., Kurilo M. O. (2013) *Transformatsiya lesopromyshlennogo sektora respubliky Kareliya* [Transformation of timber industry in the Republic of Karelia]. *Regional economics: theory and practice*, no 36, pp. 27–37.
- Lebedeva V. (2010) *Istoriya poselka Gremyachy* [History of the Gremyachy Settlement]. Manuscript.

- Pozanenko A. (2018) 'Otdelnaya tipa respublika': strukturnye osobennosti prostranstvenno izolirovannykh localnykh selskikh soobshеств ['Like a separate little republic': Structural specifics of isolated rural communities]. *Mir Rossii*, vol. 27, no 4, pp. 31–55.
- Ranniko P., Kortelainen J. (2013) Shokovaya terapiya na granitse rossijskoy Karelii — postsozializm b dvukh lesopromyshlennykh poselkah [Shock therapy on the border of Russian Karelia — post-socialism in two timber industry settlements]. *Studia Humanitatis Borealis*, no 1, pp. 53–72.
- Selimenkov R.Yu. (2010) Puti povysheniya proizvoditelnosti truda v lesozagotovitelnoy otrasli regiona [Ways to increase labor productivity in the regional logging industry]. *Issues of Territorial Development*, no 3, pp. 2936.
- Smirnyagin L. V. (2012) Place instead of location? (On shifts in fundamental concepts of geography). *Geograficheskoe polozenie i territorialnye struktury. Pamyati I. M. Maergoiza*, Moscow: Novy Khronograf, pp. 421–456.
- Soldatova N. V. (2010) *Dinamika rasseleniya Vologodskoi oblasti vo vtoroi polovine XX — nachale XXI veka* [Dynamics of Settlement in the Vologda Region in the Second Half of the 20th — Early 21st Century], Vologda: VGPU.
- Sukhanov V. S. (2012) O razvitiit tekhnologii lesozagotovok v Rossii [On the development of logging technology in Russia]. *Forestry bulletin*, no 4, pp. 46–49.
- Totemsky raion: proshloe, nastoyashee, budushee* (2019) [Totma District: Past, Present and Future]. Ed. by A. V. Kuznetsov, A. M. Novosyolov, Cherepovets: Port-aprel.
- Yurichev E. N. (2009) *Ocherki istorii lesnogo khozyaystva Vologodskoy oblasti* [Essays on History of Forestry Industry in the Vologda Region], Vologda.
- Barnes T. J., Hayter R. (1994) Economic restructuring, local development and resource towns: Forest communities in coastal British Columbia. *Canadian Journal of Regional Science*, vol. 17, pp. 289–310.
- Dow F. (2008) *Envisioning Sustainable Forestry Communities in Northern Ontario: The Role of Architecture and Design* // https://uwspace.uwaterloo.ca/bitstream/handle/10012/3685/Fraser_Dow_Thesis_Submission_080515.pdf?sequence=1.
- Halonon M. (2019) The long-term adaptation of a resource periphery as narrated by local policy-makers in Lieksa. *Fennia*, vol. 197, no 1, pp. 40–57.
- Kortelainen J. (2002) Forest industry on the map of Finland. *Fennia*, vol. 180, no 12, pp. 227–235.
- Reed M. (2003) Marginality and gender at work in forestry communities of British Columbia, Canada. *Journal of Rural Studies*, vol. 19, pp. 373–389.

Траектории трансформации одной неперспективной деревни (на примере деревни Кузрека Терского района Мурманской области)¹

М. С. Савоскул, А. И. Алексеев

Мария Сергеевна Савоскул, доктор географических наук, зав. кафедрой экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 119991 Москва, Ленинские горы, 1.
E-mail: savoskul@yandex.ru

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 119991 Москва, Ленинские горы, 1. E-mail: alival@mail.ru

Аннотация. Деревня Кузрека возникла в 1580-х годах на берегу Белого моря как «промысловое место» Соловецкого монастыря (лов семги и сельди) и выполняла эти функции более 350 лет. С 1930-х годов начался экономический рост деревни: появляются леспромхоз и рыболовецкий колхоз, строится школа и другие социальные объекты. Но с конца 1960-х годов оба этих предприятия закрываются, деревня признается «неперспективной», а в конце 1970-х она лишается статуса населенного пункта — т.е. юридически «не существует». Однако в 2000-х годах деревня превращается в крупное сезонно обитаемое поселение. В статье авторы рассматривают факторы трансформации деревни Кузрека в разные периоды ее существования. Если вначале главными были природные ресурсы и географическое положение, то затем причиной роста и упадка стали промышленные предприятия, возникшие в деревне, а позднее закрывшиеся. В наше время первоначальные факторы (природа и географическое положение) снова играют главную роль, привлекая на отдых жителей городов Мурманской области и других районов России.

Ключевые слова: монографические исследования деревень, трансформации деревни, неперспективная деревня, факторы трансформации деревни, функции населенного пункта, Терский берег

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-111-123

Выбор территории исследования

Терский берег Белого моря сложно отнести к типичной сельской местности, впрочем, в масштабах России из-за многообразия сочетаний природных условий и социально-экономической ситуации вообще сложно говорить о существовании *типичной* сельской местности. Выбор данной территории для исследования обусловлен тем,

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 21-17-00112

что здесь, с одной стороны, наиболее наглядно проявляется влияние природных условий, а с другой — прослеживается роль государства на разных исторических этапах. Помимо этого отметим парадоксальность статуса этого населенного пункта. Де-юре Кузрека не существует с 1970-х годов, де-факто — это деревня, со всеми признаками сельского населенного пункта, в которой летнее население достигает нескольких сотен человек.

Деревня Кузрека расположена на Терском берегу Белого моря, в устье реки Кузреки, в 140 км восточнее Кандалакши и в 32 км восточнее пгт Умба — административного центра Терского района.

Официально постоянное население в деревне отсутствует, собственно, как не числится в официальных списках и сам населенный пункт. В деревне нет электричества, нет магазина (летом два раза в неделю приезжает автолавка), нет медицинского пункта, общественный транспорт — несколько раз в неделю ходит рейсовый автобус Кандалакша (Умба) — Варзуга. Вблизи деревни расположены два садовых товарищества: «Кузрека» и «Гранит», сезонное население деревни Кузрека и товариществ летом составляет 200–500 человек.

Жители Кузреки представлены несколькими группами. Это пенсионеры, приезжающие на лето из Кандалакши, сотрудники АЭС и другие жители города Полярные Зори, жители Умбы, которые используют как дачу дома в Кузреке, также тут можно встретить и людей из других городов России (Москва, Санкт-Петербург, Мурманск и др.), проводящих лето на берегу Белого моря.

Полевые наблюдения в Кузреке позволяют утверждать, что жители деревни (пусть даже и сезонные) образуют полноценное сельское сообщество (хотя зимой жизнь в деревне замирает).

Постановка исследовательской задачи

На примере небольшой деревни, которая уже несколько столетий существует на берегу Белого моря, можно проследить этапы и факторы развития сельского населенного пункта, расположенного на территории со сложными агроклиматическими условиями, вдали от крупных населенных пунктов. За время с XVI до начала XX века здесь сохранялась практически стабильная численность населения — столько, сколько позволяла емкость территории. Изучение эволюции основных факторов развития деревни и трансформации функций населенного пункта и стало основной задачей полевых работ.

Обзор исследований

Исследования отдельной деревни (или нескольких близко расположенных — например, в границах волости, сельсовета, колхоза и др.) в отечественной литературе ведут начало от работы П. П. Семено-

ва (тогда еще не Тянь-Шаньского). В 1877–1878 годах он обследовал Мураевенскую область Рязанской губернии (в которую входила его усадьба в селе Гремячка) и дал, как мы бы сейчас сказали, ее «комплексную характеристику», обращая особое внимание на изменения, произошедшие после отмены крепостного права. Эта статья была опубликована в сборнике с характерным названием «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины» (1880). Впоследствии работы такого рода получили широкое распространение; некоторые из них имели широкий общественный резонанс — например, книга А. И. Шингарева «Вымирающая деревня» (1907).

Географы вспоминают прежде всего работу Н. Н. Баранского об алтайском селе Чистюнька (Барнаульского уезда Томской губернии). О размахе таких исследований говорит то, что это село за восемь лет изучалось трижды — в 1897, 1901 (Баранским) и 1905 годах. К сожалению, Баранский не закончил свою работу, но отдельные его тексты были использованы впоследствии Н. М. Трегубовым (1907).

В 1920-х годах традиции изучения деревень еще продолжались. Среди публикаций этого периода выделяются две книги М. Я. Феноменова «Современная деревня» (1925а, 1925б), посвященные деревне Гадыши Новгородской губернии (в советское время и административное деление, и название села изменились, и сейчас это поселок Комсомольский Фировского района Тверской области). Работа Феноменова в 1926 году была отмечена серебряной медалью Русского Географического общества, но впоследствии была раскритикована за то, что он не показал «классовую борьбу в деревне».

В 1930–1940-х годах такого рода исследования практически не велись, а с 1950-х возобновились уже с совершенно другими целями. О них говорит само название огромной (18 отрядов!) экспедиции Института этнографии АН СССР: «Комплексная экспедиция по изучению изменений социально-бытового и культурного уклада у народов СССР в эпоху перехода от социализма к коммунизму». Как изучались эти изменения — можно понять из книги Л. А. Анохиной и М. Л. Шмелевой (1964) «Культура и быт колхозников Калининской области». Причем, несмотря на свое название, монография была написана по материалам обследования только одного — но самого передового — колхоза («Молдино» Удомельского района). Картина процветания колхозов (например, душ для доярок на каждой ферме — чего нет и сейчас, спустя 60 лет!), видимо, настолько поразила читателей, что в журнале «Новый мир» была опубликована статья уроженца этих мест под названием «Необъективные обобщения» (Альмов, 2010), где говорилось о «фальши» в этой книге.

Географы обратились к этой тематике позже. Видимо, первой такой работой можно считать статью А. И. Чистобаева (1989) «Совхоз в «глубинке» Нечерноземья», в которой он ярко описал упадок его родной деревни в советский период.

В 2000-х годах центром изучения сельской местности становится

*М. С. Савоскул,
А. И. Алексеев*
Траектории трансформации одной неперспективной деревни (на примере деревни Кузнецка Терского района Мурманской области)

ся одна из деревень Костромской области. Все началось с того, что профессор Н. Е. Покровский, а затем еще ряд ученых (в том числе географы Т. Г. Нефедова и А. И. Трейвиш) купили старые крестьянские дома в деревне Медведево Угорского сельсовета Мантуровского района. Благодаря их энергии деревня становится центром работы междисциплинарного коллектива — социологов, экономистов, географов, экологов и т.д., в ней регулярно проводятся научные конференции (Покровский, Нефедова, 2014).

Методы и материалы исследования

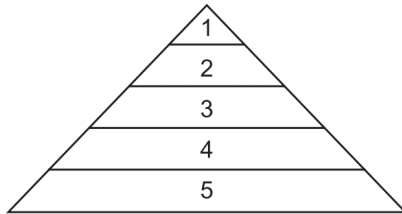
Источниками для написания статьи послужила работа этнографа XIX века С. В. Максимова «Год на Севере», исследования современных краеведов — старожилов деревни Кузрека семьи Попихиных, а также итоги нескольких экспедиций одного из авторов на Терский берег в 2016, 2017, 2019 годах. Кроме этого использованы публикации региональных СМИ, официальный сайт Терского района, статистические источники, а также материалы открытых интернет-источников, в частности групп «ВКонтакте», уроженцев и жителей Кузреки. Во время полевых исследований, помимо метода включенного наблюдения, были проведены беседы с жителями Кузреки, а также с туристами, отдыхающими на берегу Белого моря.

Исследовательская гипотеза

О. В. Кузнецова полагает, что на региональном уровне можно выстроить следующую пирамиду факторов регионального развития (рис. 1). По аналогии с пирамидой потребностей Маслоу, в основании пирамиды расположены базовые факторы, которые определяют направления регионального развития. Это — природно-климатические условия и ресурсы, система расселения и демографические характеристики. Далее важную роль играет обеспеченность инфраструктурой, уровень развития и структура экономики региона. На верхнем уровне пирамиды расположены «субъективные» факторы, которые в ряде случаев играют важнейшую роль в развитии региона. Под «субъективными» факторами исследователь указывает в том числе и «социально-экономическую политику государства в самом широком понимании» (Кузнецова, 2014).

Исследовательская гипотеза состояла в том, что на уровне отдельного сельского населенного пункта (СНП) или нескольких СНП также можно выстроить подобную пирамиду факторов, но на определенных этапах развития СНП «субъективный» фактор будет перемещаться в основание пирамиды, то есть играть более значимую роль в жизни деревни. Второе предположение сводится к тому, что на развитие данной деревни, вероятнее

всего, в равной степени влияют три группы факторов: природно-ресурсный, историко-расселенческий и «субъективные» факторы. На разных этапах развития на первый план могут выходить те или иные группы факторов. В таком случае «пирамида» будет представлять скорее круг с равнозначными факторами территориального развития (рис. 2).

Пирамида факторов регионального развития: 1 — «субъективные» факторы, 2 — уровень развития и структура экономики, 3 — обеспеченность инфраструктурой, 4 — система расселения и демографические характеристики, 5 — природно-климатические условия и ресурсы

Рис. 1. Пирамида факторов регионального развития по О. В. Кузнецовой

Рис. 2 Факторы, влияющие на развитие деревни Кузрека. Составлено авторами

Трансформация функций и факторы развития деревни в XVI — начале XXI века

Ниже рассмотрены основные характерные черты социально-экономической трансформации деревни Кузрека Терского берега и основные факторы, влияющие на траекторию ее «жизни» в разные исторические периоды с конца XIX и до начала XXI века.

Мы разделили историю деревни на три различных по продолжительности этапа: с момента первых известных упоминаний до на-

М. С. Савоскул,

А. И. Алексеев

Траектории трансформации одной неперспективной деревни (на примере деревни Кузрека Терского района Мурманской области)

чала XX века (табл. 1), с момента образования колхоза в 1930 году до конца XX века (табл. 2) и период, охватывающий новое «возрождение» деревни уже в XXI веке.

Таблица 1. Траектории развития деревни Кузрека до начала XX века

Период	Характеристика функций	Численность населения	Ведущие факторы
1580 г.	Промысловое место Соловецкого монастыря (семга и сельдь)	Нет данных	
1620-е г.	Солеварня, Кузрекское усолье Кирилло-Белозерского монастыря	13 дворов монастырских и крестьянских, 38 мужчин, 65 детей,	
1750 г.	Рыбная ловля, разведение домашнего скота и оленей	Нет данных	Природно-ресурсный транспортный
1856 г. 1871 г.	Рыбная ловля, промысел морского зверя на севере, построен храм Открытие регулярной морской линии Архангельск—Терский берег	10 дворов	
Начало XX в.	Отхожий промысел на Мурман, рыбная ловля, охота, сбор ягод и грибов	18 дворов, 89 мужчин	

Составлено по: Максимов (1984), Попихина (2021)

До начала XX века деревня Кузрека — рыболовецкое селение, как и другие населенные пункты Терского берега — С. В. Максимов в середине XIX века пишет «Семужья ловля составляет насущное, главное занятие... народ по зимам ходит для промысла морского зверя недели на три, на четыре...» (Максимов, 1984).

К началу XX века несколько увеличивается количество дворов, но существенным образом функции деревни не меняются до начала 1930-х годов, когда был создан рыболовецкий колхоз «Заря», открыт пункт по переработке водорослей и организован лесопункт (табл. 2).

Период с 1930-х по 1960-е годы, по воспоминаниям старожиллов и судя по расширению функций населенного пункта, — время бурного экономического роста, когда можно проследить максималь-

ное влияние «субъективного» фактора на жизнь села. Государство принимает активное участие в развитии Терского берега, привнеся на эту территорию новые хозяйственные функции.

На Кольском полуострове с начала 1930-х годов строятся новые промышленные предприятия, которым нужны лесоматериалы, а рабочим — продукты питания. И в Кузреке создается леспромхоз, а рыбаки объединяются в рыбколхоз (у которого государству изъять рыбу гораздо проще, чем у рыбаков-частников).

Таблица 2. Траектории развития деревни в XX веке

Период	Характеристика функций	Численность населения	Ведущие факторы
1930–1941 гг.	Создан рыболовецкий колхоз «Заря», рыбообработывающая фактория, переработка водорослей организован лесопункт, открыта школа, есть телефон и радио	1926 г. — 140 чел 1939 г. — 280 чел	
1950-е гг.	В деревне действуют: школа, детский сад, библиотека, клуб, пекарня, два магазина	300 чел	
Конец 1960-х — 1970-е гг.	Перевод лесопункта, ликвидируют колхоз (преобразован в подсобное хозяйство Умбского рыбзавода), сокращают социальную сферу, миграционный отток	быстро сокращается, точных данных нет	Административный природный транспортный
1979 г.	Кузрека лишается статуса населенного пункта	25–30 чел	
1990-е гг.	Создание предприятия КУЗВЕР (Кузрека — Верона) по добыче гранита	только сезонное население	

Составлено по: Попихина (2021)

Но в 1950–1960-е годы деревня теряет эти функции. Более выгодными признаны лесозаготовки в Карелии (транспортировка леса оттуда гораздо проще), и леспромхоз закрывается. А для рыбного хозяйства СССР в 1960–1970-х годах строятся крупные морские суда, которые могут базироваться только в крупных портах. Советские рыбаки ведут промысел в северо-западной Атлантике, у бере-

гов Южной Африки, в Чили-Перуанском районе, тропических районах Индийского и Тихого океанов и многих других местах. Иными словами, происходит переход от прибрежного к океаническому лову, и на этом фоне уже не до поддержки небольшого рыбколхоза. И он тоже закрывается.

В итоге с конца 1960-х годов Кузрека вступает в период экономического упадка. Отсутствие работы ведет к миграционному оттоку жителей и «постарению» населения, сокращается социальная сфера, в целом снижается государственная поддержка — другими словами, все, что мы видели во всех российских деревнях в 1990-х годах, здесь началось на 20–25 лет раньше. Таким образом, роль «субъективного фактора» (государственной политики) снова становится ведущей, но на этот раз — с противоположным знаком.

В конце 1970-х годов «субъективный фактор» наносит «последний удар» — Кузрека лишается официального статуса населенного пункта.

Но окончательно ликвидировать деревню государству все же не удалось! Скорее всего это объясняется выгодным расположением деревни (относительно недалеко от центра Терского района), привлекательным живописным ландшафтом, исторической памятью жителей. Деревня не только не исчезла де-факто, но в 2000-х годах стала активно привлекать сезонных жителей.

Проследим трансформацию функций деревни от XVI века до начала XXI века (табл. 3).

Таблица 3. Трансформация функций деревни Кузрека в XVI — начале XXI в.

Преобладающие функции	Ресурсная	Ресурсная, ЛПХ	Ресурсная, лесопромышленная, ЛПХ	Функции практически не реализуются, деревня упразднена	Селитебная, рекреационная, ресурсная
Период	XVI–XVII вв.	XVIII–XIX вв.	XX в.	1979–1990-е гг.	XXI в.

Составлено авторами

Если до начала XX века населенный пункт выполнял преимущественно ресурсную функцию (лов рыбы и уход на промысел на север Кольского полуострова), то в XX веке как раз во многом вследствие упомянутого «субъективного» фактора у деревни появляются новые функции, прежде всего — лесопромышленная. Однако уже в 1970-е годы она исчезает, деревня признается неперспективной, население стареет, закрывается школа, закрывается магазин, в де-

ревне остается несколько старожилов и во время переписи 1979 года деревня не появляется в списке населенных пунктов Терского района.

Возрождение приходится на конец 1990-х — начало 2000-х годов. В деревню и садоводческие товарищества летом приезжают жители пгт и городов Мурманской области, возвращаются на лето и уроженцы деревни. Новые сезонные жители начинают строить дома, восстанавливают и ремонтируют старые, формируется активное местное сообщество. В 2010 году в Кузрееке организуют первый праздник Поморской Козули, который до 2020 года проводится ежегодно и привлекает до тысячи гостей. В деревне построили часовню, открыли частный музей поморского быта.

В этот период усиливается рекреационная, туристическая и селитебная функции населенного пункта, основным притягивающим фактором становится Белое море и, как ни странно, более мягкий по сравнению с северными территориями Кольского полуострова климат. Начинает более активно развиваться автомобильный туризм и сезонная рыбалка, что вызывает и проблемы, связанные с варварским отношением к природе у части приезжающих туристов.

*М. С. Савоскул,
А. И. Алексеев*
Траектории трансформации одной неперспективной деревни (на примере деревни Кузреека Терского района Мурманской области)

Факторы, определяющие современное состояние деревни Кузреека, или современные противоречия и сложности жизни деревни

На современное состояние Кузрееки влияют несколько взаимосвязанных факторов: природный, институциональный, инфраструктурный, «субъективный», и сложно сказать, какой из них определяющий.

В качестве *институционального* фактора можно привести до сих пор не решенную проблему административного статуса самой деревни. В перспективе деревня должна стать улицей с. Оленица, расположенного в 65 км восточнее Умбы. Подобное преобразование поможет решить другую проблему — отсутствие электричества в Кузрееке, что препятствует развитию деревни.

Вот как ситуацию с административным статусом прокомментировал в апреле 2021 года глава Терского района: *«Как Кузреека станет улицей? Очень просто. Точно так же, как Устье стало частью Кузолены, а находится в пяти километрах от Кузолены; как Стрельна — улица села Чапома, а находится в 10 километрах от села. Мы сначала хотели присоединить Кузрееку к Умбе, но тогда бы мы не попали под федеральную программу. Нужно, чтобы Кузреека стала сельской территорией. Это бывшее сельское поселение, и восстанавливать его юридически в таком статусе очень долго — года два-три. И тогда мы точно не попадем в программу, и света там не будет».*

Электрификация деревни и ее административный статус оказываются камнем преткновения и поводом для разногласий среди местных депутатов и активных местных жителей. Часть жителей выступают против того, что Кузрека не будет самостоятельным населенным пунктом, но ради электрификации готовы пойти на это. Часть депутатов полагают, что в деревню не нужно проводить электричество, потому что им будут пользоваться в первую очередь «приезжие дачники», а не местные жители.

По мнению министра энергетики и ЖКХ Мурманской области, отсутствие централизованного электроснабжения препятствует круглогодичному проживанию местных жителей и развитию туристической сферы с сопутствующей ей инфраструктурой малого и среднего предпринимательства. Но пока эта проблема не решена: весной 2021 года двумя депутатскими голосами была заблокирована возможность проведения линии электропередачи в район. Таким образом, институциональный фактор в лице двух депутатов оказался тесно связан с инфраструктурным и «субъективным».

Определенные ограничения испытывают индивидуальные предприниматели, занимающиеся промысловым ловом рыбы в акватории деревни Кузрека. Сложности связаны отчасти опять же с отсутствием электричества в селе, так как, по словам рыбаков, для ведения рыбной ловли, учета вылова и его дальнейшей продажи необходимо наличие кассового аппарата (то есть интернета и электричества). Возникают и иные, новые законодательные и организационные сложности, например, отсутствие системы сбыта рыбы. Таким образом, действие природного фактора ограничивается институциональным и инфраструктурным факторами.

С 2021 года предполагается изменить место проведения праздника Поморской Козули, который 10 лет с успехом проходил в Кузреке, что стало в свое время дополнительным стимулом развития деревни и повышения ее привлекательности для туристов. В 2021 году фестиваль сменит традиционную локацию на Оленицу (но уже в следующем году в планах организаторов фестиваля путешествие по Кольскому полуострову). Многие местные активисты считают, что уход этой традиции из деревни негативно скажется на ее развитии и позитивном имидже Кузреки.

Среди «субъективных» и неоднозначных факторов, определяющих жизнь Кузреки и других деревень Терского берега, можно назвать туристов, поток которых, по мнению местных жителей, увеличился в летние сезоны 2020/21 года из-за пандемии коронавируса. С одной стороны, туристы приносят доход, но порой происходит обратное: наплыв туристов связан с сезонным выловом горбуши, которая заходит на нерест в реки Кузреку и Черную, многие туристы приезжают на собственных автомобилях и с палатками, нанося большой урон варварским выловом рыбы.

Отметим, что уже появляются новости о возобновлении общественной дискуссии по созданию национального парка «Терский берег».

Обобщая, можно выделить следующие периоды жизни деревни Кузрека:

Первые 350 лет (1580–1920-е) — рыбацкий поселок. Его существование обусловлено природными условиями, природными ресурсами и экономико-географическим положением (ЭГП).

Следующие 30 лет (1930–1950-е) — «советский взлет», расширение производственных функций — воздействие государственной политики («субъективного фактора»).

Еще 40 лет (1960–1990-е) — «советский спад», включающий прекращение всякой производственной деятельности и юридическую «ликвидацию» населенного пункта. Это также влияние государственной политики, направленной теперь уже на ликвидацию производственных функций, а затем и всей деревни.

С 2000 года — возрождение как рекреационного, сезонно обитаемого поселения. Здесь снова играют важную роль природные условия и ЭГП.

Таким образом, несколько упрощая, получаем следующую последовательность факторов трансформации:

- 1) природа и ЭГП;
- 2) государственная политика — развитие;
- 3) государственная политика — деградация;
- 4) природа и ЭГП.

Можно сказать, что смена стадий происходит в соответствии с мировыми тенденциями: природные факторы развития сменяются производственными, а затем доля производственных функций в сельской местности сокращается, и они заменяются сервисными.

Расширяя рамки нашего обзора, надо добавить и те факторы, которые определяли внешнюю экономическую (а затем и социальную) среду, внутри которой находится Кузрека. Для первого периода — это спрос на рыбу у монахов Соловецкого монастыря. Для второго — потребность в строительных материалах и продуктах питания для населения городов Кольского полуострова. Для третьего — начало производства этих товаров в других местах и исчезновение необходимости их производства в Кузреке. Наконец, для четвертого периода — потребность в рекреации у жителей городов Кольского полуострова, в том числе и тех, которые помогала строить Кузрека (поставляя стройматериалы и продукты питания). Развитие рекреации сдерживается институциональными факторами — искусственно созданной неразберихой (законов, правил, инструкций и пр.), мешающей возрождению деревни.

Библиография

Алымов С. С. (2010). Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // Новое литературное обозрение. № 101(4). С. 109–129.

*М. С. Савоскул,
А. И. Алексеев*
Траектории трансформации одной неперспективной деревни (на примере деревни Кузрека Терского района Мурманской области)

- Анохина Л. А., Шмелева М. Н. (1964). Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Наука.
- Кузнецова О. В. (2014). Типология факторов социально-экономического развития регионов России // Вестник МГУ. Серия 5: География. № 2. С. 3–8.
- Максимов С. В. (1984). Год на Севере. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство.
- Покровский Н. Е., Нефедова Т. Г. (2014). Угорский проект — ключ к пониманию Ближнего Севера // Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Под ред. Н. Е. Покровского, Т. Г. Нефедовой. М.: Логос.
- Полихина Ю. С. (2021). Кузрека. Поморское селение Беломорья. П.г.т. Умба.
- Семенов П. П. (1880). Мураевенская волость // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб.
- Шингарев А. И. (1907). Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб.: Общественная польза.
- Трегубов Н. М. (1907). Сибирское переселенческое селение с. Чистюнька Барнаульского уезда Барнаульской волости: (материалы по изучению переселенческого вопроса по подворным переписям 1897, 1901 и 1905 годов) // Алтайский сборник: изд. Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Имп. Русского Географического общества. Барнаул: Типо-Литогр. Гл. Упр. Алт. округа.
- Феноменов М. Я. (1925а). Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Ч. I: Производительные силы деревни. Москва; Ленинград: Гос. изд-во.
- Феноменов М. Я. (1925б). Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Ч. II: Старый и новый быт. Москва; Ленинград: Гос. изд-во.
- Чистобаев А. И. (1989). Совхоз в «глубинке» Нечерноземья // Известия Всесоюзного географического общества. № 121(6). С. 499–506.

Trajectories of transformation of one unpromising village (on the example of the village Kuzreka in the Tersk district of the Murmansk Region)

Maria S. Savoskul, DSc (Geography), Head of the Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, 119991 Moscow, Leninskie gory, 1. E-mail: savoskul@yandex.ru

Aleksandr I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, 119991 Moscow, Leninskie gory, 1. E-mail: alival@mail.ru

Abstract. The Kuzreka village was founded in the 1580s on the shores of the White Sea as a 'fishing place' of the Solovetsky Monastery (salmon and herring), and had performed this function for over 350 years. In the 1930s, the economic growth of the village began: a timber industry enterprise and a fishing collective farm were established, school and other social facilities were built. In the late 1960s, both enterprises were closed, the village was named 'unpromising', and in the late 1970s, it lost the status of settlement, i.e., legally 'does not exist'. However (due to the inertia), since the 2000s, the village has turned into a seasonally inhabited settlement (up to 1000 people gathered for the Pomor Roe Holiday before the pandemic). The authors consider the factors of the Kuzreka village transformations in different periods: first, natural resources and geographical location were the main factors, then industrial enterprises became the factor of growth (and decline). Today, the initial factors (nature and geographical location) again play the major role in attracting urban residents from the Murmansk Region and other regions of Russia for summer.

References

- Alymov S. (2010) Nesluchaynoe selo: sovetskie etnografy i kolkhozniki na puti 'ot starogo k novomu' i obratno [A nonrandom village: Soviet ethnographers and collective farmers on the way 'from the old to the new' and back]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 1, pp. 109–129.
- Anokhina L. A., Shmeleva M. N. (1964) *Kultura i byt kolkhoznikov Kalininskoi oblasti* [Culture and Everyday Practices of Collective Farmers in the Kalinin Region], Moscow.
- Kuznetsova O. V. (2014) Tipologiya faktorov sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii [Typology of factors of the social-economic development in Russian regions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografija*, no 2, pp. 3–8.
- Maksimov S. V. (1984) *God na Severe* [A year in the North], Arkhangelsk.
- Pokrovsky N. E., Nefedova T. G. (2014) Ugorsky proekt — klyuch k ponimaniyu Blizhnego Severa [Ugrian project as a key to understanding the Near North], *Potentsial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologiya, selskie poseleniya. K 15letiyu Ugorskogo proekta*, Moscow: Logos.
- Popikhina Yu. S. (2021) *Kuzreka. Pomorskoe selenie Belomoriya* [Kuzreka. Pomor village in the White Sea Region], P.g.t. Umba.
- Semenov P. P. (1880). Muraevenskaya volost [Muravene volost]. *Sbornik materialov dlya izucheniya selskoj pozemelnoj obshchiny*, Saint-Petersburg.
- Shingarev A. I. (1907) *Vymirayushchaya derevnya: Opyt sanitarno-ekonomicheskogo issledovaniya dvuh selenij Voronezhskogo uezda* [An Endangered Village: A Sanitary-Economic Study of Two Villages in the Voronezh District], Saint-Petersburg: Obshchestvennaya polza.
- Tregubov N. M. (1907) Sibirskoe pereselencheskoe selenie village Chistyunka Barnaulskogo uezda, Barnaulskoj volosti (materialy po izucheniyu pereselencheskogo voprosa po podvornym perepisyam 1897, 1901 i 1905 godov) [Siberian resettlement village Chistyunka, Barnaul district, Barnaul volost (the study of the resettlement issue based on the household censuses of 1897, 1901 and 1905)]. *Altajskiy sbornik: izdatelstvo Altajskogo podotdela Zapadnosibirskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, Barnaul.
- Fenomenov M. Ya. (1925a) *Sovremennaya derevnya. Opyt kraevedcheskogo obsledovaniya odnoj derevni. Ch. I: Proizvoditelnye sily derevni* [Contemporary Village. A Local Lore Study of One Village. Part I: Productive Forces of the Village], Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo.
- Fenomenov M. Ya. (1925b) *Sovremennaya derevnya. Opyt kraevedcheskogo obsledovaniya odnoj derevni. Ch. II: Stary i novy byt* [Contemporary Village. A Local Lore Study of One Village. Part II: Old and New Everyday Practices], Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo.
- Chistobaev A. I. (1989) *Sovhoz v 'glubinke' Nechernozemiya* [State farm in the 'hinterland' of the Non-Black Earth Region]. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, no 121, pp. 499–506.

Неравенство в образовании на селе

С. В. Ерёмин

Сергей Владимирович Ерёмин, заместитель директора института среднего профессионального образования имени К. Д. Ушинского Московского городского педагогического университета; 115230 Москва, Варшавское шоссе, 44А.
E-mail: ereminsv@mgpu.ru

Аннотация. В статье на примере Самарской области рассматривается вопрос влияния процессов оптимизации структуры сельской общеобразовательной сети на преодоление неравенства качества образования детей, проживающих в сельской местности. Приводится сравнительный анализ данных об учителях, работающих в городских или сельских школах, ведущих учебные предметы, которые не соответствуют полученной специальности. Рассматриваются возможные способы (измерители) оценки влияния оптимизации структуры сельской общеобразовательной сети на качество образования детей. Представлен анализ изменений качества образования обучающихся на основе результатов основного государственного экзамена (ОГЭ) и единого государственного экзамена (ЕГЭ) в зависимости от вида «оптимизации»: реорганизации малочисленной школы, являющейся самостоятельным юридическим лицом, в филиал другой школы или изменения уровня реализуемых образовательных программ (преобразование средней школы в основную или основную — в начальную) с организацией подвоза детей в более крупную школу.

Ключевые слова: оптимизация структуры сельской общеобразовательной сети, качество образования, общеобразовательный центр, Самарская область

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-124-134

Вопросам оптимизации структуры сети сельских школ уделяется существенное внимание на протяжении уже более двух десятков лет. Авторами в это время рассматривались такие, к примеру, темы, как: «Формы и методы реструктуризации сетей общеобразовательных учреждений в регионе (на примере Тверской области)» (Каспржак, 2007); «Экономические отношения по оптимизации системы образовательных учреждений региона» (Скоблева, 2000); «Организационно-педагогические условия оптимизации региональных моделей реструктуризации сети общеобразовательных учреждений на селе» (Соборнова, 2004); «Оптимизация сети учреждений как условие развития районной образовательной системы» (Соколенко, 1998); «Развитие региональной системы общего образования в условиях реструктуризации сети общеобразовательных учреждений» (Угрюмов, 2005) и т.д.

Представленный перечень позволяет определить, что основу исследований составляли организационно-финансовые вопро-

сы оптимизации структуры общеобразовательной сети. Однако ранее исследователями, по сути, не затрагивалась тема влияния процессов оптимизации на преодоление неравенства в качестве образования детей, проживающих в сельской местности. Данный вопрос является ключевым, иначе зачем проводить оптимизацию? Ведь не ради достижения экономических эффектов, поскольку именно в погоне за экономической выгодой в ущерб сельским детям, а также в «умертвлении» деревень и сёл чаще всего обвиняют управленцев от образования противники оптимизационных мер!

При этом «обвинители», как правило, не обращают внимания на проблемы, имеющиеся в сельских, особенно малокомплектных школах, прежде всего в кадровом обеспечении.

В этой связи хочется привести лишь один пример.

Таблица 1. Доля учителей Самарской области, ведущих учебные предметы не соответствующие профилю своего профессионального образования

Учебный предмет	2019/2020 учебный год		2013/2014 учебный год	
	муниципальные районы	городские округа	муниципальные районы	городские округа
информатика	44,9%	26%	58,1%	23,2%
обществознание	26,1%	16,6%	36,1%	9%
история	24,1%	14,7%	28,8%	8,1%
химия	28,2%	12,2%	21,1%	8,1%
физика	27,1%	14,4%	20,3%	9,6%
иностраннный язык	14,3%	5,1%	14,7%	2,8%
биология	17,4%	11,8%	14,7%	3,1%
литература	10,4%	4,9%	10,2%	2,3%
русский язык	10,2%	5%	9,3%	2,2%
математика	9,1%	7,9%	5,1%	3,1%

Как видно из таблицы 1, по всем указанным учебным предметам доля учителей, ведущих учебные предметы, не соответствующие профилю своего профессионального образования, по всем сельским муниципальным районам выше (иногда более чем в 2 раза), чем в городских округах.

Влияет ли подобная ситуация на качество образования? Думается, что иного ответа, кроме «да», здесь быть не может. Однако следует обратить внимание, что улучшение (то есть снижение) значения рассматриваемого показателя в школах, расположенных в сельских муниципальных районах, произошло по 4 из 10 учебных предметов (информатика, обществознание, история, иностраннный язык). В то же время в городских округах проблема стала острее по всем 10 учебным предметам (в отдельных случаях значение показателя ухудшилось более чем в 2–3 раза).

Это стало следствием того, что в сельских территориях в рассматриваемый период продолжалась практика оптимизации структуры общеобразовательной сети, тогда как в городских округах подобного рода управленческие решения практически не применялись.

Возвращаясь к главному вопросу — преодолевается ли неравенство в образовании при оптимизации структуры сети сельских школ? — необходимо прежде всего определиться с измерителем преодоления неравенства, ведь многие способы оценки изменений образовательных результатов не могут быть объективными в полной мере.

Так, сравнение среднего балла оценок обучающихся одной параллели, выставяемых в реорганизованных школах и «общеобразовательных центрах», представляется непродуктивным из-за разных подходов к организации образовательного процесса и оцениванию учителями обучающихся.

Результаты контрольных работ одной параллели также не могут в полной мере рассматриваться в качестве объективных, поскольку процедура их проведения не может считаться прозрачной, лишенной педагогического и административного вмешательства.

Качественное сравнение образовательных результатов одних и тех же обучающихся до и после перехода к обучению в другую школу также представляется невозможным: во-первых, в силу разных подходов к организации образовательного процесса и оцениванию учителями обучающихся в «старой» и в «новой» школах, а во-вторых, ввиду того, что ребенок приходит не только в новую школу, но и в новый класс с новым набором учебных предметов, распределением учебной нагрузки, иногда с иными образовательными программами.

Учитывая вышеуказанные ограничения, наиболее объективным подходом к оценке изменения образовательных результатов, выявляемых в качестве последствий оптимизации структуры общеобразовательной сети в сельской местности, стоит признать анализ результатов, продемонстрированных по итогам государственной итоговой аттестации в форме ОГЭ или ЕГЭ в реорганизованных школах до момента их реорганизации, и результатов обучающихся, которые обучались в данных школах, но завершали соответствующие уровни образования после принятия «оптимизационных» мер. Такой подход был применен автором в Самарской области.

В силу самой процедуры проведения ОГЭ и ЕГЭ (унифицированные задания, прозрачность проведения, отсутствие возможности для педагогического и административного вмешательства) результаты, демонстрируемые обучающимися, обладают максимальной степенью объективности.

Некоторым ограничением подобного подхода является тот факт, что комплекс заданий в рамках ОГЭ и ЕГЭ из года в год подвергался существенным изменениям, а значит, сравнение средних баллов не может считаться верным.

Для преодоления данного ограничения автором рассматривалось изменение среднего балла по каждому выпускнику, обучавшемуся в реорганизованной школе до момента ее реорганизации, и среднего балла по каждому выпускнику, который ранее обучался в реорганизованной школе, но завершал соответствующий уровень образования после проведения оптимизации структуры общеобразовательной сети, в сравнении со среднерегionalными баллами по тому или иному учебном предмету.

Период анализа результатов охватывал довольно продолжительный (десятилетний) период времени: с 2010 по 2019 год. Соответственно, анализу подвергались результаты выпускников школ Самарской области, реорганизованных в указанный период, а именно:

- 1) 5 средних общеобразовательных школ, ставших основными (по итогам проведения ЕГЭ);
- 2) 6 основных общеобразовательных школ, ставших начальными (по итогам проведения ОГЭ);
- 3) 8 основных общеобразовательных организаций, ставших филиалами (по итогам проведения ОГЭ).

В рамках первой из указанных категорий были проанализированы результаты ЕГЭ 70 выпускников средних общеобразовательных школ до их реорганизации в основные школы и 43 выпускников, которые завершали обучение в «общеобразовательных центрах», но ранее обучались в данных образовательных организациях.

В рамках второй категории анализировались результаты ОГЭ 100 выпускников основных общеобразовательных школ до их реорганизации в начальные школы и 95 выпускников, которые завершали обучение в «общеобразовательных центрах», но ранее обучались в данных образовательных организациях.

В рамках третьей из указанных категорий анализу подвергались результаты ОГЭ 118 выпускников основных общеобразовательных школ до их реорганизации в филиалы и 81 выпускника, которые завершали обучение в данных школах после проведения «оптимизационной» процедуры.

Особо следует подчеркнуть, что автором исследования было принято решение давать оценку изменения экзаменационных результатов выпускников школ до и после принятия «оптимизационных» мер по общей совокупности данных. Это позволило учесть все полученные данные вне зависимости от года реорганизации той или иной школы, а также уйти от сравнения по годам, поскольку в отдельные периоды численность детей, сдававших экзамен даже по обязательным учебным предметам (русский язык и математика), составляла 1–2 человека.

В таблицах 2 и 3 приведены примеры сравнения результатов выпускников малокомплектных сельских школ до и после их реорганизации, хотя, в силу специфики проведения ОГЭ и ЕГЭ, наибольшей степенью объективности обладают результаты по математике

и русскому языку, поскольку эти учебные предметы в анализируемый период являлись обязательными для сдачи, тогда как количество выпускников, сдававших экзамены по другим учебным предметам («по выбору») было существенно меньшим (в отдельных случаях — не более 1 человека, а иногда и полное их отсутствие за период с 2010 по 2019 год) и довольно сильно отличалось в разные периоды.

Таблица 2. Сравнение результатов ЕГЭ по биологии

До реорганизации СОШ в ООШ					После реорганизации СОШ в ООШ				
Год сдачи	Фамилия	Балл	Сред. балл в регионе	Разница	Год сдачи	Фамилия	Балл	Сред. балл в регионе	Разница
2010	Николаева	43	59,4	-16,4	2013	Ковалёва	61	62,4	-1,4
	Шагалкина	46	59,4	-13,4	2018	Козлов	47	54,6	-7,6
	Дунаева	43	59,4	-16,4		Пустякова	30	54,6	-24,6
	Ергунева	46	59,4	-13,4					
	Сизова	62	59,4	2,6					
2012	Кутлеметова	41	58,9	-17,9					
2013	Дегтярев	44	62,4	-18,4					
	Сред. разница			-13,3		Сред. разница			-11,2

Таблица 3. Сравнение результатов ОГЭ по химии

До реорганизации ООШ в НОШ					После реорганизации ООШ в НОШ				
Год сдачи	Фамилия	Балл	Сред. балл в регионе	Разница	Год сдачи	Фамилия	Балл	Сред. балл в регионе	Разница
2010	Алексеева	27	25,4	1,6	2016	Мезенина	21	26,7	-5,7
2012	Киселева	11	23,1	-12,1	2017	Мукашова	34	27,8	6,2
	Лизунков	16	23,1	-7,1	2018	Сергеева	29	28,1	0,9
					2019	Чуракова	33	27,9	5,1
	Сред. разница			-5,9		Сред. разница			1,6

Далее на графиках рассмотрим отклонение результатов выпускников школ до и после их реорганизации и начнем с результатов, полученных при сдаче государственной итоговой аттестации в фор-

ме ЕГЭ выпускниками уровня среднего общего образования пяти средних общеобразовательных школ, ставших основными, и выпускниками, которые после реорганизации данных школ заканчивали 10–11-й классы в других средних школах, куда был организован школьный подвоз.

График 1. Отклонение от среднерегionalных значений результатов ЕГЭ выпускников до и после реорганизации средних школ в основные

Из представленного графика 1 можно сделать следующие выводы:

1. Существенно улучшились (по сравнению с результатами выпускников до реорганизации) результаты выпускников после реорганизации по учебным предметам, обязательным для сдачи в рамках государственной итоговой аттестации в форме ЕГЭ: русскому языку и математике. Причем по обоим учебным предметам результаты выпускников после реорганизации в среднем оказались выше среднерегionalных значений, что для детей, проживающих не просто в сельской местности, а в малочисленных населенных пунктах, является вполне успешным результатом.

2. Несмотря на то что по физике результаты выпускников после реорганизации, выбравших данный предмет для сдачи ЕГЭ, оказались хуже, чем выпускников до реорганизации (что не удивительно, поскольку некоторые исключения из общей тенденции были ожидаемы), по четырем учебным предметам «по выбору» (обществознанию, биологии, истории и литературе) результаты выпускников после реорганизации оказались выше (причем по литературе выше среднерегionalных значений).

Далее рассмотрим результаты, полученные при сдаче ОГЭ выпускниками шести основных общеобразовательных школ, ставших начальными, и выпускниками, которые после реорганизации этих школ заканчивали данный уровень образования в других школах, куда их подвозили.

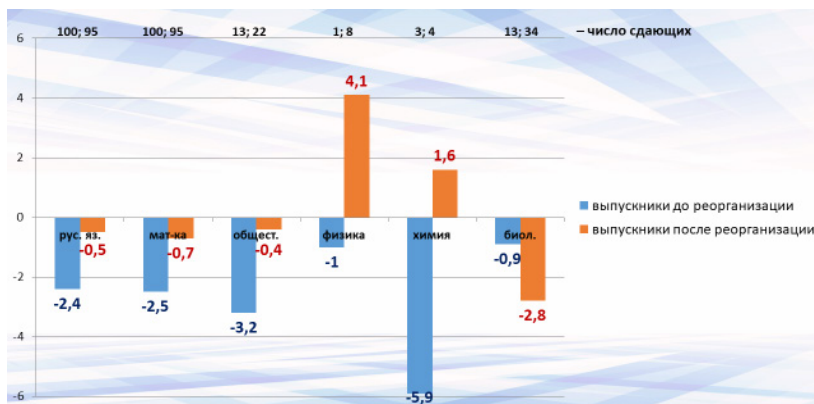

График 2. Отклонение от среднерегionalных значений результатов ЕГЭ выпускников до и после реорганизации основных школ в начальные

Из графика 2 можно сделать следующие выводы:

1. Существенно улучшились (по сравнению с результатами выпускников до реорганизации) результаты выпускников после реорганизации по учебным предметам, обязательным для сдачи в форме ОГЭ: русскому языку и математике.

2. Несмотря на то что по биологии результаты выпускников после реорганизации, выбравших данный предмет для сдачи ОГЭ, оказались хуже, чем выпускников до реорганизации (что, как уже говорилось ранее, не удивительно, поскольку некоторые исключения из общей тенденции были ожидаемы), по трем учебным предметам «по выбору» (обществознанию, физике и химии) результаты выпускников после реорганизации оказались выше (причем по физике и химии выше среднерегionalных значений).

Также необходимо отметить невозможность сравнения результатов выпускников до и после реорганизации по ряду учебных предметов из-за того, что они не выбирали учебные предметы для сдачи государственной итоговой аттестации: так, учебные предметы «География», «Информатика», «Литература» и «История» выбрали только выпускники после реорганизации (соответственно, 20, 2 и 1 человек).

Не вполне очевидным выглядит сравнение результатов по физике, поскольку данный учебный предмет из числа выпускников основных общеобразовательных школ, реорганизованных впоследствии в начальные школы, выбрал только один человек. Однако в вышеприведенной таблице можно отметить превышение среднерегionalного значения у выпускников, которые после реорганизации своих школ завершали уровень основного общего образования в других школах, что является вполне успешным результатом.

В графике 2 не приводятся данные по результатам выпускников после реорганизации по учебным предметам, которые нельзя срав-

нить с результатами выпускников до реорганизации. Однако следует отметить, что:

1. По литературе оба выпускника, сдававших данный учебный предмет «по выбору», получили количество баллов, равное средне-региональному значению.

2. По истории единственная выпускница, выбравшая данный учебный предмет для сдачи ОГЭ, превысила среднерегionalное значение на 10,3 балла.

3. По информатике оба сдававших этот учебный предмет «по выбору» превысили среднерегionalное значение (на 0,2 и 8,2 балла).

4. По географии средний балл двадцати сдававших этот учебный предмет выпускников на 2,2 балла превысил среднерегionalное значение.

Далее рассмотрим результаты, полученные при сдаче ОГЭ выпускниками восьми основных общеобразовательных школ, до того момента, как они стали филиалами «общеобразовательных центров, и выпускниками, которые заканчивали эти школы, уже не имевшие статуса самостоятельного юридического лица.

График 3. Отклонение от среднерегionalных значений результатов ОГЭ выпускников до и после реорганизации основных школ в школы-филиалы

Анализируя результаты, представленные в графике 3, можно отметить следующее:

1. Незначительно, но улучшились результаты выпускников после реорганизации по учебным предметам ОГЭ: русскому языку и математике.

2. Результаты выпускников после реорганизации оказались лучше, чем у выпускников до реорганизации, по трем учебным предметам «по выбору» (обществознанию, физике и химии) и хуже также по трем предметам (биологии, географии и литературе). В то же время результаты выпускников после реорганизации оказались

выше среднерегionalных значений по четырем учебным предметам (обществознанию, химии, географии и литературе), тогда как у выпускников до реорганизации — только по двум (географии и литературе).

Необходимо констатировать, что незначительное улучшение результатов выпускников школ после их преобразования в филиал, по сравнению с результатами выпускников данных школ до проведения «оптимизационных» мероприятий, было ожидаемым, поскольку дети остались обучаться в тех же условиях, как правило, у тех же учителей, и лишь некоторая поддержка (например, методическая), оказываемая школе-филиалу со стороны «общеобразовательного центра», позволила немного продвинуться в вопросе преодоления неравенства в образовании.

Подводя итог, можно сделать несколько основных выводов.

Во-первых, оптимизация структуры общеобразовательной сети в сельской местности приводит к улучшению образовательных результатов обучающихся.

Во-вторых, наиболее значительное улучшение образовательных результатов обучающихся зафиксировано при ликвидации того или иного уровня образования в малочисленных сельских школах и организации подвоза обучающихся в «общеобразовательные центры».

В-третьих, преобразование сельских школ, являющихся самостоятельными юридическими лицами, в филиалы «общеобразовательных центров» в меньшей степени способствует решению ключевой проблемы общего образования: низких результатов обучающихся.

При этом стоит обратить внимание, что, хотя исследование проводилось только в Самарской области, этот субъект Российской Федерации имеет схожие черты со многими российскими регионами. Так, по социально-экономическим показателям, условиям расселения и составу населения Самарская область является среднекрупноселенным регионом с удовлетворительными межселенными связями (в том числе ввиду достаточно развитой транспортной ситуации и сети дорог) и демографической ситуацией (в первую очередь за счет миграционных процессов), к числу которых, к примеру, можно отнести Воронежскую, Волгоградскую, Ростовскую, Новосибирскую, Белгородскую, Липецкую области, республику Татарстан и Башкортостан. И хотя Самарская область по экономическим показателям является регионом-донором, внутри нее преобладают дотационные районы, что роднит ее с абсолютным большинством российских регионов.

Таким образом, при реализации схожих подходов к оптимизации структуры сельских общеобразовательных сетей можно прогнозировать получение схожих результатов и во многих других российских регионах.

- Каспржак А. А. (2007). *Формы и методы реструктуризации сетей общеобразовательных учреждений в регионе (на примере Тверской области)*. Дисс. ... канд. эконом. наук (08.00.05). М.: Институт региональных экономических исследований.
- Скоблева Э. И. (2000). *Экономические отношения по оптимизации системы образовательных учреждений региона*. Дисс. ... канд. эконом. наук (08.00.01). Кострома: Костромской государственный университет.
- Соборнова О. Э. (2004). *Организационно-педагогические условия оптимизации региональных моделей реструктуризации сети общеобразовательных учреждений на селе*. Дисс. ... канд. пед. наук (13.00.01). М.: Институт общего образования.
- Соколенко Г. А. (1998). *Оптимизация сети учреждений как условие развития районной образовательной системы*. Дисс. ... канд. пед. наук (13.00.01). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет педагогического мастерства.
- Угрюмов В. Н. (2005). *Развитие региональной системы общего образования в условиях реструктуризации сети общеобразовательных учреждений*. Дисс. ... канд. пед. наук (13.00.01). М.: Институт общего образования.

Educational inequality in rural areas

Sergey V. Eremin, Deputy Head of the Institute of Secondary Vocational Education named after K. D. Ushinsky, Moscow City University, 145230 Moscow, Varshavskoe Sh., 44A. E-mail: ereminsv@mgpu.ru

On the example of the Samara Region, the author considers the impact of the optimization of the rural educational network on disparities in the quality of education in rural areas. The article presents the results of the comparative analysis of teachers' work in urban and rural schools and in teaching different subjects (including not corresponding to the teacher's specialty). The author analyzes the possible ways to assess the impact of optimization of the rural educational network structure on the quality of children's education based on the results of the main state exam and the single state exam by type of optimization: reorganization of small schools (independent legal entities) into branches of another school, changes in the level of educational program (when high school turns into secondary one, and secondary school turns into primary one), transportation of children to a larger school, etc.

Key words: optimization of the rural educational network, quality of education, educational center, Samara Region

References

- Kasprzhak A. A. (2007). *Formy i metody restrukturyzatsii setey obshcheobrazovatelnykh uchrezhdeniy v regione (na primere Tverskoy oblasti)* [Forms and Methods of Restructuring the Networks of General Educational Institutions in the Region (on the example of the Tver Region)]. PhD thesis, Moscow.
- Skobleva E. I. (2000). *Ekonomicheskie otnosheniya po optimizatsii sistemy obrazovatelnykh uchrezhdeniy regiona* [Economic Relations to Optimize the System of Educational Institutions in the Region]. PhD thesis, Kostroma.
- Sobornova O. E. (2004). *Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya optimizatsii regionalnykh modeley restrukturyzatsii seti obshcheobrazovatelnykh uchrezhdeniy na sele* [Organizational-Educational Conditions in the Optimization of Regional Models for Restruc-

- turing the Network of General Educational Institutions in the Countryside]. PhD thesis, Moscow.
- Sokolenko G. A. (1998). *Optimizatsiya seti uchrezhdeniy kak usloviye razvitiya rayonnoy obrazovatel'noy sistemy* [Optimization of the Institutional Network as a Condition for the Development of the District Educational System]. PhD thesis, Saint Petersburg.
- Ugryumov V. N. (2005). *Razvitie regional'noy sistemy obshchego obrazovaniya v usloviyakh restrukturizatsii seti obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Development of the Regional System of General Education under the Restructuring of the General Educational Institutions Network]. PhD thesis, Moscow.

«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

В. В. Кондрашин, А. М. Никулин

Виктор Викторович Кондрашин, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН. 117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
E-mail: vikont37@yandex.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: harmina@yandex.ru

Аннотация. Интервью доктора исторических наук, профессора В. В. Кондрашина отражает основные вехи его биографии как человека и ученого на фоне истории науки и политики России XX–XXI веков. В этой биографической рефлексии запечатлены события детства, пробудившие в ребенке интерес к истории, преодоление трудностей вхождения в академическую жизнь юноши из народа, выживания историка в условиях социального кризиса 1990-х годов. Важное место в интервью В. В. Кондрашина занимают размышления о его учителях историческому ремеслу со школьной и университетской скамьи до академических аудиторий — В. В. Данилова и В. В. Кабанова, М. Левина и Т. Шанина. Значительная часть интервью посвящена важнейшим направлениям исторических исследований Кондрашина и его коллег. Это прежде всего история российской и советской деревни в условиях революций и реформ XX века, отразившаяся в крестьянских войнах, политике НЭПа, коллективизации, Второй мировой войне и позднесоветском периоде аграрной истории. Интервью не замыкается исключительно на российском историческом контексте — Кондрашин касается международных аспектов интернациональных научных проектов, связанных с изучением истории голода 1932–1933 годов в СССР, а также собственно феномена выживания и развития Советского Союза в его взаимодействии с ближними и дальними соседями-странами. Именно поэтому в интервью уделяется много внимания сотрудничеству российских ученых с коллегами их Украины, Белоруссии, Казахстана, стран Восточной Европы, Франции, Англии, США, Японии, Австралии. Особая часть интервью — размышления на тему «историк и власть». В силу своей активной общественной позиции В. В. Кондрашину приходилось и приходится достаточно много заниматься разнообразной общественно-политической деятельностью, включая опыт работы сенатором в Совете Федерации. Интервью завершается обсуждением новых творческих планов ученого в год его шестидесятилетнего юбилея.

Ключевые слова: история, крестьянство, революция, реформы, НЭП, коллективизация, СССР

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-135-171

А. М. НИКУЛИН: Виктор, я рад, что в этом биографическом интервью в год твоего шестидесятилетия мы поговорим о твоей судьбе ученого и человека. Естественно, начнем с времен детства, а затем примемся обсуждать историческую хронику дальнейших событий жизни.

В. В. КОНДРАШИН: Я родился в семье рабочего и крестьянки. Отец был крестьянином, уехал в город учиться, а после армии так в городе и остался. Записано, что я родился в Пензе, но мое детство проходило в селе Иваньере, откуда был родом мой отец, это Лунинский район Пензенской области. Маму мою он привез из Западной Белоруссии из деревни Луцевичи, с хутора. Служил там в армии и увез маму в Пензенскую область. Мама рассказывала, как после родов носила меня на руках в райцентр в Лунино, чтобы меня там осмотрел врач. Кстати, я давно уже депутат Заксобрания Пензенской области. Однажды было заседание, на котором обсуждалось строительство новой дороги от села Иваньере до Лунино, и было сказано, что дорога 7 км. Я возмутился: «Меня матушка носила на руках, там 4,5 км! Откуда взяла лишние километры?» И губернатор в ответ: «Ну что же, пусть Виктор Викторович и контролирует строительство этой дороги, раз он ее хорошо знает!»

А. М. НИКУЛИН: Проконтролировал?

В. В. КОНДРАШИН: Ну да, мы это дело подкорректировали. В дальнейшем отец стал работать на компрессорном заводе в Пензе. Интересно, что, когда я уже был сенатором, однажды в разговоре с нынешним директором этого завода, на котором отец проработал всю жизнь обычным токарем, я сказал ему об этом, а он мне: «Мы планируем поставить у завода памятник токарю — давай с твоего отца сделаем?» И вот сейчас в Пензе есть памятник токарю, который стоит в сквере завода СтанкоМашСтрой — и это мой отец! С него ваяли скульптуру! Матушка, Надежда Онуфриевна, была на открытии памятника, рассказывала, что рабочую робу, как на скульптуре, она стирала всю жизнь. Отец простоял за одним станком 35 лет: был специалистом высшего разряда, с личным клеймом на изготавливаемые им детали. Поскольку он и мама были из деревни, все летние каникулы я обычно проводил в деревне — либо в Иваньере, либо ездил в Белоруссию.

А. М. НИКУЛИН: Иваньере — это мордовское название?

В. В. КОНДРАШИН: Нет, это в переводе на русский язык «Иваново место». Да, с мордвой связано, потому что это мордовские места, но там были земли московского Чудова монастыря, монастырская земля и монастырские крестьяне. Туда русских перевели, и образовалось русское село в мордовском окружении. Большое было село. Семья бабушки была достаточно зажиточной, поэтому деда раскулачили, но бабушка в колхоз не вступила, была очень набожная. После того, как ее муж, мой дед, погиб на войне, жила всю жизнь одна, воспитывала двух сыновей. Я, бу-

дучи подростком, участвовал в Иванырске в бабушкиных моленьях, прекрасно знал псалтирь. Когда стал студентом пединститута, написал дипломную работу о духовной семинарии, «революционном движении молодежи в годы империализма», как тогда говорили. Так что сам я выходец из рабочих и крестьян, у которого все детские годы прошли в деревне. Там же получил свою первую зарплату за то, что с двоюродным братом вывозил навоз из колхозного коровника. Было мне тогда лет 8–9, я сидел на лошади и «рулил», а брат накладывал вилами навоз. Заплатили мне тогда 5 рублей, что ли. На эти деньги я купил шкатулку для матушки, которую она сохранила до настоящего времени. Отец-то выпивал, пришлось терпеть его пьяные выходки, но токарем он был прекрасным и человеком прямым, честным, правдоруком. Помню, как в подпитии он называл свое заводское начальство «лжекоммунистами». Мать я очень жалел всегда. В общем, все детство я провел в деревне: пас коров, работал на току, и опыт по «деревенской части» у меня большой. В деревне мне нравилось, особенно в белорусской, где люди были позажиточнее и повеселее, чем в Иванырске.

А. М. НИКУЛИН: Ты бывал и в белорусской деревне, и в пензенской?

В. В. КОНДРАШИН: Да. Сейчас я руковожу большим совместным проектом Федерального архивного агентства и Национального архива Республики Беларусь Министерства культуры и архивов Белоруссии о развитии экономики Беларуси. Под моей редакцией уже подготовлено два тома, первый называется «Восстановление сельского хозяйства советской Белоруссии» — я предложил посвятить его моей бабушке Степаниде и всем белорусским крестьянам, пережившим военное лихолетье. Но «высоким начальством» было сказано: «Почему же только крестьянам? Партийные органы тоже работали!» — так что решили никому не посвящать. Сейчас завершаю работу над второй книгой о развитии сельского хозяйства Белоруссии в 1946–1950 годы, там у меня собран большой материал, и я обязательно посвящу ее бабушке, которая всю жизнь проработала колхозницей. Мама моя, 1940 года рождения, хорошо помнит ситуацию, когда в Западной Белоруссии создавались колхозы, как за них агитировали. Как кричали женщины, когда в деревне появился первый комбайн, как плакали, когда коров отдавали. Как радовались, что в колхозах стали платить деньги, что стали жить лучше, чем в единоличном хозяйстве. Она помнит и как при немцах жили. А бабушка после колхоза работала сторожем в мехколонне, находившейся рядом с ее хутором. Сначала там была военная база, в том числе немецкая во время войны. И немцы, охранявшие эту базу, жили у нее в доме. А потом, в конце 1950-х годов, на этой базе папа служил. Я все время расспрашивал бабушку: как было при поляках, как было при немцах, что она помнила про партизан и т.д. — так я и заинтересовался историей. Бабушка говори-

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

ла: «О, будет профессор Дудка!» (в Польше был какой-то известный профессор Дудка). И она меня так называла. Кстати, один мой дед служил в польской армии, потом в Красной, погиб. Другой дед служил в Красной армии. Тоже погиб. Один — под Сталинградом, другой — при освобождении Польши. Мой интерес к крестьянству был связан с тем, что я всегда любил жить в деревне. И моя мама очень хотела, чтобы я из простой семьи «выбился в люди», старалась давать мне какое-то развитие. По ее настоянию я стал учиться в музыкальной школе, играть на баяне и балалайке. Когда приезжал в Белоруссию, бабушка находила баян, и на вечеринках я «жег» белорусские песни. Мне очень нравился крестьянский труд. Я знаю поведение коров — поскольку я их пас, а также гусей, собак. Все через меня прошло, я никогда не ощущал себя на 100% горожанином. В Пензе учился в школе, которая находилась рядом с районом Райки, где, как говорили в городе, жили «враги советской власти»: бывшие кулаки, спецпоселенцы, вернувшиеся из ссылки и тюрем, поэтому этот район был бандитским. И 14-я моя школа считалась «тяжелой», в ней было много проблемных детей, «уголовников». Долгое время особых успехов в учебе я не показывал, болтался в основном на улице: меня даже на учет в детскую комнату милиции ставили за драки. В классе 7–8-м я вместе со студентами ездил на «перевоспитание», получил 3-й разряд каменщика. Недавно возвращаясь в Пензу к матушке, которой исполнялся 81 год, дай Бог ей здоровья, проезжал через Кузнецк и Махалино, где на кирпичном заводе работал подростком и со студентами строил котельную. Мои родные места! А потом вдруг появился интерес к истории.

А. М. НИКУЛИН: Но ведь и в неблагоприятной хулиганской среде надо бы иметь интеллект и любознательность. Здесь тоже способности нужны.

В. В. КОНДРАШИН: Ну я не был никогда забитым. Классе в 7–8-м стал боксом заниматься, чтобы мать защищать от отца, когда он пил. И в 8-м классе даже бросился на него с кулаками. Неплохой был боксер, но после того, как мне выбили челюсть, боксом заниматься перестал. И в школе был спортсменом. У меня обнаружили определенные способности к спорту — хорошо бегал, бросал гранату — метров на 45, представляешь? Был жилистый такой. Потом даже стал чемпионом по большому теннису в регионе, мастеров обыгрывал. Физически я был воспитан на улице и в секциях. При этом все отменяли, что у меня есть трудолюбие и упорность, что я трудолюбивый человек.

А. М. НИКУЛИН: Вот не знал, что у тебя такой спектр спортивных достижений! Но ты же еще прекрасно на гитаре играешь, когда ты после баяна еще и гитару освоил?

В. В. КОНДРАШИН: Ну я ее как любой подросток осваивал. У меня много гитар, штук 5–6: привез из Японии «Ямаху», дорогую классику. Когда ездил с Владимиром Бабашкиным в Корею, в Сеул, по приглашению историка Ким Чан Джина, который женат

на богатой женщине, владелице клиники, там в музыкальном магазине увидел отдел гитар, зашел, взял самую дорогую и стал на ней играть. Ким позвонил жене, она скомандовала: «Купить!» Купили. Затем она сняла на вечер кафе в Сеуле и пригласила туда всевозможную интеллигенцию. Я играл на гитаре, Владимир с женой на фоно и потом мне эту гитару подарили! Но я мечтал о классической испанской гитаре, которая стоит очень дорого, очень! К моему 60-летию моя жена Лена сказала: «Давай продадим гараж и купим гитару?» Продали, не хватило, добавили, что было, и у меня появилась Пруденсио. В Москве таких гитар продавалось всего две. Мадагаскарский кедр! Такая вот у меня спутница жизни. Я ее уже 32 года люблю.

А. М. НИКУЛИН: Но не все подростковые гитаристы доходят до исполнения Баха или Генделя.

В. В. КОНДРАШИН: Раньше я на баяне в основном играл. В институте пару раз на концертах художественности исполнял на баяне Битлз «Естудей», «Мишель», «Герл». Потом баян забросил. В институте каждую осень мы выезжали в колхоз и там организовывали «ансамбль», где я был басистом, так как еще в школе играл в ансамбле на бас-гитаре. Голос был, потом пропал. На бас-гитаре я играл довольно прилично для школьного и студенческого ансамблей, но потом понял, что мне просто нравится играть на гитаре. Инструмент не громкий, камерный, можно на нем потихоньку брэнчать и никому не мешать. И я стал играть на гитаре для собственного развития, даже играл в метро в Москве за деньги, и полонез Огинского, и Франциско Таррегу. Когда работал ассистентом Моше Левина, был на стажировке в институте Кеннана и на пару недель пропал, потом появился в Филадельфии грязный весь, поскольку на перекладных ездил туда и обратно из Вашингтона в Сан-Франциско, в Университет Беркли, где находился Славянский центр. И Левин мне сказал: «Что Вы как машина, так нельзя! Если Вы так будете жить, Вас надолго не хватит! Самая хорошая тренировка для мозга — это игра на музыкальном инструменте». Сейчас после болезни ковидом обратил внимание, что играю «Сарабанду» Баха и вдруг не помню, что дальше играть. Начинаю по нотам восстанавливать, потом вдруг еще кусок партитуры забываю. Иными словами, игра на музыкальных инструментах — это и удовольствие, и форма поддержания интеллекта, поэтому я каждый день стараюсь играть на гитаре. Причем я играю только то, что мне нравится, например, «К Элизе», «Лунную сонату» Бетховена, «Фолию» Фернандо Сора, «Арию» Баха, «Зеленые рукава», Packerington's round и т.д. Эта музыка берет за душу! И появляется желание работать и радоваться жизни.

Да, так сложилось, что гитара — это отдых, но это и помощь. Когда одно время я работал в Пензе завкафедрой в педагогическом университете, появились проблемы — меня пытались «поставить на место», мешали, сталкивали с ректором. И я думал — что

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

же мне делать? Я ведь просто работаю и никому ничего не доказываю. Но люди разные, одни меня ценили, а другие палки в колеса вставляли. И я решил выступить на институтском концерте художественной самодеятельности в честь 8 марта: сыграл «Вальс» Гомеса в ми-миноре, «Город золотой» с вариациями В. Вавилова — и стал «народным артистом»! Проректор говорил: «Какой еще профессор у нас так выступает?! Оставьте его в покое, пусть занимается». Так что иногда музыка помогает. В Архиве экономики (РГАЭ) я на юбилее играл на баяне, потом сотрудники архива говорили про меня: «О, это гармонист!» Нужен был билет в Америку, но его не было, и мне достали билет как гармонисту. А еще у меня был опыт игры в метро, играл в лихие 90-е. Я понял, что людям нужно создавать настроение. На праздновании вышеупомянутого юбилея Архива экономики выступал профессиональный баянист из Росконцерта, так сотрудницы архива ко мне подошли: «Виктор, давай лучше ты играй!» И я как вдарил по клавишам — тот баянист мне потом сказал: «Ты лучше, у тебя кураж есть». Кураж должен быть! Если музыкант без куража демонстрирует высокую технику исполнения, эффекта не будет. В метро было так — обычно играл только то, за что давали больше денег: «Синий платочек», «На сопках Манчжурии», «Прощание славянки», «Кадриль». Играю, а милиция меня начинает выгонять из метро. Тут женщины бросаются на защиту — мол, пусть играет, для семьи старается, и хорошо играет! Впервые я спустился в метро на заработки в феврале 1992-го, когда понадобились деньги на банкет после защиты кандидатской диссертации. Эту идею подсказали мне мои друзья по аспирантской общаге на Островитянова, где я жил. Я сначала возмутился: «Как это я пойду, как какой-то нищий, позор!», а потом деваться-то некуда: «Ну ладно!» Лучше всего я играл «матросские песни», одетый в тельняшку, — развернешь меха, сразу рубль кладут! Потом я понял, что не надо изображать «матроса», надо просто создавать людям своей игрой хорошее настроение. Одевался опрятно и играл. Как правило, за игру платили москвичи, идущие на работу или с работы, не приезжие! Самые лучшие «денежные места» в московском метро — переход с «Кировской» на «Тургеневскую», с «Театральной» на «Охотный Ряд». Еще был большой переход с кольцевой на радиальную на станции «Павелецкая». Все музыканты хорошо знали эти места.

Как я стал работать в проектах Теодора Шанина? Играл на баяне в метро, в переходе между «Кировской» и «Тургеневской», сейчас это «Чистые пруды», в середине зала и меня увидел там Виктор Петрович Данилов. Сначала опешил, остановился, посмотрел на меня и пошел дальше... Потом предложил в качестве историка участвовать в Шанинском проекте «Сельская Россия»: писать очерк села Лох. Моя «зарплата» в этом проекте равнялась 26 долларам.

А. М. НИКУЛИН: К музыке еще вернемся. Вот ты сказал: «У меня стал проявляться интерес к истории». А когда?

В. В. КОНДРАШИН: Интерес к истории — в 9-м классе. У нас тогда появился новый предмет «Обществоведение» и стали изучать историю России XX века. Но самое главное — новая учительница, преподававшая эти предметы, Семушкина Антонина Ивановна, одновременно ставшая и классным руководителем в классе, где я учился. Она была заслуженным учителем, кавалером ордена Трудового Красного Знамени. Такая высокая добродная, властная женщина. А класс у нас был 0-го-го — некоторые из одноклассников потом в тюрьму сели, сейчас поумирало уже большинство... И она сумела нас всех «построить». Я еще химией увлекался, любил этот предмет, даже химикаты «воровал» у химички, но потом она их «официально» мне выдавала. Помню, отец принес с завода банку серной кислоты, чтобы я опыты ставил. Но в 9-м классе началась История, и я неожиданно обнаружил, что у меня память хорошая! Возник какой-то спортивный интерес, я стал заучивать тексты по истории и обществоведению и потом их воспроизводить. Антонина Ивановна поддержала мой интерес, и я решил, что буду поступать в пединститут на исторический факультет. Все смеялись: «Кондрашин учителем? Да он же бандит!» У нас завуч по воспитательной работе была, в школу мою маму вызывала за мои проделки, и мама плакала, потому что завуч говорила ей, что я кончу в тюрьме. А потом в этой же школе я стал считаться чуть ли не лучшим выпускником за все годы ее существования! Второй «лучший» — ныне действующий пензенский губернатор, из этой же школы. Причем нашу школу лет 15–20 назад ликвидировали, слили с другой.

В свое время я был сенатором, членом Совета Федерации ФС РФ, а моим «преемником» в Совете Федерации стал Олег Владимирович Мельниченко, сейчас — губернатор в Пензе. Как-то раз мы ехали с ним в поезде, и я говорю ему: «Олег, мы же с тобой учились в одной школе! А ее куда-то присоединили, ликвидировали, восстанови ее, пожалуйста» — и он восстановил! В Пензу недавно приезжала В. И. Матвиенко, и вместе с О. В. Мельниченко посетила именно восстановленную им нашу 14-ю школу! В школе мой портрет как одного из лучших спортсменов висел на доске почета. Но в 9-м классе я заинтересовался именно историей, в 10-м, как уже говорил, решил поступать в пединститут. Чтобы добиться этой цели, стал учиться по-настоящему! Учить все школьные предметы. До 9-го я как учился: нравится мне, так я выучу и отвечу, не нравится — троечник. Тогда чтобы легче поступить в вуз, нужно было в 9–10-м классах набрать в аттестат 75% четверок и пятерок. И в 9-м классе я стал отличником по большинству предметов. Легко запоминал статью страниц на 5–6, выходил и просто ее тарабанил, и в школе, и в институте. Все смотрели и удивлялись. Цитаты какие-то заучивал

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

в огромном количестве. Сейчас тоже могу запомнить, но быстро забываю, а тогда — нет. Так что полюбил историю, потому что бабушка в Белоруссии уж больно интересно рассказывала про войну и про все на свете, а в школе учитель истории хороший появился. В результате в 1978 году я поступил на историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В. Г. Белинского. К своему 50-летию я написал книгу «Люди во времени. Записки историка», назвал ее так, перефразировав своего любимого историка Марка Блока, автора всем хорошо известного «Ремесла историка», где он назвал историю наукой о людях во времени. В юбилейной книге я поместил свои публикации и размышления на исторические темы и посвятил я ее своей школьной учительнице истории Антонине Ивановне Семушкиной.

А. М. НИКУЛИН: Не знаю про эту книгу, если остался экземпляр — дай почитать!

В. В. КОНДРАШИН: Ладно. Когда я работал в Пензенском государственном педагогическом университете заведующим кафедрой и профессором, увлекся литературой, появилось хобби: в Институте усовершенствования учителей выступал с лекциями о том, как писатели занимались историей. Написал серию статей на эту тему: «Исторические сюжеты в творчестве Есенина», «Малышкин и коллективизация», «Лермонтов как буревестник революции», «Пушкин как историк». Последняя опубликована в Вестнике истории, литературы и искусства отделения историко-филологических наук РАН (2016. № 11. С. 116-131). В общем, возник интерес к истории, поэтому и стал историком. В Пензе иногда говорят, что я чуть ли не первый пензенский историк после В. О. Ключевского, который книги пишет, работает в Москве. Конечно, это перебор. С 1997 года я работаю завкафедрой истории России и методики преподавания истории ПГПУ (ПГУ), недавно опять переизбран на 5 лет. Моя кафедра — одна из лучших гуманитарных кафедр в университете. После моего приезда в Пензу, появилось пять или шесть докторов исторических наук, один из них — Олег Васильевич Ягов — вице-премьер пензенского правительства, Ольга Александровна Сухова — декан исторического факультета, настоящая звезда современной аграрной историографии. У меня всегда был и остается неподдельный интерес к талантливым людям, я вообще люблю людей. Историк должен любить людей и изучать их, но, конечно, не как «подопытных кроликов».

А. М. НИКУЛИН: У Марка Блока есть метафора: «Настоящий историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечинной, там, он знает, его ждет добыча».

В. В. КОНДРАШИН: Большую роль в моем становлении как историка сыграл Моше Левин, Михаил Львович, профессор Пенсильванского университета США. Он сумел привить мне особое

отношение к людям, к историческим источникам. Также я считаю себя учеником Виктора Петровича Данилова, хотя он и не был педагогом в классическом смысле этого слова, так как воспринимал своих учеников как конкурентов и особо не возился с ними, в том числе и со мной. Когда я защищал кандидатскую диссертацию в 1992-м в Институте российской истории РАН, моим вторым оппонентом был Василий Петрович Попов, в настоящее время известный историк-аграрник, профессор, доктор наук. На Ученом совете он предложил присвоить мне сразу степень доктора, так как моя кандидатская диссертация была в двух томах, в ней использовались и социологические материалы (результаты обследований 102 деревень 5 областей Поволжья и Южного Урала), и документы 65 архивов ЗАГС, в которых вручную мною были пересчитаны десятки тысяч справок о смерти, рождениях, чтобы восстановить картину голода 1932–1933 годов. Наряду с ними была перелопачена масса архивных документов. Большая была проделана работа, в двух томах! Но Данилов сказал: «Знаешь, у нас уже были подобные работы, я, например, молодым написал большую диссертацию, так что у нас не принято, чтобы сразу в доктора наук». А потом после защиты заявил: «Ты остановился в своем развитии, тебе надо менять тему». И я ее сменил: защитил докторскую диссертацию по новой теме «Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.».

Еще на меня как на историка «по-крупному» повлиял профессор Виталий Иванович Лебедев — руководитель дипломной работы в институте. Энциклопедист, краевед, изумительный человек, интересный, простой! Когда я поступил на первый курс и был отправлен с другими первокурсниками на сельхозработы, находившемуся вместе со студентами преподавателю И. Ф. Вилкову понадобились молодые люди, чтобы собирать в архиве материал по истории совхоза «Имени Октябрьской революции», где они и шли. Так в 17 лет я впервые попал в архив (Государственный архив Пензенской области) и корпел там над документами с открытия и до закрытия, буквально не вставая из-за стола. Уж очень увлекательно было работать с документами! А рядом сидели старые, заслуженные архивные работники и травили байки на исторические темы. Своей усидчивостью я поразил пославшего меня в архив преподавателя, который потом и познакомил меня с В. И. Лебедевым.

Виталий Иванович поддержал мой интерес к истории духовной семинарии, так как я с детства интересовался религией. В студенчестве я был худой, с длинными волосами, носил бороду и не был активистом-общественником или «блатным» (из «хорошей семьи»). На истфиле тогда училась местная элита — дети начальства, партработников и т.д., я же там оказался случайно. Будучи студентом, все свободное время ходил в архив, просмотрел там весь 120-й фонд Пензенской духовной семинарии. Побеждал в вузовской и межвузовских студенческих олимпиадах по истории. С 3-го курса ездил

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

в Москву, Ленинград, где работал в библиотеках и архивах по теме участия пензенской молодежи в революционном движении. Опубликовал на целый подвал в «Пензенской правде», областном партийном органе, статью «У истоков партии» о пензенцах — членах «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»! Нашел учительниц из Пензы, которые работали с Н. К. Крупской в воскресных школах Питера, установил агента «Искры» родом из Пензы! Это возмутило местных «партийных» краеведов: «Какой-то сопляк покусился на историю партии!» Кто посмел доверить ему такое «святое дело»! А потом я еще выяснил, что «пензенские марксисты», о которых писалось в очерках Пензенской организации КПСС, были на самом деле не марксистами, а эсерами. Виталий Иванович Лебедев поощрял мое увлечение историей и предложил писать дипломную работу по указанным сюжетам под названием «Пензенская молодежь в революционном движении в эпоху империализма». Ездил в Питер в архивы, в Москве работал в ЦГАОРе (ГАРФ), где изучил отчеты Особого отдела полиции о ситуации в Пензенской губернии. В Саратове, в архиве нашел дело Саратовской судебной палаты о революционной организации пензенской молодежи.

В институте я учился хорошо, но меня невзлюбили некоторые преподаватели, особенно одна «англичанка», которая в свое время работала в Англии, в пединституте на английском языке она преподавала историю американской литературы. У меня было свободное посещение, и я пропускал ее занятия, на экзамене она вlepила мне тройку. Еще был преподаватель по философии, который тоже за непосещение поставил четверку. В результате у меня в дипломе в зачетке с оценками все до одной пятерки, одна тройка и четверка. Декан предлагал пересдать: «Ты что, идиот, тебе же «красный диплом» дадут!» Но я отказался. Хотя по английскому языку в дипломе было «отлично».

В ПГПИ я учился на истфиле по специальности «Учитель истории, обществоведения и английского языка», так что у меня вторая специальность — «Учитель английского языка». Когда после окончания института я работал в школе и вел английский язык, то на уроках под баян распевал с младшими школьниками английские песенки. Мне нравилась «методика» петь песни с маленькими детьми. До сих пор я общаюсь со своими учениками, которые у меня учились в школе. Когда я окончил институт, меня распределили в далекую деревню: было обидно, потому что дипломная работа была защищена на «отлично» и ее хвалили. Но я не был комсомольским активистом и на комиссии по распределению мне сказали: «Раз ты такой умный, вот и езжай-ка деревню». Но Лебедев Виталий Иванович следил за моей судьбой, и когда появилась возможность трудоустроить в вуз, помог мне в этом. Он определил меня в сельхозинститут, на кафедру истории КПСС и научного коммунизма завкабинетом. Именно в Пензенском сельско-

хозяйственном институте я стал серьезно заниматься аграрной историей. У меня до сих пор хорошие контакты с Пензенским аграрным институтом, дружу с его ректором О. В. Кухаревым, кафедрой, на которой я там работал, в настоящее время возглавляет мой аспирант Э. Н. Мавлюдов.

В 1986 году, работая в сельхозинституте, я прочитал роман Михаила Алексева «Драчуны», в котором описаны впечатления подростка о голоде 33-го года в саратовской деревне. Роман произвел на меня сильное впечатление. В 87-м в журнале «Коммунист» была статья В. П. Данилова о коллективизации, а в 88-м его статья в «Вопросах истории» о голоде 1932–1933 годов — под влиянием прочитанного я стал собирать материалы об этом голоде в Пензенской области, работал в архиве ЗАГС, опрашивал очевидцев. Одновременно думал об аспирантуре. Завкафедрой Истории КПСС и научного коммунизма сельхозинститута Иван Федорович Вилков, где я работал завкабинетом, знал Данилова через его коллегу и друга Владимира Васильевича Кабанова, работавшего вместе с Виктором Петровичем в одном секторе в Институте истории СССР АН СССР. И он мне сказал: «Съезди к Кабанову, может, тебя в аспирантуру возьмут, направление выбьем как-нибудь. Но чтобы получить направление в аспирантуру, стань активистом». И я вошел в комитет комсомола сельхозинститута, через месяц стал зам. секретаря комитета ВЛКСМ, а через три месяца — секретарем комитета. Развернулся! Провел митинг в поддержку американского доктора Хайдера, который голодал по уже забытой мною сейчас причине. Организовал закрытое студенческое комсомольское собрание сельхозинститута, где была принята резолюция «Наказ делегатам XX съезда ВЛКСМ», «Наказ ректорату и Ученому совету» — какие порядки в институте надо вводить и т.д. Однажды идет заседание парткома, где я сижу как секретарь комитета ВЛКСМ и слышу: «У нас сейчас проблема с парторгом в учхозе — учебно-опытном хозяйстве в Рамзае. Давайте туда Виктора парторгом пошлем, укреплять кадры». Я им: да мне в аспирантуру! Они: работаешь годик, поедешь в аспирантуру! Ну тогда я говорю: так я же не член партии, как же буду беспартийным парторгом? Члены парткома: как не член партии?! И тогда приказом ректора меня с должности завкабинетом переводят в старшие лаборанты, я становлюсь «рабочим» и по «рабочей квоте» принимаюсь в партию! Потом опять вернулся на старую должность на кафедре. Но парторгом не стал, так как получил заветное направление в аспирантуру и поехал в Москву.

Приезжаю в Институт истории СССР АН СССР, в Даниловский сектор, к Кабанову с рукописью о голоде в Пензенской губернии. Захожу в 31-й кабинет, где в настоящее время в Институте российской истории РАН находится Центр экономической истории, который я возглавляю, вижу Данилова. Передаю ему рукопись. Он говорит: «Так, это про голод? Ага... Ну что же, а Вы в аспиранту-

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*

«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

ру будете поступать?» Я говорю: «Да, собираюсь, у меня направление есть». Он: «Это хорошо, что по направлению, возьмем Вас». И вдруг я попадаю в больницу и, с трудом передвигаясь после операции, по телевизору в программе «Мысль» вижу заседание редколлегии журнала «Вопросы истории», где Виктор Петрович говорит: «Вот, молодой парень из Пензы прислал нам в редакцию статью о голоде 1933 года, мы будем ее публиковать». Я думаю: «О, красота какая!» После больницы еду с документами в отдел аспирантуры АН СССР, где получаю отлуп: «Из сельхозинститута в Академию наук аспирантов не берем! У Вас есть своя профильная аспирантура, вот и идите туда — в Сельхозакадемию». Понурый, приезжаю в Институт истории СССР и говорю Кабанову и Данилову — так, мол, и так... И вдруг Данилов, ставший к тому времени руководителем сектора, заявляет: «Раз так, тогда подавай заявление в основную аспирантуру Института». А там — всего два места и конкурс со всей страны: семь человек на место! Начал готовиться к экзаменам. Первый экзамен по специальности, помню, принимал Владимир Петрович Дмитренко. Вторым членом приемной комиссии был Владимир Иванович Буганов, третьим — Данилов. Вопросы были: указы манифеста Пугачева, монография Н. М. Дружина «Русская деревня на переломе», и третий — по проблеме индустриализации. Сдал на «отлично». Второй экзамен — философия. Потом уже узнал, что Владимир Васильевич Кабанов дружил с председателем комиссии Александром Петровичем Беликом, который 15 лет отсидел в сталинских лагерях. Он автор известной монографии «Социальная форма движения: явления и сущность». Матерый такой мужик был. И, видимо, Кабанов пошел к нему и сказал, что мне надо «5». Конечно, я что-то учил, учебники читал — поставили «5». И третий экзамен — английский язык. Хоть я и имел диплом учителя английского языка, но язык уже подзабыл. Но память была хорошей, поэтому в огромном количестве заучил кучу разных английских текстов. Получил «4». Потом выяснил, что Кабанов и туда ходил: мол, надо его принять! И в ноябре 1988 года меня приняли вместе с Игорем Николаевичем Слепневым: сейчас замечательный историк, сотрудник РФФИ. Моим научным руководителем в Институте истории СССР АН СССР стал Данилов, которому понравилась моя работа о голоде.

А дальше сложилось так, что когда мне утвердили тему про голод в деревнях Поволжья, то выяснилось, что архивные документы закрыты, и вообще нет никаких источников по данной теме. В этой ситуации Кабанов посоветовал: «Ты пока походи по деревням, а там, может быть, что-то изменится». С его участием, а также Виталия Ивановича Лебедева я составил анкету «Свидетеля голода 1932–1933 гг. в деревнях Поволжья». Моя теща Людмила Степановна с тестем Леонидом Николаевичем распечатали ее в сотнях экземпляров в НИИ в Пензе, где они работали. Затем мне дали бумагу из Академии наук СССР за подписью вице-президента

АН СССР В. Н. Кудрявцева: «Председателям облисполкомов, райисполкомов Саратовской, Волгоградской, Самарской... областей. Академия наук просит оказать содействие аспиранту, выполняющему научное поручение...». Также я ходил в Министерство юстиции РСФСР, где по ходатайству Института истории СССР АН СССР мне дали бумагу, разрешавшую работать в областных и районных архивах ЗАГС. С этими бумагами я три года ездил по районам и деревням и собирал нужную мне информацию. На втором году обучения в аспирантуре стали открываться архивы и у меня появилась возможность работать там по теме диссертации. К этому времени я уже собрал и обработал 617 свидетельств голода в Поволжье и на Южном Урале. В моей первой книге о голоде представлен список всех крестьян, которых я опросил, и деревень, которые посетил. Так что большую помощь оказал мне Владимир Васильевич Кабанов.

Виктор Петрович Данилов следил за моим «хождением в народ». Как-то я поехал в село Прудовое Екатерининского района Саратовской области для записи воспоминаний свидетелей голода. Там мне рассказали про председателя, который в годы войны издевался над женщинами, пойманными с горстями зерна. У меня была красная книжка (удостоверение аспиранта) с гербом СССР, и для местной власти я был писателем, журналистом из Москвы. Ее представители обычно рассказывали мне про местные достижения, но в данном случае я выразил сомнение в праве деятеля военного времени из Прудового считаться местным героем. Это вызвало негативную реакцию районного начальства. Дело дошло до первого секретаря райкома, которому я «как коммунист коммунисту» попытался обосновать свою позицию и объяснить важность проводимой в районе исследовательской работы. Данилов, узнав о моих проблемах, предпринял активные шаги по моему «освобождению» и защите от возникших и потенциальных неприятностей. В конце концов дело замяли. В феврале 1990 года в газете «Комсомольская правда» вышла статья С. Заворотного и П. Положевца «Операция “Голод”». Ее авторы знали мою историю в Екатерининском районе и хотели рассказать читателям, как меня мучили «за правду» «партократы», но я попросил их не делать этого. В этой статье было сказано: «Молодой историк Кондрашин не побоялся обвинить Сталина в организации голода».

Мои трехлетние «хождения в народ» — это бесценный опыт работы «в поле». 41 деревня, 26 районов пройдено только в Саратовской области. Я ее пешком всю обошел! Где только я не был! В Больше-Глушицком районе Самарской области меня убить хотели, ночью в районной гостинице произошла пьяная драка. Я «наехал» на местных строителей, которые не давали никому спать. Не знаю, как я выдрал решетку кровати руками и стал ею махать. Увидев такое, дебоширы разбежались по углам. Затем я проехал по местам юности Виктора Петровича Данилова, посетил город

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

Орск Оренбургской области, откуда он родом. В Новоорском районе ходил по местам, о которых он рассказывал. В Оренбургской области обошел 15 деревень, доехал до Рудного клада — самого южного района, граничащего с Казахстаном. Так был собран материал, который позволил мне сформировать четкую позицию по теме голода, понять отношение очевидцев трагедии к этой проблеме.

Так что в моей судьбе как историка огромную роль сыграли бабушка моя Степанида Андреевна Британчук, учительница истории Семушкина Антонина Ивановна, Лебедев Виталий Иванович — в институте, Владимир Васильевич Кабанов и Данилов Виктор Петрович в Институте российской истории. И, конечно, Моше Левин. В 2015 году у меня в Париже вышла книга про голод на французском языке и должна была быть презентация. Чуть раньше в Париже умер Левин, и я хотел попасть к нему на могилу, но не знал, где она, попросил помочь братьев Береловичей, Алексея и Владимира. Алексей Берелович сказал, что найдет женщину, которая контактировала с Левиным и знает, где он похоронен. Через три дня выяснилось, что Михаил Львович похоронен на кладбище Монмартра, а мы с Леной жили в гостинице на Монмартре, на улице Лёпик, рядом с «Мулен Руж», и от гостиницы до могилы Левина было всего 10 минут ходьбы пешком. Я был поражен: первый раз во Франции, первый раз в Париже, ищем могилу Левина, а она от нас в 10 минутах! Это было чудо какое-то.

Конечно, Левин — выдающийся исследователь, он лучше всех понял суть советского строя. Я был на презентации его последней книги «Советский век» в Швеции, которую организовал Ленарт Самуэльсон (в 2007 году в издательстве «Планета» она была издана на русском языке по инициативе Глеба Павловского). В этой книге Левин доказал, что в СССР был государственный капитализм в чистом виде. Он писал: если на клетку с жирафом повесить табличку «Бегемот», от этого жираф бегемотом не станет. Точно так же никакого социализма не было, советское государство эксплуатировало население в своих интересах. И еще Левин считал, что в истории России не было ничего случайного. Те политические режимы, которые возникали, появлялись закономерно для решения насущных проблем. Например, сталинский режим был подходящим для подготовки к войне и для самой войны, но для мирной жизни он не годился, поэтому, когда Сталин умер, никто не захотел сохранить созданный им режим, все хотели жить по-другому, даже его ближайшее окружение. Они фактически про него забыли, осудили и стали делать все по-своему.

Я помню одну дискуссию Левина с Явлинским, по-моему, и с Джульетто Къеза, написавшем книгу «Прощай, Россия» о неизбежном распаде России. С Къеза я встретился в 2016 году на выборах в Тирасполе, где был наблюдателем от Совета Федерации, и он туда приехал как наблюдатель. Я его спросил: «Ну что, пропала Россия или нет?» Так вот, Левин не считал, что Россия обя-

зательно распадется. Он назвал условие, которое не позволит ей распасться: это грамотное население. Люди, которые получили и получают качественное образования — умные, они не дадут этого сделать. Поэтому пока в России будет система образования, воспроизводящая умных людей, интеллектуально развитых и прочее, она не развалится. Она изменится, но не исчезнет. Когда я писал историю села Лох в Шанинском проекте, ждал поезд на станции Старые Бурасы. Он подходит, а пассажиры из окон кричат: «Эстер родила уже?» А им в ответ: «Нет, еще не родила!» — в это время по телевизору показывали очередную серию «Богатые тоже плачут». Левин говорил, что в подобных сериалах почему все «плачут»? Да потому, что все без высшего образования. А в наших сериалах герои злые, недовольные и им чего-то не хватает, почему? Потому что образованные, умные, с высшим образованием. Так что у России есть будущее, пока есть наука и образование. Вот так я бы ответил на вопрос о том, кто помог мне стать историком — бабушка, учительница, научный руководитель дипломной работы в институте, потом — Данилов, Кабанов и Моше Левин. Еще не могу не сказать доброго слова о Петре Серафимовиче Кабытове, самарском историке, подвижнике науки. В этом году ему исполнилось 80 лет. Больше 20 лет мы дружим. Я познакомился с ним в период работы над сборником документов «Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 годах» даниловско-шанинского проекта. Он продемонстрировал образец изучения истории России на региональном уровне.

А. М. НИКУЛИН: Можешь подробнее рассказать про еще одного своего учителя — Теодора Шанина? Как ты вошел в даниловско-шанинский проект?

В. В. КОНДРАШИН: В феврале 1992 года я уже защитил диссертацию. Но Теодор сформировал во мне человеческие качества исследователя, я увидел у него то, что у меня было чисто стихийно: мне не нравились снобы, не нравились умники со степенями, которые унижают коллег. Я помню, когда учительствовал, пытался попасть в аспирантуру в московский пединститут: у меня тогда была неплохая работа по истории молодежного движения, она на 100% тянула на «кандидатскую», и публикации тоже были. Но меня не взяли, так как я не был член партии и не имел связей. И в Саратовском университете было то же самое. За мной никто не стоял, я не приехал по звонку какого-нибудь Иван Ивановича, не был сыном кого-то, в общем — никто... И вдруг встречаю Шанина, который никогда не ходил в костюме, никогда! Я был поражен его отношением к работе. Видел, чем он отличался от Данилова, который считал, что не надо явно проявлять искренних человеческих чувств. Хотя — был эпизод, когда он хотел, чтобы я жил в квартире его сына, и даже ездил показывать эту квартиру, а после окончания аспирантуры пытался устроить меня в Никольский институт. Я получил разрешение от РАН на обмен квар-

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

тиры родителей в Пензе на Москву, чтобы иметь здесь жилье. Но... Когда он узнал, что я женился не на москвичке — о! — а ведь вокруг меня много перспективных московских барышень крутилось. И в аспирантуре я в капустниках участвовал, в волейбол играл за Институт истории СССР. В команде находился Павел Юрьевич Уваров (в настоящее время член-корреспондент РАН). Он был председателем экспертного совета ВАКа, а я его членом — это тот состав экспертного совета, который проголосовал за лишение докторской степени Мединского (его потом разогнали). В ИРИ РАН я разной общественной работой занимался, но в основном — в архивах сидел, а потом все рухнуло. Всё...

Так вот, про Шанина. Когда все рухнуло, я защитился, но у меня не было работы. Жил в общежитии на улице Островитянова, на нелегальном положении. 1992 год, прописка закончилась в феврале. Нет работы, что мне делать? Начал играть на баяне в метро, чтобы заработать деньги для своей семьи. Помню, как приходил после игры в метро с чемоданом денег и час пересчитывал рубли и копейки. Затем работал грузчиком в Лужниках. В это время Данилов с Шаниным стали готовить проект социологов и историков по изучению деревень. Как я уже говорил, Данилов меня увидел в метро и предложил участвовать в проекте: за 26 долларов в месяц писать историю села. Я знал, что саратовские социологи активно работают, в том числе в селе Лох Новобурасского района Саратовской области — а я же знал эту территорию, в Новобурасском районе в ЗАГСе работал по кандидатской диссертации. Попросил у Данилова разрешение писать про Лох — он согласился. Меня включили в проект, я стал ездить в Саратов, где работал в архиве. Причем денег почти не было, поскольку отдавал их семье.

Жить в Саратове где-то надо было, и я попросил Данилова дать какую-нибудь официальную бумагу, что я участник проекта. Приехал с ней в Саратов на перекладных в 5 утра на электричке Пенза — Ртищево — Саратов, нашел ближайший Институт механизации сельского хозяйства. Смотрю, все закрыто, потом мужик какой-то заходит. Я — за ним. Оказался ректор. Я — к нему. Он: ты кто такой? Я: вот, у меня бумага, я пишу историю села, мне жить негде, помогите. И начал рассказывать про проект, про Данилова, про Шанина. И он мне выписал бумагу, которую я храню как антиквариат. В ней написано: «Поселить тов. Кондрашина в общежитие № 3 без оплаты и на указанный им срок». Тогда у меня в день было две вареные картошины и огурец. Худой был страшно. А потом наступил «счастливый момент»: в общежитие приехали сдавать экзамены заочники. Их подсадили в мою комнату. Это были лесники — не особо говорливые люди. Однажды один из них обратился ко мне с просьбой, мол, не могу ли я обосновать актуальность темы его дипломной работы. А тема была такая: «Технология рубки леса в Шентаклинском леспромхозе».

Я написал. Он прочитал — о! И посыпались «заказы» от других «лесников»-заочников. И лесники начали меня кормить! Я оказался на их полном пансионе. Вечером из архива прихожу, а на столе уже и картошка, и мясо, и самогонка!

В конце концов материал в архиве о селе Лох я собрал, но был еще районный архив, и я поехал в Новые Бурасы. Сначала решил жить в палатке. Готовил на костре, но понял, что такой жизни на недели две-три мне не выдержать. Случайно познакомился с директором местного краеведческого музея Михаилом Абдурахмановичем Тиагалиевым, казахом по национальности. Он меня поселил в музей — там медведь с дубиной стоял в экспонатах, еще что-то, никаких удобств не было. Но жить было можно. Ходил в архив в Новых Бурасах. Самое смешное было, когда я пришел в районный архив ЗАГС, где я когда-то работал над кандидатской диссертацией, и меня туда не пустили, потому что не было разрешения! Но зато в районном архиве я прочитал все годовые отчеты колхозов «Красная звезда» и имени Молотова, которые были организованы в селе Лох. Тогда же познакомился с социологами, работавшими в селе. И вот настало время знакомства с Теодором. Оно произошло в санатории имени Константина Федины, в Переделкино, где собрались участвовавшие в Шанинском проекте историки и социологи. Я представил рукопись истории села Лох, 150 страниц, кажется. Помню, приехал, захожу в помещение санатория, где начиналось заседание, меня Данилов представляет Теодору Шанину, Авениру Павловичу Корелину, который был экспертом по написанным историками очеркам селений. И вдруг Корелин заявляет, глядя на меня: а, это тот автор, у которого написано матом. Я опешил, но вспомнил, что нашел документ в архиве об отношении крестьян села Лох к столыпинской аграрной реформе, в нем было зафиксировано, что где-то в трактуре во время пьяного разговора один из крестьян сказал о столыпинском указе, что он написан не рукой, а... Я воспроизвел это в очерке и вызвал к себе интерес — «это тот, у которого матом написано!». Вот так познакомился с Теодором и с коллегами, ставшими потом моими друзьями на всю жизнь: Сергеем Есиковым, Василием Саблиным, Владимиром Ильиных и другими нынешними докторами исторических наук.

А. М. НИКУЛИН: А после этого были еще встречи с Теодором?

В. В. КОНДРАШИН: Да, когда Данилов перешел на работу в Центр крестьяноведения, созданный в МВШСЭН Шаниным, стал его директором вместе с Татьяной Ивановной Заславской. Там же я стал участником проекта Теодора и Данилова «Крестьянская революция в России» и других: «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание». В то время я нигде не работал, жил на деньги, которые получал от проектов и работы грузчиком в Лужниках (последнюю потом бросил). На рынке было место, которое не инте-

В. В. Кондрашин,

А. М. Никулин

«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

ресовало профессиональных грузчиков — переход от метро «Спортивная» до самого рынка. И вот мы на тележках подвозили товары челноков. Познакомился с местными грузчиками — им было со мной интересно общаться, но все заканчивалось пьянкой. Там и бандиты какие-то приходили, кого только не было. Когда возвращался после работы в общагу, валился с ног, ничего не хотел и не мог писать. В конце концов бросил это дело, когда Виктор Петрович познакомил меня с Моше Левиным, и я стал его ассистентом, он мне платил приличную стипендию. И тогда уж я имел возможность чаще видеть Шанина, общаться с ним. Кроме того, еще я стал участником теоретического семинара МВШСЭН «Современная концепция аграрного развития России», организованного Теодором. Помню, мое выступление на одном семинаре понравилось Татьяне Ивановне Заславской. Она отметила, как я ответил на вопрос: «В чем была суть исторического пути, который прошла Россия за последние 100 лет?» Я сказал: «Это был переход от аграрно-крестьянской России к промышленно-индустриальной, процесс трансформации крестьянской страны с помощью реформ и революции». И дальше я размышлял о феномене дач в России, задаваясь вопросом — почему американские рабочие в годы Великой депрессии не засевали картошкой пригороды Нью-Йорка, а у нас, наоборот, все бросились на дачи вместо протеста против власти.

И еще один момент был: я «выстрелил» статьей «Голод в крестьянском менталитете», которую меня попросил написать Данилов для симпозиума о менталитете 1994 года, готовившегося по линии Академии наук. Помню, Виктор Петрович звонит, предлагает написать, я сел и написал текст часа за три. Открывается симпозиум, первым выступает американский исследователь Стивен Хок и начинает меня ругать, потом выступает академик Л. В. Милов и начинает меня хвалить. Я обалдел. Сейчас эта моя статья о менталитете занимает 1–2-е место среди всего того, что я сделал в своей жизни. С. Г. Кара-Мурза в своих книгах ее часто цитировал. Так я был, видимо, замечен, стал участвовать в семинарах, общаться с Теодором. Но по-настоящему я с ним сблизился уже после 1997 года, когда вернулся в Пензу, где мне Педуниверситет дал квартиру и кафедру. Тогда же на базе этой кафедры я создал экспериментальную площадку «Моя малая родина» в селе Степановка Бессоновского района. Чуть позже мой друг и аспирант Виктор Малезёв защитил кандидатскую диссертацию «Село Степановка в контексте общественно-политической и социально-экономической истории России». Если занимаешься наукой — у тебя должен быть интерес, кураж, как и в музыке и любом деле. Став завкафедрой в Пензе, я стал потихоньку разворачиваться. Но уже по-настоящему сблизился с Теодором, когда умер Данилов, в 2004 году.

А. М. НИКУЛИН: А докторскую когда ты защитил?

В. В. КОНДРАШИН: В 2001-м. Была такая интересная история: в 1997-м я стал докторантом Института российской истории,

а до этого работал по проектам Данилова и Шанина, получал за это деньги, на баяне играл, грузчиком работал. Одновременно дружил с заведующим аспирантурой и докторантурой Института российской истории Николаем Семеновичем Райским. Он мне постоянно давал подработку, я с ним институт ремонтировал, постоянно что-то делал. И однажды Райский говорит: «Давай, мы тебя в докторантуру возьмем, будет, где кости бросить, что ты везде мыкаешься! Скажем Данилову, если он откажется, мы тебя возьмем в другой сектор без проблем». Через некоторое время звоню Данилову, и он мне говорит: «Знаешь, мы тебя в докторантуру рекомендовали, тему скажешь сам, приходи на ученый совет». Я прихожу, ведет заседание Дмитренко: «Виктора знаем, рекомендуем, тему он нам скажет потом». Так меня приняли в докторантуру, опять дали московскую прописку, и я начал писать докторскую диссертацию. Данилов мне сказал: «Ты же делаешь сборник по крестьянскому движению в Поволжье в рамках проекта «Крестьянская революция в России», поэтому пиши-ка ты докторскую по крестьянскому движению в Поволжье». Я начал писать и случайно помог секретарю парткома Пензенского педуниверситета защитить докторскую диссертацию о текстильной промышленности, средне-проходную, нашел ему хорошего оппонента, главреда «Отечественной истории» Илью Евгеньевича Зеленина. На банкете в Казани защитившийся и другой его оппонент, декан исторического факультета ПГПУ Виталий Владимирович Горшуляк, узнав от Зеленина о моих бытовых мытарствах в Москве, возжелала моего возвращения в Пензу. Спросили Илью Евгеньевича, если мне кафедру дать и квартиру, приеду обратно в Пензу? А я только из Америки вернулся, в докторантуру поступил, все было на мази. Приезжаю в Пензу, меня — к ректору. Вспомнилось: в свое время, когда я еще про Лох писал, в палатке жил, сон увидел, что на белой машине меня везут и показывают какую-то квартиру. И вот я захожу к ректору университета, который говорит: «Виктор Викторович, если дадим Вам квартиру и кафедру, вы согласитесь? Поедемте, я покажу квартиру». И мы на его на белой «Волге» отправляемся! И это когда я после возвращения из Института Кеннана США, заручившись поддержкой Левина, планировал снова на год вернуться в Кеннана, а потом остаться в Америке навсегда. Левин говорил Данилову, что «Виктор может писать докторат у меня». Но Данилов возразил ему, что писать я буду у него.

Потом я попал в докторантуру, в институт Кеннана... Директор института Кеннана Блэр Рубл был аспирантом Моше Левина: «Рубль», как он его называл. Конечно, я бы мог претендовать на годовую стажировку с зарплатой 36 тысяч долларов, тогда это были бешеные деньги. И вдруг такая вот история. Моя жена узнает об этом. А у нас не было ни квартиры, ничего. Мне было тогда 36 лет. И в 36 лет я стал завкафедрой и профессором Пензенского педуниверситета. Данилов воспринял эту новость

как предательство: «Кондрашин — карьерист, он променял науку на должность!» В 1998 году, когда я подготовил рукопись докторской, неожиданно приостановили работу диссертационного совета ИРИ РАН. Но докторская была нужна, потому что мне дали квартиру, и все ждали, когда же я стану доктором, чтобы подтвердить право на эту квартиру в Пензе, что получил я ее не просто так. И в этой ситуации я решил защититься у Эрнста Михайловича Щагина в Московском педагогическом государственном университете, он был оппонентом Виктора Петровича и к нему Данилов относился очень плохо. В последний момент, когда диссертация была готова, и уже оформлялись документы, я вдруг подумал, что, действительно, могу променять свою научную репутацию на «хорошее место». И при свидетелях разорвал текст диссертации и выбросил его, сказав, что не буду защищаться. Конечно, потом в университете были проблемы, но важнее было то, что после этого я стал жить своей жизнью и поступать так, как мне подсказывало сердце

А потом возникла история с Махно — надо было делать сборник документов о Махно в рамках проекта «Крестьянская революция в России». Однажды я приехал в Институт всеобщей истории, где был Данилов, и там шло обсуждение какой-то большой проблемы по аграрной истории. Выступил Виктор Петрович своему ассистенту Сергею Мякинькову сказал: «Передай Виктору, если он хочет восстановить отношения, должен участвовать в сборнике о Махно, а выступил он неплохо». Еще бы! Ведь я всю ночь готовился, выучил каждую фразу, чтобы показать себя. После этого я снова работал с Даниловым. И тут Данилов погибает... И когда он погиб, я начал с Теодором активно контактировать. Он приезжал в Пензу, выступал на научной конференции, мы с ним договорились, что доделаем монографию о крестьянской революции, которую он планировал написать с Виктором Петровичем. Получилась рукопись в 700 страниц. В то время не было компьютеров, куда можно было все записать, поэтому у меня отдельные куски глав сохранились, например, глава «Мина замедленного действия» об отмене крепостного права.

А. М. НИКУЛИН: Я помню, ты несколько раз приезжал и обсуждал ее.

В. В. КОНДРАШИН: Да, да. Так мы с ним начали активно сотрудничать и общаться. Особенно во время работы над Махно — было понятно, что надо ее доделать, материалы были, но их было мало, и Теодор нашел средства, чтобы продолжить. Помню, я как-то пришел к нему и говорю: «Нужны деньги, я нашел интересные факты о Махно: в биографической хронике Ленина написано, что Чичерин принес Ленину вырезки французских газет о Махно. Я нашел эти газеты в архиве РГАСПИ, в фонде Ленина, но я не знаю французского, нужен переводчик!» И Шанин дал деньги. Перевели, опубликовали в сборнике, как француз Фран-

суа Руже, журналист, попал в плен к Махно, а потом в Париже описал свои впечатления, в том числе, что девиз армии Махно: «Один за всех и все за одного!», что Махно образованный человек, читавший Дюма (это был полный бред с точки зрения того, что знали тогда о Махно). Мы посвятили сборник памяти Данилова. Когда я стал членом Совета Федерации, мы с женой ездили к нему домой, он угощал нас в ближайшем ресторане, и я записал на диктофон его многочасовые воспоминания, которые хочу передать Шанинке. Теодор мне рассказывал о проблемах МВШСЭН. К его юбилеям я опубликовал о нем пару статей. В общем, Теодор стал для меня образцом ученого и человека, который может вдохновить, поддержать. Общение с ним — это всегда радость, ты получаешь какой-то позитивный заряд.

А. М. НИКУЛИН: Да, было такое, он намагничивал всех какой-то энергией.

В. В. КОНДРАШИН: Здесь в МВШСЭН было всегда доброжелательное ко мне отношение... Самый счастливый эпизод с Теодором — на конференции в Афинах, посвященной 100-летию Русской революции. Ее организовал Афинский университет и, по-моему, греческие анархисты. Нас поселили в общежитии с тонкими стенками и скрипучими кроватями, была какая-то столовая-забегаловка, а он еще и забыл взять деньги! Я сказал: «Теодор, ты мне столько времени помогал, можно я буду за тебя платить?» Я за него платил и был счастлив, потому что это был тот самый случай, когда мы с ним много общались. Он жил в соседнем номере, ему было тяжело ходить, и я его сопровождал — в лифт, везде. Был свидетелем его доклада на конференции, он выступал целый час, отвечал на вопросы, а позже блистал на вечеринке. И еще один эпизод — его двухчасовое интервью греческим журналистам, которое он дал в задрипанном кафе общежития, в подвале. Он рассказывал о своей жизни. Было очень интересно. Теодор был счастлив, что попал на эту конференцию, выступил там, жил в студенческом общежитии. У меня осталась афиша на греческом языке с именами докладчиков, в том числе Теодора Шанина.

А. М. НИКУЛИН: Для Шанинского музея было бы здорово афишу эту заполучить. Открытие этого музея намечено на 14 декабря этого года.

В. В. КОНДРАШИН: Поищу фотографии, как он выступал в деревне. Кстати, он приезжал в село Степановка Бессоновского района Пензенской области и на краеведческой конференции делал доклад о важности крестьянских проблем. Моя аспирантка задала ему вопрос: «Смотрите, крестьянства ведь нет. Значит, все? Ушло крестьянство, ушла культура — значит, уже все?» И он ответил: «Знаете, в действительности носителями крестьянской культуры являются ученые люди, которые собирают, изучают ее и потом их знания передаются через систему образования новому поколе-

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

нию. Поэтому никуда ничего не уйдет, не переживайте, все в порядке. Просто надо продолжать изучать крестьянскую культуру, крестьянскую тематику, и потом рассказывать об этом в школах и институтах. Никуда это не исчезнет, потому что это корни, это то, что делает народ народом, все в порядке будет у нас!» Он всех просто окрылил.

А. М. НИКУЛИН: Да, очень мудро и жизнеутверждающе.

В. В. КОНДРАШИН: Когда он рассказывал о крестьянстве — он знал, о чем говорил, а там ведь сидели практики: деревенские люди, учителя, те, кто живет в деревне, и они были поражены тем, что он говорил. Это было наглядное свидетельство его высокого профессионализма и значимости того направления, которому он посвятил свою жизнь — крестьяноведения. В Степановке есть музей, где хранится фотография Шанина. Настоящий ученый показывает себя в деле — надо его послушать, встретиться с ним, знать, что у него есть хорошие книги. Мне в свое время сказали, почему профессор важен для студентов — он может им посоветовать, какие нужно читать книги. Мне в свое время сказали, почему профессора можно оценить по его трудам, ничего не надо доказывать, надо их взять и прочитать. Все это относится к книгам Теодора. Творчество Шанина — это редкий пример успешной реализации социолога в истории, когда социолог сумел переработать исторический материал и сделать интересным историческое повествование о такой сложной теме, как революция. Он нашел самые точные слова, например, «момент истины», крестьянский вопрос как главный вопрос революции. Теодор обращал внимание на региональные особенности исторического процесса. Убедителен также его тезис о том, что революция — это народное явление, самостоятельное, органическое, что народ, крестьянство — это субъект истории. Крестьяне — это не тупые люди, которые ничего не понимают. Это не «мужики есть мужики», нет! Они не хуже, чем горожане. Теодор понимал, что крестьянство — это то, что составляет суть человеческой истории.

А. М. НИКУЛИН: Он вообще считал, что все великие политические революции XX века и у нас, и в мире делали в значительной мере крестьяне.

В. В. КОНДРАШИН: Да! Это было большинство населения. Они кормили рабочих, могли поддержать их в определенных ситуациях. Именно поэтому проект «Крестьянская революция в России», который сделали Данилов с Шаниным, это событие в науке. У меня была идея, чтобы кто-то из молодых написал об этих проектах, и моя аспирантка Лена Кананерова подготовила кандидатскую диссертацию на тему: «Международные проекты по аграрной истории России первой половины XX века». Автореферат диссертации я подарил Людмиле Валериановне Даниловой, вдове Виктора Петровича. А дальше произошла печальная история: она организовала кампанию по лишению Кананеровой ученой степени кандидата исторических наук. Я сию на мероприятии на НТВ

с академиком А. О. Чубарьяном и Александром Алексеевичем Даниловым, который был тогда председателем экспертного совета ВАК, и он мне говорит: «Виктор, письмо пришло в ВАК. Коллективное. Против Кананеровой и против тебя, чтобы лишить ее ученой степени». — «От кого?» — «От Даниловой, Мошкова, Вылцана и т.д.». И потом Данилова едет в Вологду на аграрный симпозиум и там ходит с бумагой, чтобы собрать подписи против Шанина, что якобы Кананерова с Шаниным захватили архив Данилова и чуть ли не продают его на «Сотбис» за бешеные деньги. А Шанин тоже был на этом симпозиуме. После смерти Данилова стали думать, что делать с его бумагами, и решили создать его личный фонд в Российском государственном архиве экономики, по аналогии с фондом Чайнова. Папки с рабочими материалами, которые были в Центре крестьяноведения МВШСЭН, отвезли в РГАЭ. Моя аспирантка использовала их, когда писала диссертацию, сослалась на них: «Личный архив В. П. Данилова», эта сноска стоит в автореферате. Людмила Валерьяновна, увидев это, решила, что якобы разворовывается архив. И еще ее возмутило в автореферате: «Авторами концепции крестьянской революции в России являются Теодор Шанин и Виктор Данилов». Она-то считала, что только Виктор Данилов. А Шанин якобы «примазался». Это — ложь. Кроме того, когда Данилов умер, Теодор сделал все, чтобы его достойно проводить в последний путь! Он дал деньги на могилу на Востряковском кладбище. При жизни обеспечил в МВШСЭН Данилову хорошие деньги, за счет которых вся семья Виктора Петровича хорошо жила. А вдова написала, что «Кондрашин нашел Кананерову, она стала агентом Шанина». В общем, в духе: «Шанин — агент Антанты», организовавший операцию по захвату архива Данилова, а Кананерова искажила роль Данилова в историографии, поскольку будут думать, что не он, а Шанин является автором концепции крестьянской революции в России!» Но я-то помню хорошо, как все было! И доказательством того, что Теодор является соавтором концепции, — его книга «Революция как момент истины».

А. М. НИКУЛИН: Это 1985–1987 годы, публикация на английском языке.

В. В. КОНДРАШИН: Русский вариант — вышел в 1997-м. Женя Ковалев переводил, Станислав Васильевич Тютюкин редактировал эту книгу. В общем, была такая неприятная «кампания». Людмила Валерьяновна пыталась заставить историков-«аграрников» подписаться против Кананеровой и против меня. Николай Алексеевич Ивницкий, выдающийся исследователь истории коллективизации, мне потом рассказывал, что когда к нему обратились по этому вопросу, он ответил: «Пошли вы к черту, я знаю Виктора!»

А. М. НИКУЛИН: Шанин был оскорблен до глубины души. Сколько он сделал для Данилова и его семьи — а вдова такой скандал учинила.

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

В. В. КОНДРАШИН: Да, это было низко. Впоследствии Людмила Валерьяновна завещала похоронить себя не с Виктором Петровичем, а в другом месте.

А. М. НИКУЛИН: Горько, конечно. Сам Шанин говорил, что в истории такое сплошь и рядом: делаешь добрые дела, а тебя потом оболгут...

В. В. КОНДРАШИН: Сейчас можно с полной уверенностью утверждать, что именно Теодор дал толчок исследованиям Виктора Петровича Данилова, без Теодора у него не было бы возможности реализовать проект о крестьянской революции. Кроме того, Данилов никогда не занимался крестьянским движением, он был специалистом по НЭПу и коллективизации, кандидатскую написал о создании материально-технических предпосылок коллективизации. Я хорошо знаю библиографию работ и Данилова, и Шанина. К новой теме Виктор Петрович обратился под влиянием Шанина. Сейчас их концепция подвергается в ряде случаев нелюбезной и даже оскорбительной критике. Есть автор, который в 2019-м, когда я был в Японии приглашенным профессором университета Тохоку, прислал мне текст статьи, где очень некорректно охарактеризовал работу Данилова и концепцию крестьянской революции. Другой, написавший диссертацию о крестьянском союзе, развернул целую кампанию в соцсетях о том, что проекты Данилова были чуть ли не вредительскими. Ну подлец, самый настоящий. Я прервал с ним все отношения, полностью. Данилов и Шанин — это настоящие рыцари науки.

А. М. НИКУЛИН: Да, они сделали огромное дело. Шанин многим способствовал для интеграции России после эпохи «железного занавеса» в международное академическое сотрудничество.

В. В. КОНДРАШИН: Если речь идет обо мне, то он инициировал очень глубокое изучение важнейшей темы — темы участия крестьянства России в революционных потрясениях эпохи индустриальной модернизации. По сути, это целое новое направление, когда в течение десятилетия в научный оборот введены целые комплексы источников об участии крестьянства в политике. Причем радикального участия! Я сейчас думаю, что если бы они были живы (Данилов и Шанин), то согласились со мной, что опубликованные ими сборники документов следовало дополнить сборниками об участии крестьян в выборах в Государственную Думу и Учредительное собрание.

А. М. НИКУЛИН: А есть такие публикации?

В. В. КОНДРАШИН: Есть по приговорам: как составляли приговоры в Госдуму. А вот описать, как проводили в Думу самых авторитетных односельчан, как «трудовики» формировались — это очень хорошие темы для исследований. Шанин и Данилов взяли для изучения трагические и яркие страницы участия крестьянства в политике, когда доведенные до отчаяния крестьяне шли на крайние меры. Надо помнить, что никогда крестьяне не шли

на восстание, если существовала возможность решить проблему другим образом. Меня сейчас некоторые обвиняют: «Посмотрите, сколько было сельских общин, и сколько крестьян участвовало в крестьянских выступлениях!» Но ведь открытые выступления — это вершина айсберга, потому что были другие массовые формы протеста — жалобы всевозможные, судебные тяжбы всякие... Если же доходило до открытых конфликтов, то это когда людей доводили до крайности. Поэтому не надо думать, что крестьяне — тупые и безумные люди, которые, чуть что не так, берутся за вилы и топоры. Они берутся за вилы и топоры, когда власть доводит их до этого состояния. И крестьянская революция — это прежде всего приговор власти. Если власть довела свое население до поножовщины — это приговор ей самой. Любое открытое крестьянское выступление — свидетельство неспособности власти предотвратить его мирным способом, с помощью реформ. Поэтому крестьянская революция — это красноречивый приговор царскому самодержавию. И Данилов и Шанин об этом рассказали языком документов в проекте «Крестьянская революция в России». Жаль, что монографию по теме проекта не успели написать.

А. М. НИКУЛИН: Да, времени уже не хватило. В описании твоего биографического пути мы остановились на том, что ты возвратился в Пензу и стал завкафедрой. А с другой стороны, ты затронул тему «политика и история». Мне кажется, что в советские времена завкафедрой и профессор — это уже в некоторой степени должность номенклатурная, впрочем, у тебя дальше появляются должности и чины, ты превращаешься после защиты докторской в «генерала от науки», получаешь государственное признание, международные поездки. Ты участвуешь в официальных спорах о голодоморе с Украиной... Ты стал сенатором. И волей-неволей ты уже не просто ученый, а государственный и политический деятель.

В. В. КОНДРАШИН: Конечно, когда я переехал в Пензу, я продолжал активно заниматься наукой. Но так получилось, что именно в это время мои наработки начали давать результаты, у меня выходили книги. Большое спасибо Андрею Константиновичу Сорочкину, директору РОССПЭНА, который заметил мои исследования и опубликовал их в своем издательстве. Как заведующий кафедрой я определил свою задачу помогать интересным людям. Я наблюдал интересных молодых людей, которые работали рядом в университете, но не имели никакого профессионального движения. В свое время Левин мне говорил: «Ты должен быть доктором наук в университете, тогда сможешь поддерживать молодых и способных, тогда будет интересно жить».

А. М. НИКУЛИН: Он про политиков так говорил: «Действительно, талантливый политик, всегда умеет окружать себя плеядой талантов!»

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

В. В. КОНДРАШИН: Да, да. И я начал активно работать. Мне удалось помочь подготовить 6 или 7 докторов наук. Это сейчас достаточно известные люди, и в области крестьяноведения, в том числе — уже упомянутая ранее Ольга Сухова, например. И дальше так сложилось, что мне нравилось выступать перед учителями и в других аудиториях. Пару раз я попадал на какие-то передачи местного телевидения на исторические темы. Председатель Пензенского Законодательного собрания как-то ехал на работу и увидел мое выступление по ТВ, удивился, что есть человек, который так ярко рассказывает. Мною заинтересовались и в конце концов предложили стать депутатом Заксобрания. Я выиграл выборы, стал депутатом. Однажды было выездное заседание Заксобрания, часа три ехали на автобусе, было скучно, и попросили меня что-нибудь рассказать. Губернатор потом неоднократно вспоминал эту историю: «Мы приехали, автобус остановился, а никто не выходит — Виктор Викторович еще не закончил. Решили даже поехать на автобусе в Москву, чтобы Виктор Викторович нам дальше рассказывал!»

Потом так сложилось, что я начал серьезно думать о будущем. Был какой-то тупик — низкая зарплата, много проблем. А я тогда активно участвовал в международных конференциях, публиковался и неожиданно получил большую поддержку как ученый со стороны Елены Александровны Тюриной, директора Российского государственного архива экономики. В 2007–2008 годах в связи с актуализацией темы украинского голодомора, выводом ее украинским руководством на уровень ООН и ПАСЕ, в России возникла необходимость отреагировать на это каким-то образом. Стали искать специалистов. И Елена Александровна убедила начальство, что к этой работе надо привлечь меня. За это я ей очень благодарен — она сыграла и продолжает играть в моей судьбе очень важную роль. Сейчас мы делаем сборники документов о голоде в Казахстане, по истории экономики Белоруссии. А тогда, в 2007 году я был назначен научным руководителем, ответственным составителем, редактором документальной серии Федерального архивного агентства России «Голод в СССР. 1929–1934». Поначалу решили сделать небольшой сборник, как «ответ Чемберлену». Украинцы про людоедство — и мы про людоедство, они про что-то — и мы про то же самое, но в России.

Когда все это начиналось, я работал в Пензе и однажды оказался в гостях у Олега Витальевича Хлевнюка, моего старого друга. В свое время он привлек меня к международному проекту, который осуществлял Манчестерский университет. Проект предусматривал изучение истории распада СССР и в качестве объектов для изучения взяли несколько регионов бывшего СССР. Я три года работал в нем по материалам Пензенской области, в результате подготовил публикацию о пензенской бюрократии, в кото-

рой на наших материалах показал, что произошло с советской бюрократией и почему распался СССР. Выяснил, что в 1950–1960-х годах при Хрущеве и дальше произошло качественное изменение местной элиты. Если при Сталине все чиновники были «временно освобожденные от смертной казни», как говорил Михаил Львович Левин, были пришлыми и их «тасовали» как карточную колоду, чтобы они не вращались корнями, то после войны элиты сложились из местных — кто воевал, был воспитан при советской власти, являлся местным патриотом, а дальше у них появились дети и все рухнуло. Я, кстати, опрашивал бывших директоров пензенских заводов и партработников. Все это было опубликовано. Олег Хлевнюк был и остается главным «сталиноведом» страны, знатоком сталинизма. По этому поводу я ему как-то сказал: «Олег, тебя заинтересует одна фраза Михаила Львовича: «Сталинизм был полезен для страны во всех отношениях, кроме одного: он страдал избыточным терроризмом», не было необходимости в убийствах, они связаны с характером вождя, с психопатологией. Занимаясь голодомором, я жил в Москве в гостинице архива и однажды приехал к Хлевнюку в гости. В это время на «высшем уровне» решался вопрос о том, надо ли нам начинать кампанию по увековечиванию голодомора, как на Украине, — памятники везде ставить, чтения всякие... Создавать таким образом идентификацию новую, российскую, на трагедии, как на Украине или в Израиле — консолидировать общество на этом. И я помню, выступал против, не нужен нам этот ущербный вариант.

А. М. НИКУЛИН: Кстати, это точка зрения и Левина. Он говорил, что не следует народную идентичность строить исключительно на исторической трагедии. Ее надо созидать на чем-то жизнеутверждающем, радостном, победном, а не только на трагедии.

В. В. КОНДРАШИН: У нас точно можно обойтись без этого! Я считал, что лучше создать серьезный научный труд, который был бы настолько убедителен, что сложно было бы что-то против него возразить. А насчет увековечивания голодомора — дать на откуп регионам — кто хочет, пусть этим занимается. Так и случилось. Владимир Петрович Козлов, тогда директор Федерального архивного агентства, поставил задачу: в течение года создать сборник, включив в него документы о голоде в России, показывающие, что в России было то же, что и на Украине, мы были такими же пострадавшими. В это время я уже активно полемизировал с украинскими коллегами, ездил на Украину, у меня появился круг украинских исследователей, с которыми мы вели полемику — Станислав Кульчицкий, Юрий Шаповал, Василий Марочко. Был случай в Конча-Заспе, резиденции под Киевом, где проходила очередная конференция по голодомору. Я там выступал. Мы сидим с украинскими коллегами в неформальной обстановке, спорим, и вдруг Марочко заявляет со слезами на глазах: «Вони ж з незахованніми очами лежать (в моги-

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

лах!)» («С незакрытыми глазами они лежат в могилах!»). Это все умершие. Я ему: «Да ты что?! Разве себя можно так казнить, 100 лет назад почти было!» И еще была интересная дискуссия в Вицнице, где был Джеймс Мейс, такой гуру на Украине. Я ему подарил свою книжку, написанную с американским историком Дианой Пеннер о голоде в Поволжье, на Дону и Кубани. И Мейс потом мне на следующий день говорит: «А я не знал, что голод был в России!» А потом была вечеринка, и там по-русски Мейс произнес тост. В ответ ему Оксана Пахлевская, завкафедрой украинистики в Римском университете, такая ярая украинская патриотка: «Шо за русификация такая идет?» В то время я активно вел дискуссию по данной теме. Стивен Уиткрофт, австралийский историк и демограф, мой старый коллега и друг, создал международную группу для реализации проекта «Мировой голод в XX веке», прошли конференции в Австралии, Китае, в некоторых других странах, я на них общался с украинскими коллегами. И когда начался проект Федерального архивного агентства, я соборил о нем Хлевнюку, который мне сказал: «Ну что ты будешь им уподобляться? Ты же из Пензы, можешь говорить, что хочешь». И я сказал Елене Александровне Тюриной: «Давайте будем делать не наш «ответ Чемберлену», не хрестоматию, а большой проект!» Идею поддержал Владимир Петрович Козлов, и мы вместо одной книги сделали четыре. Вместо одного года сделали их четыре — реализовался огромный проект «Голод в СССР». И Олег помог тогда, посоветовав: «Лучше издать основные документы, собрать все что можно из архивов». У нас была международная группа, но украинцы участвовать в ней отказались.

В 2008 году, по-моему, мы организовали закрытую выставку для комиссии ПАСЕ в Москве, которую возглавлял Чавушоглу, нынешний министр иностранных дел Турции. В то время в ПАСЕ, по инициативе Украины, рассматривался вопрос о признании голода 1932–1933 годов геноцидом украинского народа. Комиссия Чавушоглу приехала в Москву по этому вопросу. Мы на планшетах разместили основные документы о голоде в СССР (кстати, сейчас эти планшеты лежат в Институте истории). Я вел выставку. Подводим Чавушоглу к стенду, где материалы о людоедстве. Он говорит: «Вот, в Киеве показали сколько дел о людоедах!» Я ему: «А что, вы хотите, чтобы мы вам тоже показали столько же дел о «наших» людоедах? Что, соревнования будем устраивать — у кого съели больше людей? Это же безнравственно и антинаучно! Важнее объяснить, почему это было в принципе. Почему было так на Украине, почему так было здесь». Три тома в четырех книгах «Голод в СССР» были изданы. В 2013 году не хотели портить отношения с украинцами. Я и мои коллеги столько труда положили на эти книги! Мне за них даже бутылку водки не поставили, причем мы сделали эту работу за гроши, если сравнивать с тратами на голодомор в Украине.

Сейчас эти книги не купишь нигде, все распроданы. Особенно третий том, который посвящен проблеме жертв голода и международной реакции на голод. Нам еще Фонд «Историческая память» Александра Дюкова помог найти документы Лиги наций, швейцарского Красного Креста о голоде в СССР, мы и их опубликовали. Серьезнейшая научная работа была проделана! Благодаря ей тема сталинского голода получила всестороннее документальное освещение. В ходе этой работы мы нашли кучу ляпов и слабых мест у наших украинских оппонентов. Я рад, что ты, Александр, опубликовал на эту тему в «Крестьяноведении» мою статью об ответственности республиканского руководства и союзного центра за организацию голода в Украине. Была региональная специфика коллективизации, хлебозаготовок, реакции власти на голод. В СССР было несколько регионов, где местная власть соревновалась за право быть первой в проведении коллективизации и хлебозаготовок: это Украина, Казахстан, Республика Немцев Поволжья. Причем первым, кто заинтересовался проблемой голода в стране, оказался Сталин, который 25 апреля 1932 года написал письмо по поводу голода С. В. Косиору, генеральному секретарю Украины (тогда, учитывая роль Украины, было два генеральных секретаря — Сталин и Косиор). И Косиор ответил: нет никакого голода, имеют место лишь отдельные его случаи. Но страшный голод там уже наступил весной 1932 года. И благодаря этому обо мне узнали в Пензе, стали называть «ученым с мировым именем» и прочее. Это помогло попасть в депутаты. Мне нравилось общаться с людьми, с молодежью. Я пришел к выводу, что оптимальным вариантом государственного устройства России и функционирования ее политической системы является сильная исполнительная власть с опорой на демократическое местное самоуправление. Для такой страны, как наша, нужна сильная вертикаль, которая следит за законом и обороной, а на местах все делают сами люди, так, как считают нужным. Ну такая своего рода «Земская идея».

А. М. НИКУЛИН: Одна из «идеальных моделей»: царь непосредственно на толщу земского самоуправления опирается.

В. В. КОНДРАШИН: Да. И когда мы делали сборник о голоде, то у меня важным сюжетом был внешний фактор: в какой степени «внешний фактор» повлиял на коллективизацию и т.п. Возник сюжет, связанный с ситуацией в Азии и нужен был специалист по Японии, японскому империализму, чтобы разобраться с ситуацией на Дальнем Востоке (Манчжурский инцидент, конфликт на КВЖД и др.), который бы пояснил, была японская угроза или нет? Готовилась тогда Япония к войне с СССР или нет? В 2011-м, после катастрофы на Фукусиме, исполнилось 65 лет моему другу, профессору Хироши Окуда. Мы с ним в начале 2000-х организовывали научный проект «Современные российские и японские исследователи сельской истории России XX века», тогда был по-

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

лучен грант, на средства которого удалось провести семинары и исследования. Поэтому я попросил Окуду найти специалиста. Он нашел профессора Киосукэ Тэраяму из университета Тохоку, который занимался японским милитаризмом и изучением ситуацией в Азии, защитил докторскую «Сталин и Синьцзян», опубликовал статьи о Маньчжурском инциденте. Я познакомился с ним, и он сделал комментарий для третьего тома по японской военной угрозе. В 2015-м, когда я работал в Пензе, Тэраяма написал, что университет Тохоку хочет пригласить меня в Японию. Я подал заявление и поехал на очень хороших условиях. Возвратился из Японии и начал думать, что делать дальше. И тут неожиданно губернатор говорит о том, что в Совете Федерации — вакансия и мою кандидатуру вместе с другими подали на утверждение. И неожиданно утвердили! Так я попал в Совфед в Комитет по науке, образованию и культуре.

Одновременно я сотрудничал с Институтом российской истории, встретился с директором, говорю: «Юрий Александрович, у меня мечта — работать в Институте истории и умереть там на работе». Он предложил мне совместительство, чтобы восстановить бывший Аграрный центр, но не как Аграрный, а как Центр экономической истории. Я попросил: «А можно в 31-м кабинете будет Центр, где был кабинет Данилова?» Там и Шанин был, и Берелович. Он согласился. И я по совместительству стал руководителем Центра экономической истории Института российской истории РАН, находясь в Совете Федерации. Конечно, моя работа в Совфеде была связана с наукой, например, решался вопрос о том, как избирать президента Российской академии наук, и, по-моему, я был единственным, кто выступил против того, чтобы кандидатуру президента Академии наук согласовывал Председатель Правительства. Я сказал, что согласование всегда осуществляет Первое лицо. На что мне ответили: «Владимир Владимирович отказался от этого!» Я сказал: «Ну давайте его еще раз попросим!» Внес поправку в закон о выборах президента РАН, в соответствии с которой президента РАН должны были избирать не из 2, а из 3 кандидатов, чтобы был настоящий конкурс. А также, чтобы кандидаты на эту должность согласовывались Президентом РФ. Сначала в моем комитете в Совфеде мне говорили: «Да, да!», но когда речь зашла об официальном обсуждении, все отказались. Поправку отправили в Комитет по науке и образованию в Госдуму, который возглавлял Никонов. Я пришел на его заседание, где присутствовал и представитель Правительства. Никонов объявляет: «Вот, еще есть поправка, которую предлагает член Совета Федерации Кондрашин. Но вот он что предлагает? Он умаляет авторитет Российского Правительства! Не доверяет Правительству вопрос о согласовании президента РАН!» Все сидят, ха-ха, хи-хи. И вдруг неожиданно я получаю поддержку от Жореса Алфе-

рова, нобелевского лауреата. Он напоминает — как было при Александрове, как первые лица согласовывали президентов АН СССР и т.д. В результате Алферов проголосовал «за» мою поправку, все остальные — «против». У меня даже есть фото этого заседания в Думе.

Еще пример моей деятельности в Совете Федерации: мой друг рассказал историю про Владимира Павловича Ковтуна, легендарную личность в Афганистане, который отбил у душманов «Стингер». За это ему полагалась Звезда Героя СССР, но не дали из-за характера и по другим причинам. Он был в Совете ветеранов ГРУ, владельцем птицефабрики во Владимирской области. Я приезжаю к нему на фабрику, встречаюсь с председателем Совета ветеранов ГРУ, затем выступаю на пленарном заседании Совета Федерации, рассказываю историю про Ковтуна. Валентина Ивановна Матвиенко удивилась, конечно. Создали комиссию во главе с Озеровым, председателем Комитета по обороне и безопасности, чтобы разобраться с этим вопросом. Вышел указ В. П. Путина о присвоении Ковтуну звания Героя! В «Крокус-Сити» состоялась официальная церемония празднования, меня тоже пригласили. И один сенатор, очень известный «афганец», Герой России, выступает с тостом: «Мы сидим, и вдруг какой-то историк из Пензы рассказывает нам про нашего товарища, которого знает весь спецназ России!» Еще я как сенатор по инициативе Рудольфа Германовича Пихоя поднял вопрос о странной системе публикаций наших ученых из Академии наук, которые должны проходить через американскую систему рейтинга. Это была целая история. Смысл в том, что это был канал утечки нужной информации и обогащения узкого круга лиц Президиума РАН. Я выступил на эту тему на пленарном заседании Совета Федерации, просил привлечь прокуратуру, ФСБ и расследовать деятельность лиц в Президиуме РАН, ответственных за все это. Но когда сложил полномочия члена Совфеда, все «ушло в песок». Не удалось довести дело до конца. Также я пытался защищать музей Рерихов от его фактической ликвидации как самостоятельной единицы Минкультом. Был интересный эпизод с московским «Жилищником» — в ютубе можно найти ролик о том, «как плохо себя ведет сенатор Кондрашин», выступивший на стороне жителей одного московского дома, пытавшихся отстоять свое право на владение подвальными помещениями.

А. М. НИКУЛИН: Музей Рерихов — это рядом с Пушкинским музеем?

В. В. КОНДРАШИН: Да. Пытался сохранить его статус, но не удалось, потому что я ушел из Совета Федерации. В общем, я был, наверное, не очень «удобным» сенатором. Хотя я знаю, что отношение ко мне со стороны Валентины Ивановны Матвиенко было уважительным. В политическом плане я был не таким, какие сейчас нужны в подобных учреждениях, оставался научным человеком, историком.

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

А. М. НИКУЛИН: Ты создал свой научный центр — какие у него основные научные темы?

В. В. КОНДРАШИН: Если говорить о «главных объектах» Центра экономической истории ИРИ РАН, то объект № 1 — «История России» в 20 томах, которая делается сейчас нашим институтом с привлечением ученых различных учреждений, из разных стран и т.д. Я являюсь ответственным редактором 12-го тома, посвященного истории Гражданской войны в России. Мы подготовили рукопись объемом 110 листов, в 2 частях, сейчас ее дорабатываем. В ее создании приняли участие 36 докторов наук. Мой соредактор Владислав Иванович Голдин, замечательный историк из Архангельска. В рамках этого проекта я готовлю главы о крестьянстве и сельском хозяйстве второй половины XIX — первой половины XX века. Сейчас в ежегоднике «Экономическая история» вышла моя статья против Михаила Давыдова, его вывода об отсутствии «голодного экспорта» и т.д. То есть это первый объект, и в нем тоже участвуют сотрудники Центра: Олег Борисович Мозохин, Ольга Михайловна Вербицкая, которая является специалистом по современной аграрной реформе.

Второе направление — это очень важные проекты, которые наш Центр экономической истории осуществляет с Федеральным архивным агентством. Это два больших проекта — «Трудные вопросы общей истории России и Казахстана». Мы готовим огромный том на эту тему. Все документы в казахских и российских архивах выявлены уже. Я — ответственный составитель, научный редактор и руководитель большого коллектива. Второй большой проект «Восстановление развития народного хозяйства Белоруссии», в частности, это восстановление и развитие сельского хозяйства и промышленности советской Белоруссии. Мой партнер в Белоруссии — Владимир Селеменев, очень известный архивист и историк. Проект курирует Министерство культуры и архивов Республики Беларусь, Федеральное Архивное агентство России. Оба проекта осуществляются на базе Российского государственного архива экономики. Мы издали первый том «Восстановление сельского хозяйства советской Белоруссии 1943–1945 годов», в нем белорусские и российские документы; сейчас готов второй том, период с 1946 по 1950 год. Еще важная работа в нашем Центре — издание ежегодника «Экономическая история», авторитетного в кругах специалистов издания, его ученый секретарь Александр Бессолицын. У меня там опубликована вышеупомянутая статья («Аграрная политика и сельское хозяйство, аграрная политика России во второй половине XIX — начале XX вв.») на четыре авторских листа, в ней я пытаюсь сказать то, что постоянно говорил Шанин: «Для того чтобы понять истоки великой российской революции, нужно использовать региональный подход».

Еще мы делаем проекты, поддержанные РФФИ. Их три. Первый: «Кредитование сельского хозяйства в СССР в годы НЭПа»

(вместе с директором Архива экономики Еленой Александровной Тюриной). В рамках этого проекта предпринимается попытка охарактеризовать процесс развития передовых крестьянских хозяйств. Чтобы понять потенциал НЭПа, будут показаны масштабы финансирования сельского хозяйства и перспективы его финансирования в принципе. Ставится вопрос, в какой степени были жизнеспособны крестьянские хозяйства с точки зрения экономического роста? Если бы им дали больше денег, была бы другая политика выхода из кризиса и т.д.? Второй большой проект по линии РФФИ, который мы делаем с Архивом экономики, — о Совете экономической взаимопомощи: о его создании и функционировании на материалах секретариата СЭВ. Это уникальные документы, которые раскрывают механизм формирования СЭВ, истоки современных проблем ЕС и бывших республик СССР. К концу года запланирован выход сборника документов на эту тему, видимо, факсимильный, с размещением на сайте РГАЭ. Третий проект — по Великой Отечественной войне «Алтайские деревни в годы войны», в нем выдвинута гипотеза, что в основе всех результатов хозяйственной деятельности колхозников был административно-репрессивный механизм и управленческий фактор. Конечно, у нас идут и серьезные авторские темы. Например, Олег Борисович Мозохин занимается проблемой экономической безопасности в советской России, им опубликованы интереснейшие материалы, например документальная серия на тему хлебозаготовок в периоды коллективизации и голода: «Хлебозаготовки в СССР в годы первой пятилетки» и после «Великого перелома». Кроме того, мы издали три тома документов на тему так называемого «вредительства» в экономике СССР в годы первой пятилетки, в промышленности и сельском хозяйстве. Олег Мозохин совсем недавно опубликовал книгу о следственном деле «Трудовой крестьянской партии».

А. М. НИКУЛИН: Мы собираемся опубликовать в нашем журнале на эту книгу рецензию.

В. В. КОНДРАШИН: Еще у нас есть большая цель — издать сборник документов о состоянии животноводства в первой пятилетке. Александр Алексеевич Бессолицын разрабатывает тему истории предпринимательства России на рубеже веков, он интересно пишет о потенциале предпринимательства, о позитиве, который был связан с деятельностью активных представителей предпринимательства России. Тогда имел место феномен российской экономики — наличие активных и прогрессивных предпринимателей, которые и о рабочих заботились, и о развитии страны, занимали прогрессивные позиции. Это не тот образ капиталистов, который мы знаем. Игорь Николаевич Слепнев издал замечательную работу о Петре Ионовиче Губонине — вот уж образец прогрессивного предпринимателя, сумевшего направить огромные средства на благотворительность, на развитие страны. Построил железные дороги, Крым обустроивал, сколько сделал

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

для бедных! Таким образом, в Центре сформировалось направление по изучению истории предпринимательства в России. Еще одно — анализ современных аграрных реформ. Ольга Михайловна Вербицкая написала книгу о селе периода 1980–1990 годов, которая признана лучшей монографией Института российской истории! Автор получила премию за эту книгу. Сейчас Вербицкая занимается аграрными реформами 2000-х годов. Также в Центре исследуются сюжеты, связанные с экономической историей стран Прибалтики, Украины и Белоруссии. Это делает Александр Дюков, который издал несколько сборников документов на эту тему. Вениамин Федорович Зима занимается продовольственной проблемой в годы НЭПа. Есть и другие сюжеты, о которых можно долго говорить.

А. М. НИКУЛИН: Это же огромный спектр интереснейших и важных направлений историко-экономических исследований!

В. В. КОНДРАШИН: Мы делали презентацию Центра, показали, сколько книг у нас вышло за последние годы — их огромное количество. Только у меня вышло 114 публикаций за 4 года. Из них 5 монографий и сборников документов. Мы сейчас пытаемся это все актуализировать. У нас есть идея — наладить творческие отношения с нашими коллегами, в частности с Центром крестьяноведения. Очень хорошо, что я являюсь членом редколлегии журнала «Крестьяноведение» — есть планы по этой части. Особенно хотелось бы продолжить традиции, заложенные Даниловым и Шаниным.

А. М. НИКУЛИН: Да, перспективы нашего сотрудничества еще надо обсудить и над ними подумать. А каковы твои личные творческие планы?

В. В. КОНДРАШИН: Личные творческие планы связаны с завершением многотомной «Истории России», текстов по аграрной истории в 9, 10, 12, 13-м томах. Конечно, это планы по реализации проектов РФФИ, о которых я говорил. Еще у меня есть большой проект, связанный с Пензой. Называется он «Документальная история Пензенского края». Планирую издать первый том «Пензенский край в годы Гражданской войны», посвященный событиям 1918 года. В 2014 году мы сделали огромную книгу — сборник документов в двух томах «Пензенская губерния в годы Первой мировой войны», в Праге издали, объем — 100 листов. С доктором исторических наук Нонной Сергеевной Тарховой на базе Российского государственного архива социально-политической истории готовим документальную серию «Военная переписка Троцкого», выходим на финишную прямую, подготовили первый том, где представлены телеграммы Троцкого из его поезда за каждый день. Основная переписка — когда он стал ездить. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь 1918 года. Там интереснейший сюжет о Чапаеве! Я в восторге от Троцкого как военного деятеля, мне его даже немного жалко. По сути дела, он был реальным руководителем Красной Армии, за-

нимался кадрами и снабжением, ввел систему материального поощрения, защищал военспецов, прекрасно разбирался в военном деле, понимал значение материального стимулирования красноармейцев. Денежные премии, подарки, ордена — все это он организовал на достойном уровне. Когда читаешь Троцкого, его деятельность каждый день — это очень интересно. Как я уже сказал, работаю по теме этой переписки с Нонной Сергеевной Тарховой, которая хорошо знала Теодора и Данилова. Она главный архивист томов по крестьянской революции, другим проектам Данилова — Шанина: составитель сборника документов о Филиппе Миронове, об «Антоновщине» и т.д. У нас планируются отдельные сборники о Троцком в 1918, 1919, 1920 годах. Потом будет о нем книга «Троцкий и Красная Армия». Еще хотелось бы написать книгу о Махно, как он воевал. Махновщина — это уникальное явление в мировой партизанской крестьянской войне. Из моих личных творческих дел забыл упомянуть факт участия в создании вышедшей в этом году трехтомной энциклопедии Гражданской войны. Написал для Энциклопедии больше 100 статей, рецензию о ней в «Вестник РФФИ», где сравнил три энциклопедии: советскую 1987–1989 годов, трехтомник «Энциклопедия Гражданской войны 1917–1923 гг.» и указанный трехтомник, в котором крестьянский аспект Гражданской войны представлен моими статьями (крестьянские восстания, сельская экономика и т.д.). Я добился, чтобы в энциклопедии были статьи о крестьянских вожаках. Также с 2020 года на меня возложена высокая ответственность — вместе Антоном Горским быть председателем Симпозиума РАН по аграрной истории Восточной Европы, старейшего научного форума российских аграрников.

А. М. НИКУЛИН: У тебя собственные «исторические фронты» исследований, причем эпохальные!

В. В. КОНДРАШИН: Поэтому я ничего и не успеваю! У меня еще в Пензе идет целый проект по линии РФФИ «Пензенская область в годы Великой Отечественной войны». Для души хотелось бы, чтобы мы встречались в рамках семинара, о котором я упоминал, восстановить традицию обсуждения умных книг и умных людей по аграрной тематике в рамках нескольких научных центров. Не симпозиум по аграрной истории, а именно рабочий семинар, где обсуждаются интересные исследования или актуальные вещи, а потом рассказать об этом на страницах журнала — «Крестьяноведения» или какого-то другого. Я ж еще главный редактор ВАКовского журнала «Известия вузов Поволжья. Серия гуманитарные науки» Пензенского университета. И Шанин был в редколлегии «Известий», я там о нем написал юбилейную статью. В 2015 году, когда мне вручали премию «Лучшие книги России», которую учредили «Ленинка», Русское географическое общество, Фонд Андрея Первозванного, за серию моих книг по аграрной тематике. Я сказал на награждении, что за свою жизнь не про-

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*
«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

дал ни одной книги. Все вроде — ха-ха, никто не читает? Я говорю: да нет, потому что я их дарю! Когда работал профессором в университете, ввел традицию в конце учебного года дарить лучшим студентам свои книги. Если будет все хорошо, то когда-нибудь приступлю к главному труду своей жизни — книге «Крестьяне в СССР».

А. М. НИКУЛИН: Великолепный замысел!

В. В. КОНДРАШИН: Сейчас могу подготовить книгу: «Сельское хозяйство и аграрная политика в России эпохи индустриальной модернизации» на основе своих публикаций, получится интересная история. По НЭПу кое-что есть, мы же индустриальную модернизацию заканчиваем довоенным периодом, понятно, что тогда она прошла. И у меня накопилось масса того, что можно собрать и издать. Как говорил Михаил Левин: «Что такое книга? Это сборник твоих статей, которые ты 5–7 лет где-то публиковал». Собираешь их вместе, еще пишешь что-то — и вот книга. Я уже много написал, книг 15...

А. М. НИКУЛИН: Да это классический академический путь создания монографии — серия основательных статей, а потом они перерабатываются общим сюжетом создаваемой книги. В этот год твоего шестидесятилетия я желаю тебе создать еще очень много новых замечательных статей и книг. Интересная получилась у нас беседа. Спасибо!

“If you are engaged in scientific research, you must have courage!”

Viktor V. Kondrashin, DSc (History), Chief Researcher, Head of the Center for Economic History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. 117292 Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19. E-mail: vikont37@yandex.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

Abstract. The interview with the DSc (History), Professor V. V. Kondrashin presents the milestones of his biography in the historical context of the Russian science and politics in the 20th — 21st century. This biographical reflection includes the events of childhood that awakened his interest in history, the difficulties in the academic career of a young man of the people, the historian's survival under the social crisis of the 1990s. An important part of the interview is formed by Kondrashin's memories of his teachers in school and university — V. V. Danilov and V. V. Kabanov, M. Levin and T. Shanin. Another significant part of the interview focuses on the most important issues of Kondrashin and his colleagues' historical research, mainly the history of the Russian and Soviet countryside under revolutions and reforms of the 20th century (peasant wars, NEP, collectivization, World War II and the late Soviet period of agrarian history). The interview was not limited to the Russian historical context — Kondrashin mentions international scientific projects such as the study of the 1932-1933 famine in the USSR, and of the

survival and development of the Soviet Union in the interaction with its close and distant neighboring countries. Kondrashin describes the cooperation of Russian scientists with their colleagues from Ukraine, Belarus, Kazakhstan, Eastern Europe, France, England, USA, Japan and Australia. A special part of the interview presents his reflections on the 'historian and power' issue. Due to his active social position, Kondrashin was engaged in various social-political activities, including his work as a Senator of the Federation Council. The interview ends with a discussion of his scientific plans for the year of his sixtieth anniversary.

Key words: history, peasantry, revolution, reforms, NEP, collectivization, USSR

*В. В. Кондрашин,
А. М. Никулин*

«Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!»

Об оседлости и «обоседлении»¹

Рецензия на книгу: Сеницын Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991. М.: Центрполиграф, 2019. — 318 с. (Новейшие исследования по истории России). ISBN: 978-5-227-08787-4

В. В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-172-179

Мощно звучит в русском языке слово «обоседление», которым автор рецензируемого научного издания Ф. Л. Сеницын постоянно пользуется для адекватного анализа столь сложного исторического материала, как взаимоотношения советской власти со скотоводами, традиционно приверженными кочевому образу жизни. Сразу оговорюсь, что считаю приводимый анализ вполне адекватным и глубоким. И дело не в тех полутора тысячах ссылок на литературные источники и архивные материалы, которыми историк сопровождает практически каждый свой посыл, аргумент или контраргумент, — это для монографии в общем-то обычно. Дело в методологическом, теоретическом подходе к осмыслению событий и процессов, связанных с переходом к оседлости кочевого населения вчерашней Российской империи, чьи проблемы Советскому государству пришлось унаследовать вместе с огромным количеством других назревших и перезревших проблем нашей страны.

По прочтении книги я уже воспринимаю слово «обоседление» как нагруженное какой-то веселой позитивной энергетикой. Ведь какого масштаба стояла задача?! И ведь справились. Ну и что, что кочевников насчитывалось 3 млн человек, или 2% от населения страны? Но, как подчеркивает автор, они «занимали огромные и стратегически значимые территории, что и было главной проблемой для власти. Контроль «оседлого» государства за кочевыми народами вообще затруднителен, а в России после событий Революции и Гражданской войны стал еще менее достижим. Если

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

во многих частях страны советская власть была установлена с трудом, то на “кочевых” территориях она не была установлена вообще...» (с. 32). За счет чего же в конечном итоге удалось справиться, если стартовая позиция для государства была настолько невыгодной? Если совсем коротко, идея автора состоит в том, что к 1920-м годам сложился мощный комплекс предпосылок перехода кочевников к оседлости; и Советскому государству, которое, как известно, на протяжении этого же периода всячески упрочивало свои позиции в обществе, удалось грамотно опереться на этот комплекс, использовать эти предпосылки в своих интересах — не без недочетов и перегибов (что неизбежно в таком большом деле), но зато без геноцида (чего не избежали некоторые другие государства в решении аналогичной задачи).

Теперь чуть более подробно. Давая читателю возможность оценить то разнообразие мнений и ту категоричность утверждений, что высказываются в последние десятилетия в специальной литературе, Ф. Л. Сеницын явно не на стороне тех, кто пишет о «настоящей катастрофе», которой обернулась советская политика «обоседления» в 1930-е годы, о «насильственной декультуризации», «потере духовных корней». А ведь озвучиваются и такие выводы, что «в советский период казахские скотоводы рассматривались как морские свинки, сырье в погоне за тщетной утопией», или, допустим, что «в три года коллективизации Голощёкин сделал с Казахстаном то же, что Пол Пот с Кампучией» (с. 11, 13). Короче говоря, и в русскоязычном интеллектуальном пространстве, и за рубежом хватает аналитиков, готовых произнести слова «геноцид» и «этноцид» применительно к советской политике перевода кочевников на оседлость в годы коллективизации. Это очень созвучно тому, что в свое время писалось о годе 1933 года как о «сталинском геноциде против собственного крестьянского народа».

Хотелось бы подобную политическую риторику считать вчерашним днем нашей аграрной историографии, о котором неловко и вспоминать. Куда ближе теоретическим воззрениям автора умозаключения С. Ш. Казиева, к чьей докторской диссертации он неоднократно обращается на страницах книги для подтверждения собственных взглядов и позиций. Например, как мне представляется, вполне соответствует материалу рецензируемой монографии вывод Казиева о том, что «массовая гибель людей и откочевки сотен тысяч скотоводов за пределы страны в Центральной Азии были результатом ошибок и “перегибов” строителей нового общества, а не преднамеренным этноцидом “отсталых” народов. Советское государство никогда не планировало физического уничтожения этнических общностей» (с. 13). В той же мере соответствует, что называется, «духу и букве» книги Сеницына вывод казахского исследователя о том, что, «несмотря на чрезмерную “цену” модернизации, коллективизация и оседание казахского аула создали возможности

для интеграции народов республики, действительного выравнивания культурного и социального уровней развития», предоставили «беспрецедентно широкие возможности для развития образования, культуры, здравоохранения». Именно поэтому «казахи были одним из наиболее лояльных к Советскому государству этносов» (с. 11).

И тут я лично никак не могу отделаться от ощущения, что такой взгляд на эти вещи куда более соответствует работам советских историков 1970-х годов, нежели отождествление казахов с морскими свинками. За подтверждением обратимся к тому, что в рамках этого же историографического обзора приводит Сеницын. «Советские ученые, — пишет он, — подчеркивали кардинальные преимущества политики СССР в сравнении с зарубежной. По мнению И. Я. Златкина, в мире практиковалось два варианта перевода кочевников на оседлость: “западный” — “насильственное вытеснение номадов, для которых “нет места” в мире, возглавляемом западной цивилизацией”, и “марксистско-ленинский” — “революционная ломка архаических форм хозяйства, социального строя и домашнего быта, совершаемая самими массами трудящихся под руководством” коммунистической партии. В. В. Грайворонский отмечал, что в капитальных странах “в первую очередь вынужденно переходит к оседлости беднота, разорившиеся скотоводы-кочевники”, тогда как в условиях социализма оседание выступает как “результат целенаправленной и планомерной политики, ...направленной на всемерное улучшение... положения населения”. И. С. Гарусов считал, что “оседание и концентрация малых народов советского Севера в корне отличны от такого же процесса на зарубежном Севере, где он проходил за счет хищнического разрушения традиционных отраслей хозяйства и привел к трагедии коренного населения”» (с. 10).

Разумеется, в этих работах не ставился и не мог ставиться вопрос о той «чрезмерной “цене” модернизации», несмотря на нее, но благодаря коллективизации и оседанию казахского аула, этнические казахи в огромном большинстве своем были вполне лояльны по отношению к советской власти, равно как и кыргызы и представители других этносов, часть которых в 1930-е годы традиционно вела кочевой и полукочевой образ жизни. Не ставился он по той же причине, по которой этот вопрос гипертрофировался в западной советологии и по которой эта гипертрофия в постсоветские годы стала переключиваться в русскоязычную литературу. Об этой причине хорошо сказал еще в 1997 году японский эксперт по экономической проблематике советской аграрной истории той поры Ю. Таниучи: «Надо признать, что история коллективизации всегда принадлежала не столько исторической науке, сколько политике. Так было во времена СССР, такое положение остается и после его распада и в России, и на Западе. Добываемые историками архивные материалы часто оказываются на обслуживании политических нужд. Основной критерий политизированной истории — “превозносим или клеймим”. Представление о многопричинности собы-

тий и установление иерархии причин несовместимо с такой историей...». Берусь утверждать, что автор рецензируемой монографии сознательно и вполне квалифицированно уходит от превозношения или клеймения, стремясь рассмотреть максимально возможное количество причин и факторов перехода к оседлости части населения Советского Союза и тем самым максимально деидеологизируя проблему.

Очень сильная попытка проделать такого рода методологическую работу относится к 1966 году, когда М. Левин опубликовал на французском языке свою книгу о комплексе предпосылок коллективизации «*La Paysannerie et le Pouvoir Soviétique*» («Крестьянство и советская власть»), два года спустя вышедшую в переводе на английский и неоднократно затем переизданную. Риску утверждать, что задачу деидеологизации вопроса о взаимоотношениях органов Советского государства с оседлыми крестьянами, т.е. с огромным большинством населения страны, было решить существенно сложнее, нежели сделать то же по советской политике в отношении кочевников, однако Левин справился с ней блестяще. В случае с советскими кочевниками эта задача упрощается благодаря тому обстоятельству, что вопрос о собственности на землю в теории не стоял, а на практике решался довольно просто и прямолинейно. Как пишет Сеницын, «когда кочевники уже были подчинены “оседлым” государствам, они, во-первых, часто не смогли отстаивать право собственности на свои территории (из-за фактического отсутствия института собственности на землю) и, во-вторых, были вынуждены встраиваться в политическую и экономическую структуру “оседлых” государств, что неизбежно вело к распытыванию кочевой цивилизации» (с. 265). В случае с СССР этот процесс встраивания хронологически совпадает с коллективизацией крестьянских хозяйств и проходит те же стадии, что и коллективизация: умеренные темпы нэповской поры, когда параллельно с сельхозартелями существуют разного рода крестьянские кооперативы, равно как и кулак-частник; резкое форсирование начала 1930-х годов; заметное снижение государственного напора после «Головокружения от успехов».

Иными словами, советские кочевники-скотоводы в ходе модернизации и коренного переустройства своего уклада жизни, или «обоседления», должны были встраиваться в такую социально-экономическую структуру реально существовавшего тогда аграрного производства, по отношению к которой Советское государство также проводило энергичную и, по сути, революционную политику. Идеино-политическая борьба, связанная с историческими оценками событий коллективизации, всегда отличалась особой остротой. Напомню, что официальная версия советской историографии исходила из того, что переход к ведению земледелия на больших колхозных полях, облегчающий механизированную обработку почвы и севообороты, фактически был переходом к новому способу произ-

водства в крестьянском сельском хозяйстве — более прогрессивному в сравнении с квазикапитализмом многих бывших помещичьих производств и крепких кулацких хозяйств (не говоря уже о «пережитках» общинного земледелия). В постсоветской специальной литературе и особенно публицистике стремительно набирали силу мотивы неэффективности советских колхозов в сравнении с потенциальной эффективностью тех, кто попал под нож раскулачивания. При этом весьма решительно критиковалась та постановка вопроса, что сильные общинные традиции, сохранявшиеся в крестьянском хозяйстве нэповской поры, лишь облегчили переход основной массы деревенского населения к колхозно-совхозному строю.

Похоже, что рассмотрение сюжетов, связанных с переходом к оседлости советских кочевников, говорит скорее в пользу такого облегчения, нежели решительной критики подобного взгляда на вещи. Это опять к вопросу о деидеологизации исторической проблематики путей и судеб модернизации отечественной аграрной экономики. Дело в том, что в рамках идеологии советского прогрессизма, существовавшего в СССР под именем марксизма-ленинизма (научного коммунизма) и едва ли не до самого 1991 года считавшегося подлинно научной основой исторического анализа, община отождествлялась с архаикой, и попытки угледеть ее «родимые пятна» в советском колхозе не приветствовались. Альтернативная же идеология (назовем ее здесь для ясности «научным антикоммунизмом») отвергала такие взгляды на том простом основании, что колхозно-совхозная политика Советского государства трактовалась как сугубо антинародная, противоречившая самой логике разумного социально-экономического развития страны. О какой, мол, исторической преемственности речь, если под раскулачивание попадали наиболее рациональные и экономически эффективные сельские труженики?

Взгляд на проблему оседания кочевников в СССР как историческую неизбежность и, следовательно, на государственную политику «обоседления» как абсолютную необходимость позволяет удачно обойти обе эти идеологические крайности. Ведь подобие кочевого рода и крестьянской сельской общины в плане приверженности нормам обычного права и традиционного жизненного уклада особых сомнений не вызывает. В этой связи любопытным представляется вывод Синицына о том, что «процесс коллективизации в “кочевых” регионах можно было реализовать проще, чем в “оседлых”, так как родовые аулы или артели (на Севере) фактически уже являлись своеобразными “колхозами”. Однако власти основной части “кочевых” регионов в период форсирования не стали применять такой подход (хотя позже в ряде регионов к нему и пришли)» (с. 260). Иными словами, оседавшие родовые общины кочевников практически превращались в те же колхозы; и политика советской власти по отношению к «оседлым» сельским общинам нэповской поры (т.е. к крестьянам всех других регионов) была направлена приближи-

тельно на это же. Примечательно и то, в чем состояло одно из основных средств, использовавшихся властями в целях «обоседления». «Здесь также были связаны политический и экономический аспекты, — пишет об этом автор, — ликвидация власти и конфискация имущества “родовых авторитетов”, которые одновременно являлись наиболее зажиточным слоем кочевников, фактически провоцировали прекращение кочевания всего рода» (с. 260).

Не прочитывается ли здесь какая-то параллель с раскулачиванием части «оседлых» тружеников сельского хозяйства, т.е. крестьян-общинников, как одним из условий перехода от нэповской политики к форсированной коллективизации, одним из необходимых способов перехода основной массы деревенского населения к колхозному способу производства? Не могу отделаться от мысли, что в известной мере такая параллель допустима. Возможно ли раскулачить «родового авторитета» (если это действительно — авторитет), без риска взрыва отчаянного возмущения со стороны его соплеменников? Однако, как выясняется, в спокойные 1920-е годы процесс разложения и перерождения традиционных институтов кочевого общества шел своим чередом: «Так, в Казахстане многие аткаминеры погрязли в коррупции, стяжательстве, превратились в посредников при даче взяток властям, львиную долю которых часто забирали себе» (с. 31). Какой уж тут авторитет? Вспоминается широкая дискуссия середины 1920-х годов, освещавшаяся на страницах газет «Беднота» и «Крестьянская газета»: «Кого считать кулаком, кого — тружеником? Что говорят об этом крестьяне?» Эта дискуссия, в которой селькоры приняли активнейшее участие, выяснила тогда интересное обстоятельство: главный критерий, который используют в решении для себя этого принципиального вопроса сами крестьяне — не уровень материального достатка того или другого из односельчан, а способ получения этого достатка. При этом крестьяне руководствуются представлениями о добре и зле, что основаны на обычном праве и на том, что в крестьяноведении принято называть «моральной экономикой». Похоже, что представители кочевой цивилизации были склонны поступать так же.

В рецензируемом научном издании содержится еще много интересной исторической информации, любопытных суждений и выводов. К примеру, впечатление, которое произвело на кочевых обитателей казахских степей строительство Туркестано-Сибирской железной дороги в 1927–1930 годы, и те возможности, которые это предоставляло для перехода от кочевания к какому-то новому образу жизни. Другой пример: сокращение в 1927 году в Туркмении сельхозналога на две трети по сравнению с предыдущим годом и упорядочение прогрессивного порядка обложения этим налогом, что повлекло изменение отношения кочевников к политике Советского государства в лучшую сторону (с. 67). Как известно, подобная налоговая политика советской власти по отношению к сельским жителям других регионов страны вызывала у крестьян полное

одобрение и такое ощущение, что государственная власть действует сообразно традиционному сельскому сходу, поддавливая налогом тех, что побогаче, а кому положено, давая послабление.

Активные и вполне эффективные действия предпринимались государством в борьбе против басмачества. Создавались добровольные отряды милиции для защиты кочевников от басмачей, власти стремились опереться в этом деле на поддержку оседлых соплеменников мирных кочевников. Даже на уровне словоупотребления законопослушные, склонные к оседанию кочевники прямо или косвенно побуждались действовать в русле политики властей, поскольку само слово «басмачи» оседлые жители Средней Азии традиционно использовали для определения кочевников, со стороны которых время от времени терпели набеги. Советская же власть в системе пропаганды «басмачами» обозначала своих врагов, что склоняло к определенным размышлениям людей, ведущих кочевой или полукочевой образ жизни (с. 28-29).

Заключительная глава монографии называется «“Оседлое” государство и кочевники: зарубежный опыт» (с. 210-251). И в ней по необходимости кратко, но вполне вразумительно показаны исторические особенности осуществления этой политики в таких странах и регионах мира, как Китай, Монголия, Афганистан, Иран, Ближний Восток и Магриб, Африка южнее Сахары, зарубежная Европа, Австралия. Помимо особенностей, разумеется, проступают и общие черты данного политического курса разных государств, которые, как отмечалось выше, можно кратко определить как необходимость для кочевников встраиваться в основные социально-экономические и политические параметры того или иного государства. И особенности как раз определяются довольно существенным разнообразием этих параметров. Отдельный параграф этой главы под названием «Пыльные котлы» (с. 249-251) повествует об одной из самых кошмарных экологических катастроф, которая, как правило, сопровождается резкий переход от кочевого скотоводства к оседлому животноводству, а также о том, сколь мало склонны политики учиться чему-то в этом плане на чужом опыте. Это не в последнюю очередь относится к советской целинной эпопее хрущёвской поры (с. 254-255).

«Политика многих “оседлых” государств — Китая, Ирана, Монголии, Афганистана, стран Ближнего Востока, Магриба и др. — в отношении кочевников имела определенное сходство с политикой Российской империи и СССР, — формулирует один из своих выводов Ф. Л. Синицын. — В то же время, в отличие от Австралии и ряда стран Европы, в России и СССР никогда не осуществлялся геноцид или преследование кочевого населения. Результаты действий властей ряда стран Африки по отношению к кочевникам, приведшие к ухудшению здоровья последних, отличаются от ситуации в СССР, где перевод кочевников на оседлость имел существенные положительные последствия в сфере здравоохранения, образования и социального обеспечения» (с. 264).

В заключении автор также высказывает мысль, что если определенный взаимовыгодный симбиоз между «оседлым» государством и кочевниками был возможен в том мире, где государственные границы определялись не только географическими, но и экономическими параметрами, то в современную эпоху глобализации мир «сузился», и места для кочевников в их исторических ареалах обитания почти не остается. Одной из важнейших предпосылок и факторов «обоседления» кочевников в прежнем мире — мире национальных границ — было как раз стремление государства прекратить трансграничные миграции, сделать более четкими те самые границы, внутри которых обеспечивались бы политический и фискальный контроль над населением своей страны, своей политической (пусть даже и полиэтнической) нации. Сегодня многое в этом плане выглядит существенно иначе, и трансграничные миграции, хоть и приобрели совсем иной характер в сравнении с кочевым скотоводством, стали делом вполне обычным.

On sedentariness and 'settling'²

Review of the book: Sinitsyn F. L. The Soviet State and Nomads. History, Policy, Population. 1917–1991. Moscow: Tsentrpoligraph, 2019, 318 p.

Vladimir V. Babashkin, Professor Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571 Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

2. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

Вопросы без ответов, или Еще одно «измерение» российской сельской дифференциации¹

**Зачарованное место. Медиапотребление,
медиаграмотность и историческая память сельских
жителей / Под ред. А. Г. Качкаевой, А. А. Новиковой. М.: ВШЭ,
2021. — 168 с. ISBN 978-5-7598-2522-7**

И. В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-180-190

В последние десятилетия возможность построения некоей системной типологии российских сельских территорий рассматривается в экономических и социологических работах. Как правило, они фокусируются на сценариях развития сельских районов, институциональных ловушках и транзакционных издержках многочисленных попыток решить «земельный вопрос», объективных противоречиях постсоветского аграрного реформирования, стратегиях возрождения сельской периферии, соотношении формальных и неформальных социально-экономических практик, взаимосвязанных тенденциях раскрестьянивания и окрестьянивания, централизации и разгосударствления, холдингизации и обезземеливания, глобализации и глокализации, исторических и современных проектах аграрного и сельского развития и т.д.² Неизменным рефреном подоб-

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

2. См., напр.: The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition (2003) // *Halle Studies in the Anthropology of Eurasia* / Hann C., Rottenburg R., Schnepel B., Shimada S. (Eds.). Vol. 1. Münster; *Нефедова Т. Г.* (2003). Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.; *Ханн К.* (2007). Отношения собственности в постсоциалистических обществах // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 5. № 2; *Allina-Pisano J.* (2008). The Post-Soviet Potemkin Village. Politics and Property Rights in the Black Earth. Cambridge University Press; *Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы* (2009) / Отв. ред. Т. Е. Кузнецова. М.; *Калугина З. И., Фадее-*

ных работ (даже самых оптимистичных) выступает констатация сжимания российского сельского пространства (что подтверждается сокращением доли сельских жителей, прежде всего вследствие миграционного оттока молодежи), сокращения набора и объемов традиционных видов аграрной занятости, истощения человеческого и социального капитала сельских территорий, консервации здесь объективной и субкультурной бедности и других негативных тенденций, не позволяющих сельским поселениям преодолеть разрыв в уровне и качестве жизни с городами. Резкая социально-экономическая дифференциация — отличительная черта российского общества в целом, но наиболее выпукло она просматривается при сравнении жизненных практик и возможностей городского и сельского населения (например, в Норвегии нет столь резкого разрыва, и, как утверждают наши норвежские коллеги, даже в самых периферийно-сельских районах там можно жить, располагая всеми благами современной городской цивилизации).

Книга «Зачарованное место» предлагает взглянуть на современных жителей российских сел с применением иной исследовательской «оптики» к проблемам внутрисельской поселенчески-пространственной дифференциации — с позиций медиапотребления

ва О. П. (2009). Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск; *Пиллясов А. Н.* (2009). И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.; *Стародубровская И., Миронова Н.* (2010). Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы. М.; *Шагайда Н. И.* (2010). Оборот сельскохозяйственных земель в России: трансформация институтов и практика. М.; *Линднер П., Мозер Э.* (2011). (Де)централизация сельской России: местное самоуправление и «вертикаль власти» // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 6 / Под ред. Т. Шанина, А. М. Никулина, И. В. Троцук. М.; Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России (2011). М.; *Нефедова Т. Г.* (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.; *Узуи В. Я., Шагайда Н. И.* (2015). Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.; *Божков О. Б., Игнатова С. Н.* (2015). Российский сельскохозяйственный предприниматель: формирование и воспроизводство социальной группы // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10 / Под ред. Т. Шанина, А. М. Никулина, М. Г. Пугачевой. М.; Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) (2016). / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.; *Игнатова С. Н., Божков О. Б.* (2016). Факторы успешности сельхозпредприятий в экстремальных экономических условиях // Пути России. Новый старый порядок — вечное возвращение? Т. XXI / Под ред. А. Ф. Филиппова, М. Г. Пугачевой. М.; *Форбруг А.* (2018). Не только о земле и о ее захватах: дисперсное лишение прав на землю в сельской России / Пер. с англ. яз. И. В. Троцук // Крестьяноведение. Т. 3. № 3; *Никулин А.* (2020). Школа Чаюнова: утопия и сельское развитие. М.; *Форбруг А.* (2020). Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры / Пер. с англ. яз. И. В. Троцук // Крестьяноведение. Т. 5. № 1 и др.

и медиаграмотности. Безусловно, это интересный аналитический ракурс, но у социологически и экономически подготовленного читателя не может не возникнуть к книге сразу нескольких вопросов уже при взгляде на ее название. Во-первых, почему медиапотребление и медиаграмотность идут в связке с исторической памятью — все же это очень разные тематики. Во-вторых, почему четко эмпирически интерпретируемые понятия медиапотребления используются в названии вместе с метафорической конструкцией «зачарованное место». В-третьих, как столь много сложнейших многоаспектных проблематик поместилось в небольшую по объему книгу (168 страниц), учитывая, что в нее включены два предисловия («не совсем научное» и «научное»), заключение, библиографические списки и цитаты из интервью с сельскими жителями, а в аннотации заявлена еще одна огромная по объему проблематика социальной удовлетворенности. Авторы позиционируют книгу как «результаты междисциплинарного научного исследования, проводившегося в 2012–2014 годы, и журналистских наблюдений... в период значительного усиления вовлеченности технологий в жизни людей в сельской местности», по итогам которых «зафиксирован важный этап трансформации медиасферы — ситуация перехода на цифровое многоканальное телевидение в различных регионах и начало формирования новых (цифровых) практик медиапотребления» (с. 2). И сразу снимают возможное критическое замечание о временной отдаленности своей полевой работы от дня сегодняшнего уточнением, что «в книгу вошли актуальные рефлексии исследователей о влиянии описанных процессов почти десятилетней давности на уровень медиаграмотности и социальной удовлетворенности сельских жителей» (с. 2). Тем не менее в работе сделан слишком большой тематический и оценочный замах, в чем читатель последовательно убеждается по мере чтения книги.

Как неоднократно подчеркивают авторы, они стремились соблюсти баланс между научно-исследовательским и журналистским аспектами работы, но книга все же носит избыточно оценочно-публицистический характер. Это не значит, что представитель академического сообщества (своего рода «научный пурист») должен сразу отложить книгу в сторону как не заслуживающую внимания — она требует к себе внимательного отношения как минимум по двум причинам. Во-первых, книга отражает основные тематические и оценочные акценты устойчивого дискурса о российском селе/периферии: как российское сельское пространство и его жители воспринимаются общественным мнением и репрезентируются в медиaprостранстве. Во-вторых, противоречия, с которыми читатель «научного типа» сталкивается в тексте, и вопросы, которые у него постоянно возникают, говорят о том, что авторы книги успешно обозначили направления дальнейшей работы, а в социальных науках правильные вопросы — важнейший исследовательский шаг.

Обозначенные особенности книги делают ненужным и даже бессмысленным пересказ ее содержания, поэтому попробуем реконструировать предлагаемый авторами взгляд на социально-медийную дифференциацию сельских жителей, который пока порождает больше вопросов, чем дает ответов, и оказывается слишком оценочно-иллюстративным для соблюдения баланса между научным и публицистическим подходами. Во-первых, это отсутствие статистической и количественно-социологической контекстуализации приводимых аналитических обобщений на основе полевых наблюдений и интервью, например, говорить о каналах-«телелюбимчиках» сельского населения имеет смысл в контексте общероссийских телевизионных рейтингов.

Во-вторых, это методологические недосказанности: например, каковы критерии отнесения к «глубинке» «почти половины населения страны — более 75 млн человек» (с. 7); почему настенные календари были включены в список индикаторов «технической и культурной оснащенности домохозяйства» (с. 57); почему для изучения медиапотребления была выбрана «теория практик» (Бурдые, Гарфинкель, Гидденс, Шюц и др.), а не традиция изучения коммуникационных технологий и медиапотребления (Иннис, Маклюэн, Лассуэл, Ноэль-Нойман, Грушин, Коробейников, Фирсов, Вартанова и др.). Безусловно, медиапотребление — это социальная практика, или совокупность устойчивых социокультурных способов деятельности и привычных навыков обращения с медиаресурсами, но ее своеобразие определяет медийно-цифровая природа, и, возможно, следовало уточнить применимость концепций информационного/медиа/кибергорода к исследованию сельских районов. Тем более что авторы отмечают в сельской местности те же процессы, что происходят в городах, пусть и в иных масштабах и темпе, — вытеснение практик чтения книг и потребления музыки на дисках и в радиоэфире за счет их перевода в социальные сети, Интернет, мобильные устройства (с. 24). Столь же справедливо наблюдение, что «основной досуг сельских жителей все еще тесно связан с телепросмотром» по причине «удаленности от культурных центров и слабо развитой местной инфраструктуры развлечений», а «приемам пользования Интернетом и смартфоном старшее поколение сельских жителей обучали дети и внуки» (с. 26) — аналогичные процессы наблюдаются в городах, но городская молодежь предпочитает телепросмотр в Интернете по другим причинам (сложный график жизни, просмотр кинофильмов в транспорте и т.д.).

Методологическая часть книги не всегда выверена даже в тех случаях, когда авторы уточняют ее элементы, например, «просто разговоры с людьми» — это не «материал для размышлений», а именно тот «набор социологических данных», который был получен в ходе «проведения исследовательских работ» (с. 11), поскольку использовался метод интервью. Авторы упоминают глубинное ин-

тервью, но в подобного рода проектах допустимо и свободное интервью, а если оно превращалось в монолог информанта, то речь может идти и о нарративном интервью, но не об «эго-документах».

В книге встречается и неоднозначная терминология. Например, представляется, что говорить о «крестьянском сословии» применительно к XX веку можно скорее в метафорическом, чем в буквальном смысле, и вряд ли в «каждом из посещенных сельских поселений» авторы «встретили представителей разных сословий — и титульных (имеющих отношение к власти), и нетитульных (в частности, пенсионеров, бюджетников, коммерсантов)» (с. 27). То, что границы этих сословий несколько размыты, авторы объясняют территориальной удаленностью от городских центров как мест концентрации власти, но причина скорее в неприменимости сегодня «сословной» стратификации, тем более что представители «нетитульных сословий» в сельских районах часто обладают властным ресурсом: например, пенсионеры работают главами муниципалитетов, а предприниматели спонсируют выполнение общественных работ и праздники, и потому влияют на управленческие решения в своем районе. Авторы признают «внесословное положение сельских жителей или их возможность не идентифицировать себя ни с каким сословием» по причине принципиальной «автономии» от государства, особенно в сельских поселениях, удаленных от городских центров, но для объяснения «антигосударственного» настроя сословная метафора не нужна — можно использовать метафору «второй России» (чувство социальной незащищенности и отстраненности от городской жизни замыкает людей в близком социальном круге и локальном сообществе) или «оружия слабых» (издержки и негативные последствия социально-экономического реформирования на селе компенсируются традиционными нормами общежития³). Поэтому вряд ли «демонстративное равнодушие и бравада свободой, которую дает сельским жителям удаленность от городской жизни, в большей степени самообман и игра» (с. 61). Столь же сомнительно, что в наше время можно наблюдать «разрушение крестьянской общины, начатое почти сто лет назад» (с. 59) — вероятно, речь идет о традиционном сельском сообществе гемайншафтного типа, и авторы действительно расшифровывают «общину» как «колхоз, соседей».

Несомненно, авторы реализовали качественный исследовательский подход, но и он требует более четких обоснований принятых решений. Например, приведенная в начале книги «россыпь цитат из “живых” интервью, “голосов” героев», «воссоздающая атмосферу, в которой люди выросли и живут большую часть жизни» (с. 14), свою задачу не выполняет, потому что представляет собой

3. Скотт Дж. (1996). Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ежегодник. М.

слишком разрозненные фрагменты, которые следовало сгруппировать в иные тематические блоки, чем «Воспоминания» и «Впечатления». Публикация цитат из интервью предполагает указание возраста респондентов — читателю непонятно, какой возрастной интервал авторы подразумевают у «пожилого мужчины/женщины» (от 60 до 90?), «женщины/мужчины средних лет» (от 36 до 59?), «молодой женщины» (от 16 до 35?). Не обосновывается квотный отбор информантов, не уточняются «стандарты качественного исследования», не объясняется итоговое количество интервью (и почему больше всего интервью было проведено в Ростовской области), не указаны количество и критерии отбора (основных) рассказчиков в каждом домохозяйстве и проводилось ли интервьюирование и анкетирование в тех домохозяйствах, где члены отказывались фотографироваться (с. 32). В аналитических обобщениях встречаются понятия, которые требуют уточнений: «три города (из скольких), о которых жители Угор часто (критерий частоты) говорят в интервью» (с. 35); «многие (половина, треть?) жители заняты на производстве», «значимые (по каким критериям) для жителей поселка Коксовый города» (с. 37); «старались выбирать коренных жителей региона (критерии укорененности)» (с. 43); «часто говорят о семье и редко — о религии (критерии редкости и частоты)» (с. 46); «один из самых благополучных с экономической точки зрения» (по каким критериям) (с. 66); «биологические страхи — связанные с непосредственной угрозой жизни», а «социальные страхи — связанные с социальными угрозами» (но разве они не могут угрожать жизни, например, преступность) (с. 142) и др.

Кейс-стади — традиционная тактика качественного подхода⁴, но отбор кейсов должен быть более четко обоснован с точки зрения «типичности», чем «разные населенные пункты, расположенные в разных частях страны», «национальные (Татарстан) и иные регионы (Ростовская, Костромская, Иркутская области)», «вымирающие северные и вполне себе населенные южные», «традиционный колхозно-крестьянский образ жизни, ориентированный на основную долю занятых в сфере промышленности, и населенный пункт, тесно связанный с лесозаготовками». Как эти характеристики влияют на медиапотребление и насколько конкретные поселения типичны для каждого региона? По каждому поселению дается историческая справка, но ее содержание слабо связано с медиапотребительскими практиками и не характеризует типичность кейсов, хотя выводы авторы делают о регионах, например, о «сель-

4. См., напр.: Троцук И. В. (2007). Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 4; Божнов О. Б., Троцук И. В. (2018). Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 18. № 4 и др.

ских жителях Костромской области». Скажем, насколько сельское поселение Угоры типично для Костромской области и Русского Севера в целом, который «во многих отношениях сохраняет вневременной деревенский колорит — ужасные дороги, множество умирающих деревень с покосившимися избами и бескрайние леса вокруг. Кажется, что время здесь застыло и все остается неизменным — как сто лет назад» (с. 42). Авторы отмечают, что «в Угорах к приезжим исследователям относились очень приветливо... а жители других регионов относились... гораздо более подозрительно, а иногда и просто враждебно», объясняя это тем, что «в Угорах уже несколько лет располагалась база Сообщества профессиональных социологов, так что люди привыкли к то и дело приезжающим ученым и студентам» (с. 43). Но это не просто база, а своего рода реальная модель сохранения и возрождения сельских поселений⁵ силами столичных дачников, привозящих с собой и городские практики медиапотребления, т.е. Угоры — нетипичный кейс, особенно на момент исследования (с тех пор дачно-усадебное движение значительно расширилось).

В-третьих, это сильные выводы на основе достаточно ограниченной аргументации. Скажем, сомнительно, что «именно население сел и городов с населением менее 100 тысяч человек стало важнейшей аудиторией и для коммерческих вещателей, и для рекламодателей» (с. 7) — все же это не самая интересная для этих групп аудитория с точки зрения реальных доходов и, соответственно, потребительских возможностей. Сельская Россия выступает в книге как «другая Россия» — «зачарованное место, где настоящее никак не может проститься с прошлым» (с. 20), но существуют и иные трактовки «второй России»⁶. Почему традиционное хранение дома икон («так положено») приравнивается к «ритуальному христианству, в котором все еще ощутимы языческие истоки» (с. 47). Почему то, что сельских собеседников раздражает «жестокость, грубость, слишком вольное поведение и в кино, и в телевизионном эфире», авторы интерпретируют как проявления «морализма», а не феномена социальной желательности в сельском социуме, где «все всегда на виду», и самоубеждения в преимуществах «повседневной сельской жизни, где они практически не сталкиваются с негативными проявлениями человеческих отношений, которые свойственны жителям больших городов... в деревне люди добрее и спокойнее» (с. 53), хотя во многих сельских районах уровень социальной деградации значительно выше, чем в городах. Несколько сомнительно и то, что уехавшие из села молодые люди стараются не рассказывать сельским родственникам

5. См. сайт Угорского проекта: <http://www.ugory.ru>

6. См., напр.: *Троцук И. В.* (2014). «Вторая Россия»: форматы «обнаружения» и дискурсивной презентации // Пути России. Новые языки социального описания / Под общ. ред. М. Г. Пугачевой, В. П. Жаркова. Т. XIX. М.

о городской жизни, полагая, что «незнакомое насторожит их и вызовет непонимание»: о городских новшествах родственники узнают из телевизионных передач; авторы признают, что обеспеченные сельские жители по образу жизни могут мало отличаться от горожан; а пожилые родители радуются успехам детей, которые стали «как городские».

Не вполне понятно разделение сельских домохозяйств на три группы — с низким, средним и высоким «социокультурным статусом» — на основе количества предметов из заданного набора в 34 элемента «технической и культурной оснащенности домохозяйства» (от бытовой и медиатехники до книг и настенных календарей), а также вывод из определенного количества предметов о «стремлении людей к повышению качества жизни и готовности родственников к взаимопомощи» (с. 57). Неочевидно и разведение трех «наиболее часто упоминаемых типов медиапродукции — советских кинофильмов, голливудских блокбастеров и отечественных телесериалов» — на основе наиболее типичных для них клише: разве зарубежные фильмы обязательно должны быть сняты в Голливуде, а телесериалы — быть только российскими, и относятся ли к «советскому кино» (это фильмы, снятые с 1920-х по 1991 год?) такие сериалы, как, например, «Место встречи изменить нельзя»? Построение «типологии сельских киноманов» по критерию принятия киноклише из этих трех групп также вызывает вопросы: разве одни и те же клише не могут воспроизводиться в разных группах (например, современные российские римейки советских кинофильмов и кальки с западных сериалов); будет ли «русифилом» («предпочитающим все отечественное») человек, который любит снятый А. Кончаловским голливудский блокбастер «Танго и Кэш» (а сегодня фильмы Т. Бекмамбетова «Особо опасен» и «Бен Гур») и т.д.

Отмеченное авторами «достаточно уверенное положение каналов “первой тройки” — Первого, “России 1” и НТВ» может объясняться и тем, что значительную долю эфирного времени первых двух составляют новостные программы и связанные с их повесткой ток-шоу, где показывают выступления лидеров социального доверия россиян (прежде всего президента) и бесконечно обсуждаются их идеи и высказывания. Многие обозначенные авторами характеристики («набор ценностей») сельских жителей свойственны российскому обществу в целом: уверенность в невозможности личного участия в улучшении жизни, неприятие протестных форм гражданской активности, склонность обвинять во всех бедах чиновников всех уровней. Отмеченные гендерные различия в коммуникативных практиках сельских жителей выглядят слишком стереотипизированными, и делать подобные выводы нужно по относительным, а не абсолютным частотам (с. 104). Разводить устную и письменную культуры как принципиальные отличия сельских и городских жителей сегодня сложно, учитывая масштабы цифровизации, — вероят-

но, следует говорить о поколенческих различиях, а не об «особенностях типов интеллекта и приемлемых для них стилях обучения» (с. 115).

Авторы полагают, что сельские жители «во многом сохранили позднесоветское сознание» (в чем его отличия от ранне- и просто советского?), и «модель человека, ориентированного на индивидуалистические ценности, у них не сложилась», несмотря на «разгосударствление», но опросы общественного мнения говорят о том, что такая модель сложилась, и сами авторы неоднократно приводят тому примеры, в том числе в сфере медиапотребления. Сельские респонденты обычно охотно общаются с исследователями, желая «быть услышанными», но связывать этот запрос с тем, что «советская и постсоветская массовая культура, в отличие от западной, очень мало работала с травмами и страхами» (с. 140), упоминая при этом концепцию «общества риска» У. Бека, несколько странно. В целом баумановский «синдром тревожного мира» сегодня стал социальной нормой в дюркгеймовском смысле, поэтому «шрамы памяти и страхи — часть повседневного существования», через которые «люди смотрят не только на прошлое и настоящее, но и на будущее» (с. 142), но все же они воспринимаются не столько как «травмы», сколько как «нормальная жизнь».

В-четвертых, это встречающиеся в тексте противоречия. Например, авторы приводят многочисленные цитаты из интервью с сельскими жителями и выделяют курсивом интересные вербальные конструкции, но в то же время отмечают, что «тексты интервью часто трудно читать, в них много повторов и сумбура, много клише из официального дискурса» (с. 12). В качественном подходе именно сумбурно-несвязные повествования считаются исследовательской удачей, а наличие в них клише говорит не столько о «вытесненной субъективности», сколько о воспроизводстве идеологических клише как дискурсивной «нормы» (язык как инструмент объективации в социально-феноменологическом смысле).

Не вполне понятно, как «многоканальное телевидение и массовый доступ к Интернету могли повлиять на художественные вкусы, способность критически мыслить... или по крайней мере внести коррективы в привычный медиауклад» (с. 10) — вряд ли перевод привычного «контента» в иной технологический формат мог столь радикально изменить общественное сознание и социальные практики. В начале книги авторы справедливо-иронично оценивают намерения «сторонников модернизационного дискурса о цифровом телевидении» с его помощью «обеспечить сельским жителям “поставку” городского образа жизни и “открытие” сознания», критикуя эти намерения как «чистой воды технологический детерминизм» и убедительно показывая «невозможность “победоносного шествия” городской медиатизированной культуры в сельской среде» (с. 21). Однако затем во втором разделе отмечают, что «выход жителей села на новый виток модернизации (насколько здесь ну-

жен именно этот термин?) повседневных бытовых и культурных практик не привел к существенным изменениям их привычек и художественных предпочтений» и «не повлиял на отношения в семьях... — сохранилось главенство мужчины в семье, в частности его досуговых предпочтений при выборе телепрограмм и кинофильмов» (с. 46) — но разве такая «модернизация» могла повлечь столь радикальные изменения в принципе?

Таким образом, научная часть книги получилась отрывочно-фрагментарной, а публицистическая — оценочно-прямолинейной, несмотря на корректную постановку интереснейших задач: зафиксировать изменения медиапрактик и сохраняющиеся технологические диспропорции в сельских районах, проиллюстрировать реальными примерами сложнейшую проблему цифрового неравенства в российском обществе и необходимость развития цифровой и медиаграмотности сельских жителей. Это не означает, что все сказанное авторами неверно, тем более что они признают «очень субъективный, описательный и публицистический» характер своей работы, — скорее недостаточно аргументированно для научного исследования, а в статусе публицистических заметок материал не вызвал бы столько вопросов, поскольку содержит много важных наблюдений: о «перманентном ремонте как творчестве и образе жизни», демонстративном потреблении (включая его гипертрофированные формы — сохранение ценников на вещах и размещение дорогих покупок на виду), «хаотичности медиапотребления», «китчевости» сельской субкультуры, «псевдоностальгической идеализации советского прошлого, характерной для старшего и отчасти среднего поколения» (хотя ее обусловленность «культурой китча» сомнительна), разнородном составе ««других», не вписывающихся в правильную картину мира сельских жителей», не меньшей «авторитарности» цифровых платформ, чем телевидения, которая скрывается за внешним коммуникативным хаосом, и т.д.

Читатель с иным исследовательским опытом может высказать иные оценочные суждения (предложить иные аналитические обобщения), апеллируя к другому набору сельских «кейсов», статистическим обследованиям, социологическим данным и источникам (в книге наблюдается перекося bibliографических списков по разделам — где-то они внушительные, где-то указан только один источник, странно выглядит список из пяти зарубежных англоязычных работ в разделе о сельском поселении Угоры как примере «заложника колеи»). Здесь можно лишь солидаризироваться с рецензентом книги, А. Н. Архангельским, в том, что она представляет собой «полифонию голосов ученых, журналистов и сельских жителей», которая «не дает строго научного подтвержденного ответа на исследовательские вопросы, зато позволяет читателю думать над ними дальше, уже самостоятельно».

Все это заставляет воспринимать книгу как убедительную попытку наметить контуры будущих исследований важного аспекта

российской сельской жизни — медиапотребительской дифференциации как определяющей, в том числе социальное самочувствие сельских жителей: авторы обозначили оформившиеся в данном предметном поле аналитические противоречия, методические ограничения, социальные стереотипизации и объективные тенденции. С этой точки зрения книга — хорошая стартовая позиция для исследователей социально-экономической дифференциации в сельских (и не только) районах — как обусловленной сложным переплетением субъективных и объективных факторов в локальном, региональном и глобальном контекстах.

Questions without answers, or one more 'dimension' of the Russian rural differentiation?

Review of the book: Enchanted Place. Media Consumption, Media Literacy, and Historical Memory of Rural Population / Ed. by A. Novikova, A. Kachkaeva. Moscow: HSE, 2021. 168 p.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571 Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

7. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

International conference “Alexander Chayanov: Differentiation and integration of economics and politics, science and art”

Eliane Fitzé

Eliane Fitzé, PhD Student, Chair of Slavic Literature, University of Fribourg. Rue du Criblet, 13, 1700 Fribourg, Switzerland. E-mail: eliane.fitze@unifr.ch

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-191-195

An interdisciplinary group of scholars participated in the online conference “Alexander Chayanov: Differentiation and integration of economics and politics, science and art”, organized by the Chayanov Research Center, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gorky Institute of World Literature, and University of Fribourg. The conference brought together various approaches to the study of Chayanov’s legacy in order to examine ways to differentiate and integrate its areas: from academic work — on agrarian economy, sociology and history — to literary writing. The examination of Chayanov’s works in regard to the inseparable connection between these different areas provided an opportunity to take a new look at Chayanov’s oeuvre as a whole. Moreover, the conference established a platform of 22 scholars interested in Chayanov’s legacy, which open further possibilities for future collaboration.

Participants of the conference discussed the following issues: integration and differentiation of Chayanov’s legacy and reflections on the peculiarities of interdisciplinary research; examinations of the relationship between economics, sociology, history and literature in Chayanov’s life and work; challenges in the study of the life and work of Chayanov as a writer and scholar; uncovering of unknown facts and new materials in the study of his literary and scientific legacy; Chayanov’s literary and scientific work in the context of the era; Chayanov and the utopian tradition; his communications and mutual influences.

The conference was opened by Dr. Alexander Nikulin (RANEPА, MSSES, Director of the Chayanov Research Center) and Dr. Nataliya Kornienko (Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Modern Russian Literature and Russian Literature Abroad of the Gorky Institute of World Literature). Nataliya Kornienko underlined the importance of interdisciplinary work in the study of the first quarter of the 20th century by an

interesting parallel between Chayanov's *A Short Course on Cooperation* (1925) and Platonov's and Pilnak's *Che-Che-O* (1928): the former, a scholarly work, employs poetic images from literature, while the latter, a literary work, presents a thorough analysis of the social-economic state of the village. She praised the conference for its interdisciplinarity, internationality, and integration of younger researchers.

The *first section "Alexander Chayanov. Biography and Local History"* started with a presentation by Vera Bondarik (A. V. Chayanov's granddaughter) on Chayanov's biography which included new facts on Chayanov's life and showed him as a man of his historical time and environment. Dr. Tatyana Savinova (Russian State Archive of Economics) spoke about "The year 1918 in the life of A. V. Chayanov: Cooperation, literary activity, and anarchism" and highlighted the importance of the year 1918 as a watershed moment in Chayanov's life and work. Dr. Andrey Postnikov (Museum-Estate Arkhangelskoe) in the presentation "The Institute of Agricultural Economics at Moscow Yusupov Palace (1927–1936)" examined the role of this palace in Chayanov's life and work (in 1927, he got it for his Research Institute of Agricultural Economics) and the role of Chayanov in the history of the palace. Dr. Alexander Nikulin, the discussant, praised all three presentations and raised questions about the life and work of Chayanov, such as about his incredible determination to his work and relentlessly positive attitude, the dire circumstances of his life, the paradox that Chayanov flirted with anarchism, but was a 'statesman', a proponent of the strong state, the role of aristocrats-philanthropists of the Yusupov family in Chayanov's life and work and in history of Moscow and Russia.

The *second section "Chayanov. History and Economics"* was opened by Dr. Stephan Merl (University of Bielefeld) with the presentation "Was Chayanov's concept of peasant agriculture under the Soviet rule realistic? The emergence of the 'kulturniki' as an answer to the 'Face to the Village' Policy of 1924–1925". Stephan Merl examined the figure of the 'kulturniki', the (middle) peasants that reacted positively to the 'Face to the Village' policy and tried to focus on accumulation on the basis of the cooperative movement promoted by Chayanov, which, however, did not save them from dekulakization. Dr. Lyubov Ovchintseva (RANEPA) spoke about "The evolution of Chayanov's views on the national economic significance of peasant farms". Her comparative analysis of Chayanov's texts of the early and late 1920s revealed the changes in his concept of the peasant economy as a labor economy with special incentives for development. In the presentation "'How can I thank you, Bulgakov!': A. V. Chayanov as a follower of the Moscow school of political economy", Dr. Igor Kuznetsov (RANEPA) examined the contacts of Chayanov with Sergey Bulgakov, who was one of the forerunners of the organization-production school: from him Chayanov seems to have borrowed the name for his protagonist in one of his fan-

tastic-romantic short stories. The section’s discussant Dr. Tatyana Savinova praised the presentations as three different interdisciplinary approaches to Chayanov’s life and work, but added some critical comments for future research such as a need for a more thorough and wholesome analysis of the academic atmosphere at the Moscow University, which had a huge impact on three generations of scholars, and of the specific context of the 1920s.

The third section “The Literary Context of Chayanov’s Works” focused on the culturological approaches to Chayanov’s works. In the presentation “The ephemeral and elusive nature of certain meta-real characters and images in Alexander Chayanov’s romantic novels in the light of the literary and historical context of his time”, Dr. Giulia Gigante (Brussels Free University) examined the ephemeral in Chayanov’s romantic short stories and identified common images in the writings of Chayanov and Aldo Palazzeschi. Dr. Muireann Maguire’s (University of Exeter) presentation “A. V. Chayanov and his literary peers: Tracing 20th century Russian gothic” identified some common tropes and literary strategies in the works of Chayanov, Pavel Muratov, and Alexander Amfiteatrov. They all refer to the past to create an estranging effect, which is a typical strategy of the English Georgian era. Dr. Natasha Grigorian’s (University of Konstanze) presentation “Alexander Chayanov’s *The Journey of my Brother Alexey to the Land of Peasant Utopia*: Thought experiments and utopian heroes” considered Chayanov’s work as a ‘counterfactual thought experiment’. The section’s discussant Eliane Fitzé (University of Fribourg) had several questions to each participant, for instance, about the difference between thought experiment and utopia, the epoch awareness of Chayanov and his peers, and the link between the past and the ephemeral, the past and the uncanny in Chayanov’s literary works.

In the *fourth section “Chayanov’s Futurology: Politics and Art, History and Contemporaneity”*, Dr. Chris Monday (Dongseo University), in the presentation “Alexander Chayanov’s techno-anarcho utopia and the film ‘Albidum: A Victory over the Sun’ (1928)”, uncovered information about the film (Chayanov wrote its scenario), and contextualized the film within the history of the Soviet cinema, culture and politics, making an emphasis on Chayanov and *narodnichestvo*. Amgalan Sanzheev (Tokyo University of Foreign Studies), in the presentation “Toward a study of Chayanov’s political thought: On the role of ‘tyranny’ and the concept of ‘societal struggle’ in peasant utopia”, conducted a thorough philosophical-political analysis of Chayanov’s utopian novel and the fictional newspaper excerpts ‘Zodiac’ in its appendix to explain the relationship of ‘tyranny’ and ‘societal struggle’. Dr. Alexander Nikulin’s (RANEP, MSSS) made a presentation on “Chayanov and Orwell: Rethinking the alternatives of 1984”. He examined the parallels and differences in the life and work of Chayanov and Orwell, focusing on the most striking resemblances: rejection

of authoritarianism and search for anti-authoritarian alternatives. Dr. Ilya Gerasimov (*Ab Imperio*) made a presentation on “‘Poor Alexander Chayanov’: Why Chayanov is of interest in 2021”, in which proposed a provocative thesis that Chayanov was of interest mostly for examining specific ideas of the early 20th century, but the search for ready-made revelations in Chayanov’s works would lead into a trap. The section’s discussant Dr. Igor Kuznetsov (RANEPA) added comments and requests for further clarification to all presentations.

The second day of the conference started with the *fifth section* “*Aesthetics and Narratives in Chayanov’s Literary Works*”. Dr. Dmitriy Nikolaev (Gorky Institute of World Literature) opened it with the presentation on “The aesthetics of peasant utopia in the book and in life (Alexander Chayanov’s ‘Journey’)”, especially on the creation of the peasant utopia. The second presentation “English allusions in Chayanov’s romantic novels” was made by Dr. Olga Kaznina (Gorky Institute of World Literature) who highlighted the references to the English literature and culture in Chayanov’s utopian novel and romantic short stories. In the presentation “‘The third Rome will be a Rome of cooperatives’: Contextualizing Alexander Chayanov’s *The Story of the Hairdresser’s Doll* (1918)”, Eliane Fitzé (University of Fribourg) analyzed Chayanov’s playful allusion to the ‘third Rome’ myth in regard to the Italian cooperative farming as transferred to the Russian context. The section’s discussants Dr. Muireann Maguire (University of Exeter) and Olga Pavlova (Krasnodar State Institute of Culture) asked different questions, such as about the relation of the ‘third Rome’ myth to socialism, Chayanov’s aesthetics (unexpected shifts between fictional and nonfictional genres), the nature of his literary utopia in general.

The *sixth section* “*Chayanov’s Poetics and Literary Strategies*” started with the presentation by Olga Pavlova (Krasnodar State Institute of Culture) on “The legacy of A. V. Chayanov and the virtual culture of the information society (on the prognostic potential of the social-cultural projection of *The Journey of My Brother Alexey to the Land of Peasant Utopia*)”. Olga Pavlova argued that Chayanov’s utopian novel anticipated the manipulative technologies of today’s information society, which she showed on the role of utopia and written culture throughout history. Michel Niqueux (Université de CAEN-Normandie) made the presentation on “Chayanov’s last utopia (*A Possible Future for Agriculture*, 1928) compared with *The Journey of my Brother Alexey to the Land of Peasant Utopia*)” to show their genre difference (a work of literature and a theoretical treatise) in different historical contexts. Elizaveta Apalkova (MSU) talked about “A typology of characters in Chayanov’s romantic tales” to present different protagonists in Chayanov’s romantic short stories as following both typical romantic tradition and complex archetypal images. The section’s discussant Dr. Natalya Mikhaleiko asked questions on different aspects of the presentations, such as about the concept ‘al-

ternatives' in Chayanov's works, the parallels between Chayanov and Nikolay Fyodorov, and Chayanov's historiographical work on Moscow.

During the lunch break, the participants of the conference took a virtual tour of the exhibition "Reconstruction of Utopia" in the "Park" Gallery (Moscow) organized by the gallery's director Nikita Spiridonov.

The seventh section "*Chayanov and Literary Utopia*" started with the presentation by Dr. Anastasya Gacheva (Gorky Institute of World Literature, N. F. Fyodorov Library No. 180) on "Projecting the future: Chayanov's *The Journey of My Brother Alexey to the Land of Peasant Utopia* and the futurological ideas of the Russian cosmologists in the 1920s and 1930s". She highlighted the links between Chayanov's utopia and the Russian cosmologists' ideas, mainly of Aleksandr Gorky, Nikolai Setnitsky, and Valeriy Muravyov, three followers of Fyodorov. The presentation by Valeriya Fedotova (Krasnodar State Institute of Culture) explained "The specifics of the implementation of carnival poetics in Chayanov's neo-romantic novel *The Venetian Mirror, or the Bizarre Adventures of the Glass Man*". She showed how Chayanov's short story repeats motives of romantic literature and carnivalesque in the protagonist's consciousness. The presentation "The philosophy of life-creation in the works of A. V. Chayanov" given by Dr. Natalia Mikhaleiko (Gorky Institute of World Literature) revealed how many characters in Chayanov's fictional writings had characteristics of their author with the concept 'life-creation': Chayanov seemed to consider different ways to confront fateful circumstances in a rapidly changing world. The section's discussants Dr. Nataliya Mikhaleiko and Eliane Fitzé asked questions about different aspects of the presentation, such as about the role of chaos in the cosmist thought and of the free will in Chayanov's utopia.

The conference was closed by its three organizers — Alexander Nikulin, Nataliya Mikhaleiko and Eliane Fitzé, who hoped for further productive cooperation.

Eliane Fitzé
International
conference
"Alexander
Chayanov:
Differentiation
and integration
of economics and
politics, science and
art"

Александр Чаянов: дифференциация и интеграция экономики и политики, науки и искусства

Элиан Фитзе, аспирантка кафедры славянской литературы в Университете Фрибург (Швейцария). Рю ду Крибле 13, 1700 Фрибург, Швейцария. E-mail: eliane.fitze@unifr.ch

Земельный вопрос в Индии и в России¹

Л. А. Овчинцева

Любовь Александровна Овчинцева, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1.

E-mail: lovchintseva@rambler.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-196-200

13 августа 2021 года на базе Научного центра мирового уровня (НЦМУ) РАНХиГС состоялся очередной международный семинар, посвященный обсуждению проблемы человеческого капитала в мировом сельском развитии. На этот раз темой обсуждения оказалось «Современное состояние земельного вопроса в Индии и в России». Семинар был организован Сетью сельских и аграрных исследований (Network of Rural and Agrarian Studies) совместно с аграрниками РАНХиГС.

Индийская сеть сельских и аграрных исследований (NRAS) была создана в 2010 году для того, чтобы привлечь внимание академических кругов Индии к изучению проблем села и сельского хозяйства и расширить содержание учебных программ индийских университетов за счет включения в них тематики, отражающей аграрные и сельские вопросы. Концепцию NRAS разработали независимый исследователь, профессор *А. Р. Васави* из Бангалора и экономист *Падмини Свамнатан*, руководитель центра исследований вопросов жизнеобеспечения Института социальных исследований (Тата). Первый семинар состоялся в октябре 2010 года в Национальном институте перспективных исследований (NIAS) в Бангалоре, и с тех пор ежегодно проходят не менее двух семинаров по данной тематике.

С 2014 года ученые, входящие в сеть, оказывают консультационную помощь студентам и аспирантам, желающим заниматься сельскими аспектами человеческого капитала. На сегодняшний день сеть насчитывает порядка 120 постоянных участников, а число при-

1. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

существующих на семинарах еще шире. У сети имеется свой сайт и странички в социальных сетях.

Обычно NRAS проводит свои семинары в небольших городах или в научных центрах, расположенных вне крупных городов, чтобы давать возможность исследователям получать представление о проблемах сельской местности различных регионов Индии. В текущем году семинар по понятным причинам проводился в дистанционном формате, что облегчило участие зарубежных ученых.

Основными докладчиками с индийской стороны на семинаре выступили руководители исследовательских центров Университета им. Джавахарлала Неру проф. *Наринда Кумар* (Центр политических исследований), проф. *Правин Джа* (Центр экономических исследований), проф. *Санджей Пандей* (Центр международных исследований, отделение по России и Центральной Азии). С российской стороны выступили ученые-аграрники РАНХиГС *Александр Никулин*, *Любовь Овчинцева* и *Александр Куракин*.

Семинар проходил в заинтересованной дружелюбной атмосфере, насколько это позволял дистанционный формат общения, поскольку многие участники были уже между собой знакомы. Вел семинар проф. Наринда Кумар. Интересно, что после представления докладчиков микрофон был передан молодой исследовательнице *Срути Ширам*, что соответствовало концепции семинара, предполагающей максимально широкое вовлечение в научные исследования начинающих ученых с учетом гендерного аспекта. Во вступительном слове Срути Ширам подчеркнула остроту земельного вопроса в Индии, две трети населения которой проживают именно в сельской местности.

Основной доклад с индийской стороны представил проф. *Правин Джа*, известный индийский экономист, в фокусе исследований которого значительное место занимает тема неформальной экономики и человеческого капитала. Проф. Правин Джа отметил, что земельный вопрос в Индии имеет глубокие исторические корни, его острота не снижается на протяжении двух последних столетий и, по всей вероятности, не снизится и в будущем. В настоящее время получение объективной картины о землевладении и землепользовании в Индии затрудняется тем, что сведения, которые ученые черпают из различных источников, например из сельскохозяйственных переписей и локальных органов земельного контроля, существенно различаются. Поэтому можно давать только приблизительные оценки распределения земельных участков по собственникам и фактическим пользователям. В то же время в Индии существует давняя традиция исследований на локальном уровне, разработки пространственных кейс-стади, которые дают качественную картину процессов, происходящих в сельской местности.

К числу наиболее острых проблем сегодняшней Индии относится обезземеливание крестьян. Значительное число жителей села не имеют полевых наделов. Доля безземельных крестьян, по при-

близительной оценке, может составлять до двух третей во многих сельских районах, а в среднем по стране до половины, причем, по данным сельскохозяйственных переписей, с 1990 по 2015 год число безземельных крестьян выросло на 10%. Добавим, что проблема безземелья не затрагивает владение и пользование небольшими приусадебными участками, позволяющими выращивать овощи для семейного потребления, но их в стране никто не считает.

Обезземеливание крестьян является обратной стороной процесса концентрации земельных ресурсов у богатейшей части землевладельцев, из которых 2% к 2015 году стали собственниками 25% сельскохозяйственных земель в стране, причем за четверть века степень концентрации земельных ресурсов возросла в три раза. Если же говорить о географическом распространении обезземеливания, то здесь прослеживается тесная связь как с общим процессом экономического развития отдельных регионов, так и с сохраняющейся в Индии кастовой системой. В низших кастах доля безземельных крестьян выше.

По мнению проф. Правина Джа, в число важнейших причин процесса обезземеливания крестьян входит глобальный макроэкономический тренд либерализации, создающий предпосылки для концентрации земельной собственности, хотя, с другой стороны, именно новая либеральная политика дает ориентиры для скоординированных усилий стран — обладателей природных ресурсов в направлении решения наиболее острых социальных проблем.

В заключение своего выступления проф. Правин Джа напомнил, что традиция исследования аграрного вопроса имеет глубокие корни в марксистской политической экономии и в российской экономической мысли, причем многие наблюдения и выводы построенных на материалах европейских стран исследований того времени сохраняют свою актуальность для процессов, происходящих сегодня на глобальном Юге и, в частности, в Индии.

Положения выступления *Любови Овчинцевой* перекликались с основными тезисами индийского докладчика. Оно до некоторой степени носило обзорный характер, ориентированный на присутствующую на семинаре аудиторию, три четверти которой составляли молодые исследователи, аспиранты и студенты индийских вузов. После краткого экскурса в историю аграрного вопроса в России она представила общие характеристики земельного фонда страны и земель сельскохозяйственного использования, а также результаты Ельцинской аграрной реформы 1990-х годов, создавшей предпосылки для развития рынка земли, стимулировавшей концентрацию земельной собственности у крупнейших агрохолдингов и имевшей противоречивые социальные последствия.

Л. А. Овчинцева охарактеризовала динамику развития различных форм хозяйствования и основные тренды современной аграрной политики России, раскрыла причины, по которым замысел последней аграрной реформы, декларировавшей передачу земли трудив-

шимся на ней, был в значительной степени деформирован. Среди них высокие институциональные издержки осуществления реформ и идеализированные представления о жителях российского села конца XX века как о крестьянах, тогда как в реальности большую часть из них составляли наемные работники крупных сельскохозяйственных предприятий. В результате последних аграрных реформ сократилась сельскохозяйственная занятость, увеличился отток жителей села в города, значительные объемы земель сельскохозяйственного использования фактически оказались в руках иностранных предприятий. Интерес у индийских слушателей вызвал феномен раскрестьянивания жителей российского села, наблюдающиеся в России процессы урбанизации, а также миграции сельского населения в города.

Дискуссию по докладам открыл проф. *Санждей Пандей*, известный своими сравнительными исследованиями социальных и политических процессов, происходящих на постсоветском пространстве. Свое выступление он начал с истории земельного вопроса в России, продемонстрировав глубокое знание динамики земельных отношений в России на протяжении XX века. Остановившись на запутанности земельных отношений в странах, сохраняющих элементы традиционной крестьянской экономики, он закончил риторическим вопросом: что же можно считать успехом земельной реформы?

Тему скрытых противоречий внутри аграрного вопроса, связанных прежде всего с проблемой человеческого и социального капитала на селе, развил в своем выступлении директор Центра аграрных исследований ИПЭИ РАНХиГС *Александр Никулин*. Он подчеркнул, что в аграрных отношениях скрывается ряд внутренних противоречий. Во-первых, между крупными и малыми формами хозяйствования. В частности, в России такое противоречие сложилось еще в XIX веке, носило характер конфликта между крупными хозяйствами помещиков и мелкими хозяйствами крестьян, что привело в конце концов среди прочего к революционным событиям 1905–1907 и затем 1917 годов. В советский период истории это противоречие выражалось в противостоянии крупных совхозов и колхозов и личных хозяйств населения, в постсоветское время — проявляется в конфликтах агрохолдингов с фермерами и мельчайшими хозяйствами как селян, так и горожан-дачников.

Во-вторых, понятия «жители села» и «крестьяне» перестают быть синонимами, современное сельское хозяйство нуждается все в меньшем числе работников. В России этот процесс очень заметен. И если в Индии еще сохраняется аграрное перенаселение, то в России идет сильный отток сельского населения в города и старение сельского населения, нередко земли сельхозназначения забрасываются потому, что на них некому работать.

В-третьих, в ходе структурной перестройки аграрной сферы в России произошло разрушение традиционных для крестьянских сообществ общинных отношений, в России этот процесс усугубила административная централизация, фактически разрушившая

местное сельское самоуправление. На смену традиционным формам общины пришли во многом утопические попытки создания новых сельских сообществ переселившимися на село горожанами.

И, наконец, в современной России наблюдается следующее противоречие: по мере увеличения объема производства продуктов питания все меньше внимания уделяется устойчивому сельскому развитию.

В выступлении *Александра Куракина* (ЦАИ РАНХиГС) акцент был сделан на существующей дифференциации в развитии регионов России, что отразилось на ходе и результатах реформ.

Подводя итоги дискуссии, проф. *Правин Джа* отметил, что переход к нерегулируемому капитализму негативно сказывается на результатах аграрных реформ и искажает решение аграрного вопроса. Также он отметил проблему сохраняющегося в Индии гендерного неравенства. Это проявляется во многом и негативно сказывается на положении женщин в сельском хозяйстве. Их деятельность как субъектов аграрного предпринимательства в этой стране все еще скована существующими гендерными предрассудками и жесткими социальными и кастовыми ограничениями.

В целом участники остались довольны состоявшейся дискуссией. Высказывались мнения, что, несмотря на значительные различия в условиях и трендах аграрного развития Индии и России, имеются и очевидные параллели, в частности последние аграрные реформы в Индии и России стартовали примерно в одно время, в начале 1990-х годов, были направлены на либерализацию земельных отношений, чему немало способствовала консультационная поддержка Всемирного банка в обеих странах, привели к усилению социального неравенства и обезземеливанию крестьян и к сокращению числа мелких сельхозтоваропроизводителей.

Land question in India and Russia²

Lubov A. Ovchintseva, PhD, Leading Researcher, Center for Agrarian studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).
Vernadsky Prosp., 82, 119571 Moscow. E-mail: lovchintseva@rambler.ru

2. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-908).

Биополитика и солидарность между городом и селом

М. Г. Пугачева

Марина Геннадиевна Пугачева — старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20.
E-mail: puma7@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-201-207

24–25 сентября 2021 года в Московской высшей школе социальных и экономических наук состоялся XXVII Международный междисциплинарный симпозиум «Пути России». Организаторы — Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), Центр аграрных исследований РАНХиГС и Интерцентр. Учитывая сохраняющуюся сложную пандемийную обстановку симпозиум прошел как в офлайн-, так и в онлайн-форматах.

Как известно, социальные науки и управленческие практики длительное время концентрировались на теориях и практиках предотвращения войны, рефлексии катастроф XX века, экономическом росте, устройстве глобального мира. Вместе с тем постепенно все более актуальными становились теории и практики, связанные с задачами сохранения человеческих жизней, укрепления здоровья и долголетия. За всем этим обнаруживается новое понимание человеческой социальности: прежние формы объединения людей уступают место более ориентированным на восприятие человека, прежде всего как биологического существа. Этот сдвиг в понимании человека и его места в обществе особенно драматично проявляется во время неожиданных и сильных кризисов — таких как войны, эпидемии, экологические катастрофы. Именно тогда меж собой начинают усиленно конкурировать различные биополитические системы организации, мобилизации и управления обществом. И, конечно, в значительной степени задачи здравоохранения и безопасности зависят от определения основополагающих правил совместного существования людей — оснований человеческой солидарности. Так возникновение новых практик биополитической организации сопровождается возрастанием новых форм солидарного действия. В то время как обветшавшие правила привычной рутинной коллективности впадают в состояние неопределенности, пребывая

в противоречивых попытках новой консервации или радикального разрушения. Вместе с новыми биополитическими и солидарными единствами образуются новые границы новых союзников и противников, друзей и врагов как в международной, так и во внутренней политике государств и сообществ. И, безусловно, проблематика биополитики и солидарности становится чрезвычайно важной в стремительно меняющихся границах взаимодействия между городом и селом в современную эпоху. Поэтому столь актуальной оказалась проблематика очередного симпозиума «Пути России», на котором разнообразие форм солидарности в условиях биополитических кризисов обсуждалось в конкретизации следующих вопросов:

- Каковы различия в реакции на эпидемию коронавируса между странами и между российскими регионами?
- Какие концепции общего блага выходят на первый план в рамках управления пандемией?
- Какие биополитические тактики используются для регулирования жизни в этот период?
- Как чрезвычайные правовые режимы позволяют решать политические задачи?
- Как военные и экологические риски интегрируются в эпидемические угрозы?
- Как меняется функция государства и международных структур?

Пленарное заседание симпозиума открылось докладом *Александра Филиппова* (Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ) «Политическое за пределами только разума». В нем на основе теоретического рассмотрения истории и современности противопоставления понятий политики и рациональности было предложено новое понимание взаимодействия политиков и общества в условиях непрекращающихся пандемийных рисков. Само название доклада — это отсыл к сочинению Иммануила Канта «Религия в пределах только разума». По его мнению, в числе основных черт современности — выход политики и действий политиков за пределы разума, а также слабое влияние ученых на политику. Между тем ученые пытаются вернуть рациональность в политику, обосновать возможность того, что правители могут стать разумными и справедливыми. Нередко при отсутствии рациональных оснований действий власти предполагается, что они разумны и обоснованы тайным знанием руководителей. Но отсутствие известных признаков рациональности заставляет сомневаться в рациональности и скрытой части. Политические стратегии оказываются вне житейской мудрости — попытка следовать требованиям власти оказывается безуспешной. Иррациональность может продолжаться всю нашу жизнь: начальство действует для себя, а не для тех, кого оно считает подчиненными. По мнению Александра Филиппова, можно говорить о крушении

модернистского проекта, предполагавшего создание пространства разумной действительности. Пандемия, по его мнению, также разрушает рациональность: «Вирус дает повод для политических решений, но это не разумные решения, как 400 лет назад во время чумы».

В следующем докладе демографа *Алексея Ракши*, посвященном анализу статистических данных по заболеваемости и смертности от ковида в России и мире, были подвергнуты критике многие официальные статистические данные, а также осуществляемые карантинные меры в борьбе с COVID-19. Докладчик подчеркнул, что население стран, введших меньшие ограничения в экономике, больше страдало от пандемии. Эпидемия пришла в Россию поздно и распространялась медленнее, чем в других странах. В частности, в Нью-Йорке смертность подскочила в 7 раз за четыре недели к 11 апреля 2020 года, в Москве она удвоилась к началу мая. Россия не понесла серьезных экономических потерь, говорит *Алексей Ракша*, но избыточная смертность в нашей стране составила около 20%, что выше значений во многих других странах.

Политолог *Глеб Кузнецов* (глава экспертного совета Экспертного института социальных исследований) в своем докладе «Горе побежденным? Мир ковид-бенефициаров и ковид-аутсайдеров» проанализировал широкий спектр политики цинического прагматизма, присущего правительствам самых различных стран мира в борьбе с пандемией. Одним из главных бенефициаров, считает он, называют государство, расширившее возможности применять легитимное насилие. Многие государства изменили законодательство о чрезвычайных ситуациях, выборах, митингах, западные страны отказались от императивов свободы слова, передвижения и протестов. Среди победителей оказались также фармкомпании, вовлеченные в создание вакцин.

Одним из интереснейших событий симпозиума оказалась секция «*Между городом и селом: дороги, которые мы выбираем*», организованная при поддержке Фонда Розы Люксембург. *Любовь Овчинничева* (РАНХиГС) в своем докладе «*Рурализация в современной России (качественная оценка процесса)*» обратила внимание на неоднозначные и весьма противоречивые процессы российской как урбанизации, так и рурализации. Докладчик отметила, что, несмотря на продолжающийся отток населения из сельских регионов в города, следует замечать и обратные процессы, связанные прежде всего с дачной и миграционной деятельностью горожан в сельской местности, часто инициирующих новые формы рурализации, а также поддерживающих традиционную руральность собственно сельских жителей.

Татьяна Нефедова и *Александр Шелудков* (Институт географии РАН) в докладе «*Возможно ли преодоление противостояния*

города и села? Результаты типологии староосвоенных муниципальных образований России» продемонстрировали при помощи детальных статистических выкладок и разномасштабных карт динамику взаимодействия города и села, при которой разрыв между ними в центральных регионах России не сокращается, а порой даже увеличивается.

Доклад *Дмитрия Rogozina* (РАНХиГС) был посвящен анализу взаимодействия государства с пожилыми поколениями россиян в городах и селах. Выступающий достаточно критически утверждал, что государство, проявляя формальную заботу о стариках, часто их так и не «видит» ни в городе, ни в деревне, то есть не вникает в их действительные нужды, а действует исключительно по бюрократическим правилам взаимодействия государства с населением.

Социолог *Ольга Фадеева* и экономист *Владимир Нефёдкин* (ИЭОПП СО РАН) в своем совместном докладе «Цифровизация в контексте оптимизации: как село отвечает городским практикам управления» на основе полевых социологических исследований нескольких сельских районов в Тюменской и Новосибирской областях, а также Алтайском крае показали, что из-за различных противоречий в земельном законодательстве и местном самоуправлении политика цифровизации в сельской местности часто оборачивается формально проделанной работой, не имеющей реального отношения к действительности, еще более запутывающей аналитическую и статистическую картину местного сельского развития.

Ксения Аверкиева (Институт географии РАН) в докладе «Горожане в сельской местности: сельская джентрификация или возврат к истокам?» на основе анализа международного и российского опыта миграции горожан в сельскую местность предприняла попытку реконструкции основных направлений и моделей сельской джентрификации, а также иных форм возвращения горожан в сельскую местность.

Географы *Александр Алексеев* и *Мария Савоскул* (МГУ, географический факультет) в выступлении «География сельской местности на перепутье или в тупике» охарактеризовали основные вопросы и парадоксы современной сельской географии, которые отчасти разрешаются в анализе и интерпретации новейших данных полевых сельских исследований.

Доклад «Сигналы фермерского аджорнаменто» социологов *Валерия Виноградского* и *Ольги Виноградской* (РАНХиГС) был посвящен рассмотрению новейших фермерских инициатив и практик фермеров Белгородской области и Краснодарского края, в рамках технологического и социального движения новой фермерской волны в России.

Содокладчики *Александр Никулин*, *Екатерина Никулина* и *Илья Полещук* (Центр аграрных исследований РАНХиГС) в сво-

ем выступлении «Трансформация сельско-городских отношений в Нижегородском Заволжье 30 лет спустя» на основе новейших сельских полевых исследований бывших старообрядческих керженских территорий и советских колхозов продемонстрировали разнообразные процессы дифференциации как крупных, так и мелких аграрных предприятий в связи с изменением аграрной политики, технологического прогресса и экологической эволюции в Нижегородской области».

Эта секция завершилась проведением так называемого «длинного стола» памяти выдающегося британско-российского социолога Теодора Шанина. Выступившие на «длинном столе» В. и О. Виноградские, И. Штейнберг, О. Фадеева, А. Никулин, В. Кондрашин, В. Ильиных, М. Пугачева, М. Рожанский и И. Пешков вспоминали важнейшие этапы шанинских крестьяноведческих социологических проектов 1990-х годов, а также сформулировали перспективы современных междисциплинарных сельских исследований, использующих методологические подходы научного наследия Теодора Шанина.

Заключительная секция симпозиума «*Этика солидарности и биополитика карантина: теоретические проблемы культурно-политических трансформаций в эпоху пандемий*» открылась докладом *Дмитрия Попова* (Омская академия МВД России) «Vita COVIDa как биополитическая модальность жизни в пандемию». В нем на основе историко-философского разделения жизни на активную и созерцательную автор определил формирование новой жизненной реальности, связанной с новейшим понятием современного существования «Вита Ковида».

Андрей Корбут (ЦФС НИУ ВШЭ) в своем докладе «COVID-19 и проблема следования (санитарным) правилам» рассмотрел с точки зрения этнометодологического подхода особенности и парадоксы поведения граждан в общественных местах в условиях современных санитарно-карантинных ограничений. Соблюдение правил — это типичная социологическая проблема, вытекающая из появления новых норм поведения. Исследователи стремятся свести понимание поведения и принятия людьми различных норм к дилемме «соблюдение/несоблюдение», однако в случае с противоэпидемическими мерами, например, ношение маски на подбородке выглядит ситуативным выполнением требований, не имеющим практического смысла. Эксперт назвал такое выполнение «серой зоной».

Профессор Билефельдского университета *Штефан Мерль* в докладе «COVID-19, right-wing populism and mistrust in rule in international perspective: Boycotting vaccination by spreading conspiratorial theories and fake news via social media» проанализировал разнообразные антиковидные политические течения в различных странах мира, связанные в том числе с идеологией конспирологических теорий, а также ложных сенсационных

новостей. *Светлана Баньковская* представила доклад «Двойная герменевтика социальной дистанции». Она напомнила, что выработанный британским социологом Энтони Гидденсом принцип двойной герменевтики предполагает обратную связь между понятиями, используемыми повседневно обычными людьми, и понятиями, применяемыми социологами, наблюдающими за их деятельностью.

Социология трактует социальную дистанцию как расстояние между людьми или группами в обществе, включая параметры социальных классов, расы, этнической принадлежности, пола или сексуальности. Это мера близости или уровень доверия человека к человеку, одной группы к другой. В период пандемии понятие социальной дистанции стало частью повседневной жизни в иной коннотации — как средство обеспечения безопасности, собственной, близких и места своего проживания и работы.

В отличие от традиционного карантина, изолирующего болезнь, нынешний, предполагающий установление социальной дистанции, направлен на изоляцию людей от источников инфекции, отмечает *Светлана Баньковская*. Нынешнее социальное дистанцирование устанавливает личные границы и связано со стремлением обеспечить физическую безопасность, установить психологическую дистанцию между собой и другими, избавляющую от страха и эмоционального дискомфорта.

В рамках секции также выступил стажер-исследователь ЦФС *Марк Белов* в своем докладе «Правоустановление в период пандемии» остановился на правовых аспектах борьбы с пандемией.

Завершил симпозиум *круглый стол «30 лет без Союза»*. В центре внимания была ситуация, при которой системные кризисы и распады систем — слишком многослойные процессы, чтобы иметь точные датировки, но есть точки бифуркации, есть знаковые события, у них есть календарные даты, а значит, юбилеи. Тридцать лет Беловежскому соглашению (или «сговору»?), тридцать лет отставке первого и последнего Президента СССР. За тридцать лет стали известны многие детали событий августа-декабря 1991 года, но их анализ не слишком далеко ушел от публицистики, современным событиям, в понимании причин произошедшего распада/перформатирования страны, хотя, кажется, три десятилетия — дистанция, достаточная для аналитической работы с «советским веком», его финалом и его отложенными эффектами. Выступившие на круглом столе *Рустем Сафронов, Глеб Павловский, Иван Пешков, Михаил Рожанский* и *Светлана Баньковская* сосредоточились на следующих вопросах: Распад СССР. Что распалось в 1991-м? Антропологический опыт «советского века»: зачем и как его усваивать? Россия/РФ — импринт Советского Союза и/или его распада?

Biopolitics and solidarity of urban and rural areas

Marina G. Pugacheva, Senior Researcher, Center for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics. Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000. E-mail: puma7@yandex.ru

207

М. Г. Пугачева
Биополитика и со-
лидарность между
городом и селом

Крестьяноведение

2021. Том 6. № 3

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.09.2021. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 1608.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru